

Министерство культуры Омской области
Исторический архив Омской области
Центр изучения истории Гражданской войны

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ОБЪЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
(Омск, 12–13 ноября 2014 года)

Омск – 2015

УДК 947.084.3(063)(571)

ББК 63.3(2)712л0(25)

Г756

Г756 Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 12–13 ноября 2014 года) / под ред. канд. ист. наук Д. И. Петина. – Омск : Амфора, 2015. – 232 с. : ил., фото.

ISBN 978-5-906706-40-6

В сборнике материалов опубликованы доклады и материалы, представленные в оргкомитет Всероссийской научно-практической конференции «Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие», посвящённой 140-летней годовщине со дня рождения адмирала А. В. Колчака и 95-летней годовщине с момента восстановления советской власти в Омском Прииртышье.

Материалы конференции освещают военно-политические и социально-экономические аспекты, культуру, духовную и повседневную жизнь общества, а также содержат историко-биографические исследования.

Издание предназначено для широкого круга читателей – историков, архивистов, преподавателей, докторантов, магистрантов, аспирантов и студентов учебных заведений высшего и среднеспециального образования, музейных сотрудников и краеведов.

12+

© Исторический архив Омской области, 2015

© Авторы, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Резолюция конференции	6
<i>Алексеева О. А.</i> Рецензия на сборник документов Д. И. Петина «Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920: документы Исторического архива Омской области»	9
<i>Бородина Г. Ю.</i> Восприятие деятельности Центра изучения истории Гражданской войны сквозь призму отзывов посетителей	11
<i>Величко С. А.</i> Рецензия на издание «Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920: документы Исторического архива Омской области», подготовленное Д. И. Петиным	18
<i>Гайкин В. А.</i> Партизанское движение на дальнем востоке России и антияпонская борьба в Маньчжурии 1918–1922 гг.	20
<i>Демаков И. Н.</i> «На далекой стороне...». Судьбы участников белого движения в Маньчжурии (по документам ГААОСО)	25
<i>Дроботушенко Е. В.</i> Историография Забайкальского казачьего войска. К постановке проблемы	33
<i>Ермакова А. А.</i> Уникальная тема в художественной литературе: белогвардейская эмиграция в Китае (роман Эльвиры Барякиной «Белый Шанхай»)	38
<i>Журавлёв Е. Н.</i> Частная переписка А. Н. Гришина-Алмазова в фондах архива Управления ФСБ России по Омской области	43
<i>Зверев С. В.</i> Британский консул Томас Престон в Екатеринбурге. 1918 год.	46
<i>Звягин С. П.</i> Сотрудник государственной охраны на территории белой Сибири В. Н. Руссиянов	51
<i>Каиндина Т. В.</i> Обзор документов по истории Гражданской войны и установлению советской власти в фондах бывшего омского облпартархива	56
<i>Калашников Е. Н.</i> Марьяновские бои: взгляд по ту сторону фронта	60
<i>Капустин Л. Г.</i> Забытые имена белой Сибири: подпоручик С. Н. Ликаонский	65
<i>Кобылецкий М. А.</i> Фотографический образ солдат и офицеров русской армии в годы Первой мировой войны (на основе контент-анализа)	72

Коломбет И. В. Культурное строительство в Исилькульском районе Омской области (1917–1922)	75
Кротова М. В. «Никто не мог отворотить неминуемую гибель, на которую было обречено белое движение»: эмигранты в Маньчжурии о причинах поражения в Гражданской войне	81
Лосунов А. М. Г. К. Чукреев и его воспоминания о Первой мировой войне и белом Омске	86
Махнанова И. А. Гражданская война в наследии омских литераторов (из личных фондов Ф. А. Березовского, Э. Г. Шика, М. К. Юрасовой)	93
Новиков С. В. На изломе вечности: отзыв на рукопись книги А. А. Штырбула «Дожить до сентября: судьба поэта Юрия Сопова»	97
Огородникова Л. И. Обзор работы Государственного (Исторического) архива Омской области с документами периода Гражданской войны	102
Папкова Е. А. Всеволод Иванов в Третьей столице. 1919 г. Страница биографии и творчества	107
Паршуков В. А. Роль казачества в подавлении повстанческого и партизанского движения в Енисейской губернии	113
Петин Д. И., Коновалова Н. А. Капитон Батюшкин: дополняя исторический портрет	118
Петин Д. И., Коновалова Н. А. Бывшие белые офицеры в зеркале массовых документов первых лет советской власти	125
Помыткина В. Л. Из истории здравоохранения в Таре и Тарском уезде в 1919–1921 гг.	132
Растягаева Г. И. «В заботах о том, чтобы переживаемые нашей родиной Сибирью величайшие исторические события были сохранены для истории и будущих поколений» (К вопросу о сохранении омских архивов в годы Гражданской войны)	136
Стельмак М. М. Взаимодействие Российского правительства А. В. Колчака с иностранными союзниками в конце 1918 г.	141
Стельмак М. М. «За великие заслуги чехословацких войск, оказанные ими нашей Родине, приношу от лица русской армии глубокую благодарность...»: Чехословацкий корпус и перемена власти в антибольшевистском лагере в 1918 г.	146
Сумина И. Н. Периодика и краеведческая литература Тарского Прииртышья как источники формирования стереотипов восприятия Гражданской войны в массовом историческом сознании	152

Сушко А. В. Использование опыта переживаний событий о Первой мировой войне в интересах мобилизации населения на борьбу с большевизмом (по материалам газеты «Военные ведомости»)	158
Тетерин В. И. Деятельность органов местного самоуправления в пермской губернии в период власти Колчака	163
Тимофеев А. Н. Доброволец Яков Тимофеев. Реконструкция биографии	167
Тимофеев А. Н., Кривченко Л. А. Генерал-лейтенант А. П. Бакшеев и судьбы его потомков. Дополнение к биографическим справочникам	170
Тимченко Ю. В. Деятельность органов городского самоуправления в сфере народного образования в Омске во второй половине 1918–1919 гг.	175
Тихонов А. А. Гражданская война на севере Омской области через призму теории фронта	179
Храпова Н. С. Метрические книги омских церквей как источник изучения социально-политической обстановки города в 1915–1919 гг.	183
Царегородцева Т. И. Революция и Гражданская война в поэтическом восприятии Арсения Несмелова	187
Шепелева В. Б. Поэт трагической эпохи, поэт трагической судьбы: рецензия на рукопись книги А. А. Штырбула «Дожить до сентября: судьба поэта Юрия Сопова»	192
Шиловский М. В. Образ А. В. Колчака в сибирской прозе 1990–2000-х гг.	194
Штырбул А. А. Эсеры Омска и среднего Прииртышья периода колчаковской диктатуры в регионе (ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г.)	199
Шулдяков В. А. К вопросу о сепаратизме атамана Анненкова (по поводу публикации письма Г. М. Семёнова Б. В. Анненкову от 25 мая 1919 г.)	209
Фотодокументы	215
Сведения об участниках конференции	227
Список сокращений	230

РЕЗОЛЮЦИЯ
Всероссийской научно-практической конференции
«Гражданская война на востоке России:
объективный взгляд сквозь документальное наследие»

12–13 ноября 2014 г. состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие», приуроченная к 140-летию со дня рождения адмирала А. В. Колчака и 95-летию восстановления советской власти в Омском Прииртышье. Её организаторами выступили Министерство культуры Омской области и Исторический архив Омской области. Непосредственно мероприятие было проведено в здании Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области.

Необходимость проведения конференции стала следствием большой востребованности научным сообществом Сибирского региона материалов сборника Всероссийской заочной научно-практической конференции «Гражданская война в Сибири», организованной в 2013 г. В связи с этим работу конференции в 2014 г. решено было провести в очном формате.

Для работы конференции был представлен 42 доклада. Среди участников конференции – историки, преподаватели вузов, сотрудники региональных, муниципальных и ведомственных архивов, работники музеев и библиотек, общественные деятели и краеведы; 18 участников имеют учёные степени и звания (6 докторов наук, 10 кандидатов наук, 2 магистра истории). География участия представлена такими городами, как Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Омск, Кемерово, Чита, Красноярск, Хабаровск, Владивосток, Пермь, Ульяновск, Муром, а также двумя районными центрами Омской области.

На пленарных и секционных заседаниях присутствовало 87 гостей и участников. В процессе пленарного заседания были заслушаны доклады, освещающие неисследованные аспекты истории Гражданской войны на востоке России, как в локальном, так и в макрорегиональном масштабах. Выступили профессора Ю. З. Кантор (Санкт-Петербург), С. П. Звягин (Кемерово), А. А. Штырбул (Омск), а также архивисты Омского региона Г. И. Растягаева, Л. И. Огородникова и Д. И. Петин.

Участники конференции 12 ноября 2014 г. почтили память жертв Гражданской войны возложением цветов к памятной доске на особняке К. А. Батюшкина, посвящённой адмиралу А. В. Колчаку, а также к мемориалу погибшим в годы Гражданской войны в сквере Борцов Революции.

Обозначенные в информационном письме направления работы конференции обусловили деление представленных докладов на две секции: «Военно-политические и социально-экономические аспекты Гражданской войны: фено-

мен времени» и «Российское общество на переломе: культура, повседневность, документальное наследие». В ходе работы секций конференции было заслушано 15 докладов.

Участниками конференции в процессе её проведения были обсуждены следующие научные аспекты:

- Современная историография Гражданской войны;
- Новые источниковедческие практики в изучении Гражданской войны;
- Взаимодействие государства, общества и армии в период Гражданской войны;
- Культурная жизнь Сибирского региона в военно-революционные годы (1917–1922);
- Повседневность и быт сибирских городов в период Гражданской войны;
- История русской эмиграции в Северной Маньчжурии;
- Архивное наследие революции и Гражданской войны: вопросы сохранения и использования;
- Восприятие Гражданской войны в современном российском обществе.

На конференции были рассмотрены вопросы развития макрорегиональной истории, источниковедения и историко-архивного дела, связанные с Гражданской войной. Конференция в очередной раз подтвердила актуальность изучения этого периода российской истории для научного сообщества, выраженную в высоком интересе исследователей к обозначенным проблемам.

Отдельное внимание участники конференции уделили роли архивных учреждений в сохранении отечественного историко-культурного наследия и необходимости популяризации знаний о периоде революции и Гражданской войны. Опыт экспозиционно-экскурсионной работы Исторического архива Омской области, на базе которого с 2012 г. действует Центр изучения истории Гражданской войны, был отмечен как особо актуальный в данном направлении.

Участникам конференции были вручены дипломы (сертификаты), подтверждающие их участие в работе конференции.

В рамках работы конференции 13 ноября 2014 г. прошла презентация монографии историка С.П. Звягина «В.Н. Пепеляев: Судьба либерала из Сибири в начале XX века». Экземпляр книги пополнил библиотеку Центра изучения истории Гражданской войны.

КОНФЕРЕНЦИЯ РЕШИЛА:

- Отметить высокий уровень её организации и проведения Министерством культуры Омской области и Историческим архивом Омской области.
- Отметить заслуги архивистов Омского региона по выполнению воспитательной и патриотической миссии в работе с населением и преодолении в обществе негативного стереотипа «архив – закрытое учреждение».

- Обратиться с просьбой в Правительство Омской области о необходимости установки на здании Омского военного кадетского корпуса мемориальной доски, посвящённой генерал-лейтенанту Анатолию Николаевичу Пепеляеву.
 - Обратиться в Министерство культуры Российской Федерации и Федеральное архивное агентство с ходатайством о предоставлении Историческому архиву Омской области цифровых копий документов, относящихся к периоду Гражданской войны, централизованно переданных в федеральные архивы из Омской области.
 - Рекомендовать архивной службе Омской области раз в два года проводить научно-практическую конференцию по истории Гражданской войны в России на базе Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области.
 - Активизировать научно-исследовательскую и публикаторскую работу муниципальных архивов Омской области.
 - Обратить внимание на необходимость интеграции архивов и музеев в рамках изучения и публикации документальных источников по истории Омского региона.
 - Рекомендовать опубликовать информацию об итогах работы конференции на Интернет-ресурсах Правительства Омской области, Министерства культуры Омской области, Исторического архива Омской области, а также в ведущих историко-архивных изданиях страны – «Отечественные архивы» и «Вестник архивиста».
-

О. А. АЛЕКСЕЕВА (Санкт-Петербург),
Государственный музей политической истории России

**РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ Д. И. ПЕТИНА
«ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ
В СИБИРИ. 1917–1920: ДОКУМЕНТЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ»**

Одним из инструментов, всегда используемым государством для управления различными сферами и обществом, являются финансы. В свою очередь, состояние финансов зеркально отражает процессы, происходящие в государстве, причем не только в области экономики и социальных процессов, но и в сферах политики, демографии и т. д. Изучение финансов в разные исторические периоды российской государственности способствует пониманию механизмов функционирования государства и его взаимодействия с обществом. Особенно важно владение этими механизмами в периоды социальных потрясений, когда государству требуются быстрые и эффективные способы управления финансами и мобилизации всех ресурсов.

В рецензируемом сборнике представлены документы по истории финансов и денежного обращения одного из крупнейших регионов России – Сибири. На территории данного региона в период Гражданской войны действовали достаточно устойчивые государственные образования с разными общественно-политическими установками. В то же время эти государственные образования составляли политический противовес советскому блоку и для страны представляли собой альтернативу государственно-политического развития. Важным моментом осмысления политических перспектив, равно как проводимых мер в отношении всех политических режимов, противоборствовавших в Гражданской войне, является подведение итогов их финансового регулирования в этот сложный и скоротечный период.

Несомненным достоинством сборника является расширение источниковой базы современной исторической науки и введение в научный оборот ранее не известных источников. Представленные 189 документов, хранящихся в фондах Исторического архива Омской области и его филиала в г. Таре, ранее не публиковались и почти не использовались при изучении истории финансов востока России в период революции и Гражданской войны.

Основная часть сборника предваряется вступительной статьей авторитетного исследователя Гражданской войны в Сибири, доктора исторических наук, доцента А. В. Сушко. Вступительная статья, обращаясь к процессам повседневности тех лет, вводит читателя в исторический контекст публикуемых документов.

В историко-археографическом предисловии автора-составителя приводит-

ся детальный обзор состояния финансов и денежного обращения в Сибирском регионе в годы революции и Гражданской войны, убедительно обосновываются хронологические и территориальные рамки издания, принципы отбора и публикации документов, даются их характеристики.

Необходимо отметить весьма серьёзную работу автора-составителя по отбору документов к публикации, а также их археографическому оформлению, проведённому в соответствии с правилами и традициями издания исторических источников.

Структура основной части сборника основана на тематико-хронологическом принципе. Опубликовав документы именно в такой концепции, автор представил читателю взгляд на денежно-эмиссионную политику властей, использованную как «ресурс борьбы» за политическое первенство в сложный и неоднозначный период российской истории.

В сборнике представлены документы официального происхождения, однако разнообразие их типов (протоколы заседаний финансовых учреждений, переписка по вопросам выработки и реализации финансовой и денежной политики в регионе, списки служащих, различные инструкции, приказы, постановления и т.д.) позволяет более объективно осветить историю финансов и денежного обращения Сибири.

Содержание источников довольно полно и разносторонне раскрывает проблемы, с которыми столкнулись в области финансов органы власти всех политических режимов (инфляция, фальшивомонетничество, недостаток денег мелкого достоинства в обороте, стремление граждан изъять свои сбережения из банков и хранить их другими способами; быстрое свертывание обмена товаров на деньги и замена его натуральным обменом и пр.).

Материалы сборника дают представление о содержании мероприятий большевистских и антибольшевистских правительств по реализации собственных общественно-политических концепций в финансовой сфере, а также конкретных шагов по преодолению сложнейшей финансовой ситуации и недоверия к финансовым инновациям не только местного населения, но и государственных учреждений и пр.

Документы сопровождаются необходимым научно-справочным аппаратом – археографическими легендами, комментариями и примечаниями, указателями (именным, предметным и географическим), списком сокращений. В соответствующих перечнях представлена информация о фондах Исторического архива Омской области и научной литературе, использовавшихся для подготовки данной публикации. Несомненным достоинством, украшающим сборник, является иллюстративное включение. Причём ряд иллюстраций приведён автором-составителем впервые.

Представленный на рецензию сборник документов получит несомненный интерес и для историков-профессионалов, изучающих политическую и соци-

ально-экономическую историю Сибири в период Гражданской войны, и для широкой общественности, интересующейся историей своей страны.

Автор-составитель сборника кандидат исторических наук Д. И. Петин в научных кругах уже зарекомендовал себя как кропотливый исследователь и автор большого числа статей и научных публикаций исторических источников. Он активно занимается популяризацией отечественного документального наследия и укреплением историко-архивных связей. В заключение хотелось бы пожелать автору продолжать развивать выбранное им направление истории российских финансов и по материалам кандидатской диссертации издать монографию, которая во многом будет созвучна с рецензируемым изданием.

Считаю возможным рекомендовать к публикации издание «Финансовая политика и денежное обращение в Сибири 1917–1920: документы Исторического архива Омской области».

Г. Ю. БОРОДИНА (Омск),
Исторический архив Омской области

ВОСПРИЯТИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРА ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОТЗЫВОВ ПОСЕТИТЕЛЕЙ

В 2011 г. Правительство Омской области выступило с инициативой создания на базе Исторического архива Омской области Центра изучения истории Гражданской войны (далее – Центр). При создании Центра решено было использовать опыт работы Выставочного зала федеральных архивов, действующего в Москве на базе ГАРФ. В связи с этим одним из основных направлений деятельности Центра стала экспозиционно-выставочная и экскурсионная работа. Центр начал работу 13 января 2012 г. К его открытию была заказана «Книга почетных гостей», первую запись в которой сделал Губернатор Омской области Л. К. Полежаев: *«Мне кажется, что открытие Центра в Сибири даст возможность изучать малоизвестные факты российской истории. Хочу пожелать работникам Центра, архивистам плодотворной творческой деятельности. Не сомневаюсь, что Центр станет одним из самых посещаемых мест города Омска»*. Кроме того, для посетителей была предусмотрена «Книга отзывов и предложений». За время работы Центра в обеих книгах было сделано 420 записей, из них 102 – в «Книге Почетных гостей» и 318 – в «Книге отзывов и предложений».

Анализ отзывов позволяет определить не только неоднозначное отношение общества к периоду революции и Гражданской войны, но и показать раз-

ноплановость отношения к этому периоду различных категорий посетителей. Из 420 отзывов 418 – положительные; при этом в некоторых высказаны предложения о направлениях деятельности Центра, составе его экспозиций, их тематике и популяризации работы Центра. Отрицательные очень четко определили поляризацию общества, которая существует до сих пор. Р. Ф. Краснаухова, всегда беспартийная: *«Колчак не может быть примером для подрастающего поколения. Палачам памятники не ставят»*; В. Л. Портных, историк (Новосибирск): *«Срочно уберите витрину, посвященную Ленину, этим мы наносим личное оскорбление А. В. Колчаку, прямо как открытие памятника ему под советский гимн»*.

При планировании тематики экспозиций, учитывая памятные даты, Центр сохраняет баланс в освещении противоборствующих сторон Гражданской войны. И посетители это видят и отмечают в своих отзывах. В. Н. Кичеджи, вице-губернатор Санкт-Петербурга: *«Дорогие омичи! Спасибо большое за сохранение памяти о трагических событиях! Спасибо за правду, удачи! Спаси Вас Господь!»*; учащиеся лица № 149 (Омск): *«Спасибо за познавательную экскурсию, эмоциональную, такую необходимую всем живущим в Омске. Спасибо за желание быть объективными, за представленную возможность прикоснуться к истории нашего многострадального народа. Желаем успехов в научной деятельности, удачи в поисках необходимых материалов всем сотрудникам архива»*; Д. А. Копысов (Москва): *«Будучи в однодневной рабочей командировке, посетил Ваш Центр и остался крайне доволен подходом сотрудников, экспозицией и духом Центра, который пропитан любовью к истории России. Восхищен тем, что сотрудники не навязывают какую-то одну сторону трактовки истории, а пытаются показать объективно происходящее в России во время гражданской войны»*; делегация ОАО «Омскоблгаз»: *«Посетили уникальный Центр «Русской истории», где смогли поклониться нашей Истории, такой, какая она есть. Не дай бог повториться братоубийству, Гражданской войне. Память все мирит и примиряет. Да здравствует Россия!»*

Для многих посетителей события и первопричины военно-исторического периода 1914–1922 гг. остаются «сферой исторических легенд». Чего стоят только многочисленные версии о «золоте Колчака»! Поэтому одной из важных задач экскурсионной работы является развенчивание сложившихся стереотипов. Выпускники народного факультета ОмГУ: *«Центру уже почти три года, и посещали мы его неоднократно, но интерес к материалам не угасает, а лишь возрастает. Каждый раз высококвалифицированные работники Центра проводят с нами увлекательнейшие экскурсии в историю, благодаря чему узнаем много нового»*; И. В. Расова, кандидат исторических наук: *«Мы получили гораздо больше, чем рассчитывали. Огромное эмоциональное впечатление. Спасибо хранителям нашей истории»*; частные лица (Новый Уренгой и Ноябрьск): *«Благодарим за чудесную экскурсию, самая*

главная награда сотрудникам Центра в том, что осталось у нас в головах. Все было рассказано основательно, доступно и непринужденно!»; частное лицо (Миасс): «Спасибо за то, что вы есть! Очень сильное, серьезное, положительное впечатление! Я давно интересуюсь этой темой и счастлива, что здесь познакомила с новыми уникальными документами, узнала много неизвестных ранее фактов и гораздо шире смогла представить минувшие события»; С. П. Миронов, частное лицо: «Был проездом по делам в Омске, и доброжелательный таксист привез меня в “Дом Колчака”. После посещения экспозиции совершенно иначе стал смотреть на историю России этого периода, за что огромное Вам спасибо!»

Отзывы показывают, что в обществе не сложилось целостного восприятия революции и Гражданской войны. При этом первостепенный интерес для посетителей представляют персоналии антибольшевистского движения и эмиграции в силу того, что сведения о них долгое время были закрыты. Н. А. Волобуев, заместитель Генерального директора Государственной корпорации Ростехнологии (Москва): *«История Гражданской войны, к сожалению, практически нами не изучена. Тем более, совсем не известные страницы, связанные с «белым» движением, т. е. другой половиной этой части нашей истории. Поэтому огромное спасибо создателям и работникам Центра за восстановление этих страниц истории»*; П. Продолятенко, войсковой старшина (Россошь): *«Мы, дети Дона и Кубани, с печалью думаем о том, что наши доблестные деды не соединились с Колчаком. Тогда б Единая Россия была б совсем, совсем другой и в мире не было б сравнения с Великой и родной страной»*; А. В. Тиваненко, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ): *«Я много читал о пребывании Колчака в Омске, мечтал посетить, и наконец-то моя мечта исполнилась. Впечатляют экспонаты, совершенно неизвестные отечественной истории страницы белого движения. Тем более что я написал и издал две книги о золоте Колчака. Надеюсь на дальнейшее сотрудничество в дальнейшем, т. к. мои творческие планы тесно связаны с Омском и Тарой»*; Владимир Макеенко, частное лицо: *«Спасибо за память об искаженном, забытом прошлом Отечества! Спасибо за восстановление истины и справедливости! Ваш Центр – это памятник униженной и обогнанной Белой России»*.

Очень важно, что в обществе происходит переоценка Гражданской войны. Наблюдается уход от сугубо политических оценок. Войны воспринимаются сегодня как явление, угнетающее прежде всего общественно-социальное и культурное развитие страны, а также как трагедия для жизни отдельно взятого человека, жизни семьи и страны в целом. Сотрудники Центрального Музея МЧС России (Москва): *«Это очень здорово, что наступило то время, когда мы в одном доме видим историю нашей страны с разных сторон, в то смутное тяжелое время – время выбора для каждого человека. Идет время, и мы, становясь мудрее, уже способны видеть свою историю с болью за каждого участника*

того времени гражданского противостояния»; делегация Ассоциации контрольно-счетных органов России: «До тех пор, пока мы не осмыслили глубоко историю братоубийственной войны – Гражданской, до тех пор мы не будем способны идти выверенным путем по пути созидания новой России! Спасибо работникам Центра за бережное отношение к отечественной истории – её жертвам и героям! Вечная им память»; участники VIII научно-исследовательского конкурса «Проблемы местного самоуправления»: «Выражаем огромную благодарность сотрудникам Центра за погружение в реалии Гражданской войны, исторических и трагических лет в истории нашего Отечества».

Особую ценность имеет мнение учёного сообщества и прежде всего историков, которые как никто другой могут объективно оценить всё, что представлено в документальных экспозициях Центра. В. М. Рынков, кандидат исторических наук (Новосибирск): *«Испытал глубочайшее волнение, находясь в этом доме. Здесь с трепетом относятся к этому важному эпизоду Омской истории и за короткий отрезок времени сумели сделать невероятно много для реконструкции духа и обстановки резиденции А. В. Колчака. Желаю дальнейшего приумножения документальной коллекции»; С. А. Величко, кандидат исторических наук, доцент (Омск): «Такой Центр нужен городу и стране, чтобы люди знали, помнили, уважали и любили свою историю»; С. И. Ануфриев, ректор Томского института повышения квалификации работников образования (Томск): «Хочется выразить огромную благодарность замечательному коллективу Центра за очень важную работу, которую они ведут, за их высочайший профессиональный уровень, взвешенную и ответственную гражданскую позицию, за историческую память, это бесценно!»*

Растет число школьников и студентов, посещающих Центр. Их мнения также находят отражение в памятных записях. Учащиеся 7-го класса школы № 108: *«Спасибо работникам Центра за увлекательный рассказ об истории города Омска в годы Гражданской войны. Вопрос нет (пока что). Придем еще!!!»; учитель Н. И. Голубева с учениками школы № 79 (Омск): «С интересом и не в первый раз ученики нашей школы посещают Центр. Моим ученикам нравится здесь всё: интерьер, архивные документы, экспонаты, экскурсоводы и даже смотритель. Спасибо за то, что доступным языком доносите до учеников знания о тех трагических и героических днях, в центре которого оказался Омск»; учитель Е. Балезина с учениками (Омск): «Направляясь к Вам в Центр, я думала о том, насколько это будет интересно, плюс ко всему за плечами целый учебный день и усталость давала о себе знать. Но, как только началось путешествие по Центру, утомленность ушла, а на смену ей пришли любопытство, интерес и, наконец, восторг. Спасибо огромное за то, что смогли так удачно передать дух того времени».*

Частые посетители Центра – творческие работники: актеры, певцы, музыканты. Их отзывы о Центре порой очень восторженные и эмоциональные.

Е.М. Боярская: *«В этом доме сильнее бьется сердце, быстрее бежит кровь и стоит ком в горле от одной только мысли, что ОНИ были здесь счастливы, ходили по этим комнатам. Спасибо Вам за то, что так бережно храните память, об этих выдающихся людях!»*; С. Безруков: *«Спасибо за бережную Память о Колчаке, о Белом Движении, о Потрясающих Русских людях!!!»*; А.Я. Михайлов: *«Поклон Вам за память и за все, что Вы делаете, за сохранение памяти и правды и истории нашей России. Я испытал не только трепет, но целую бурю эмоций, прикасаясь, благодаря работникам Центра, к судьбе уникальной личности А.В. Колчака»*; Е. Ульянова: *«Низкий поклон сотрудникам Центра за сохранение памяти об уникальном человеке – Адмирале Колчаке. Человек жив столько – сколько его помнят!»*.

Отзывы простых омичей и туристов из других регионов не менее информативны и дают новый стимул к работе Центра. Н. Семенова: *«Впервые посетила Центр и была обрадована его состоянием. Необыкновенно красивая архитектура здания, интерьер. Очень интересные исторические материалы, легко читаются, есть возможность, знакомясь с ними, сформировать свое собственное представление о жизни и значимости А.В. Колчака. Работники Центра порадовали своим желанием поделиться знаниями, любовью к делу»*; Славкин, частное лицо: *«Спасибо Вам за то, что есть еще место в России, где помнят героев и сохраняют историю. Здорово, что в России, где очень мало освещают реальные события Гражданской войны, существует такой Центр»*; А. Васильцов, частное лицо, (Санкт-Петербург): *«Хочется выразить благодарность губернатору и администрации Омска за создание такого уникального исследовательского Центра, где научные сотрудники могут не только изучать этот сложный период нашей истории, но и доносить объективные сведения о нем до интересующихся граждан»*; Л.Е. Липунова (Сургут): *«Благодарю Вас за счастье, которое Вы доставляете мне каждый раз, когда я приезжаю в Омск, обожаю приходить в этот дом и просто смотреть на фотографии и документы, впитывать в себя волшебную энергию этих стен. Это место одно из тех, которые я посещаю в Омске немедленно по приезду. Я благодарю Вас за то, что Вы существуете и не даете этим печальным событиям погрузиться в вечность»*.

История Гражданской войны – это часть истории нашего региона, и через отношение к этой трагической странице посетители выражают свое отношение к истории Сибири в целом. При этом экспозиционно-выставочная деятельность Центра рассматривается как важное направление в деле просвещения страны. Полномочный представитель Президента РФ В.А. Толоконский: *«Восхищен увиденным, благодарен создателям Центра, всем, кто сберег нашу историю, Губернатору Л.К. Полежаеву за огромный вклад в сохранение исторической памяти о развитии г. Омска»*; представитель Федерального арбитражного суда В.А. Иванов: *«Благодарим работников Центра за прекрасную*

экспозицию, которая позволяет приобщиться к истории России, хотя бы немного осознать все величие и трагичность жизни нашей страны и Сибири»; М.А. Сутягинский, руководитель проекта «ПАРК: промышленно-аграрные кластеры», депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ V созыва: «С уважением и благодарностью к руководству региона и создателям Центра, что позволяет нам хранить память об истории нашего региона, Омской области»; О.П. Сафонов, и.о. руководителя Федерального агентства по туризму РФ: «Невероятно потрясен огромной работой, которая была проведена сотрудниками Центра по сбору, анализу исторических документов и артефактов. Экспозиция пронизана искренней любовью и уважением к Русскому народу и России. Несомненно, Центр является одним из интереснейших туристических объектов Омска и Омской области. Надеюсь, что в недалеком будущем памятник А.В. Колчаку будет установлен».

Патриотическое воспитание – одно из немаловажных направлений деятельности Центра. И это было отмечено рядом посетителей в своих отзывах. Председатель общественной организации, капитан 2-го ранга запаса А.В. Чертов (Омск): «Региональная общественная организация “Омское морское Собрание” выражает восхищение Вашей великолепной экспозицией! То, чем Вы занимаетесь, очень нужно для подрастающего поколения и ветеранов флота»; В.Ю. Улаханов, полковник (Иркутск): «Замечательный рассказ о русской истории, русском офицере! Благодаря Вашей кропотливой работе в наших сердцах живы традиции, которые будут передаваться молодым поколениям офицеров!»; Е.П. Поздникова, министр культуры Краснодарского края (Краснодар): «Трепетность воссоздания атмосферы дома, сохраненная история благодарно отразится в последующих поколениях, личность Колчака одухотворяет дом и обратит наше внимание на великую роль личности в истории»; И.В. Козлова, заместитель директора Государственного Российского Дома народного творчества, заслуженный работник культуры РФ: «Ваша глубокая и серьезная работа по изучению и сохранению исторического наследия и памяти во имя воспитания патриотического и нравственного в молодежи и будущих поколениях россиян заслуживает высочайшей оценки и имеет большое значение. Уверена, что она всегда будет иметь государственную и общественную поддержку».

Отдельная категория отзывов – и их значительное количество – посвящены А.В. Колчаку и осмыслению этой личности, её значения в истории. Б.Д. Леонтьева: «Давно не была в своем родном Омске, впечатление от посещения Вашего Центра, конечно, неизгладимое. Спасибо за восстановление справедливой памяти об А.В. Колчаке, расскажу своим внукам»; Л.А. Маркина, доктор искусствоведения, профессор: «На меня произвел огромное впечатление Центр и все, что я здесь услышала об А.В. Колчаке. Фигура этого деятеля неоднозначная, до сих пор мне, воспитанной в советскую эпоху, трудно от-

казаться от устоявшегося мнения об этом человеке. Центр пытается разрушить мифы и это, может быть ошибочное, мнение и дать объективную оценку личности Колчака. Успехов Вам в этом!»; В.Ефремов: путешественник, пилот воздушного шара «Святая Русь»: «С благодарностью и низким поклоном Хранителям истории Российской, и особенно, материалов о Великом человеке России А.В. Колчаке!»

Остается открытым вопрос об установке памятника А.В. Колчаку, и это не могло не найти отражение в отзывах. Э. Радзинский, публицист (Москва): *«Замечательный Центр трагической нашей истории! Как жаль, что в городе нет памятника Колчаку. Ведь это часть нашей истории, а его судьба – это страница в истории нашей страны»; Л.А. Каменева: «Пора решить вопрос с памятником Адмиралу! Подходящее место во дворе дома Батюшкина с доступом посетителей в садовую часть особняка»; социальный центр «Родник» (Омск): «Благодаря Вам будущие поколения, наша молодежь не забудет историю Гражданской войны и А.В. Колчака. Надеемся, что памятник ему все же будет установлен!»*

Было важно, чтобы целесообразность работы Центра, именно как структуры Исторического архива Омской области, была понята и получила одобрение. И в целом ряде отзывов эта идея находит поддержку. В.Д. Попов, председатель НМС СФО: *«Замечательно, что Омская область создала Центр под эгидой архивов области. Это позволит более объективно, опираясь на архивные документы, рассматривать различные аспекты Гражданской войны»; общественная организация «Коренные омичи»: «Наконец-то наш город, которому исторически суждено было стать третьей столицей России, обрел место, где можно познакомиться с уникальными документами и постараться понять события страшных лет Гражданской войны. Центр совместил в одном месте три ипостаси: архив, музей, научно-исследовательский центр»; Н.Ю. Салюкова, В.А. Герасименко, А.Р. Врублевская, бывшие музейные работники: «Это здорово, что наконец-то в Омске открылся научный Центр, который объективно будет исследовать этот трагический период в жизни нашей страны».*

Экспозиционно-выставочная работа, проводимая в Центре, стала своего рода «информационным рупором» омских историков-архивистов. Время показало целесообразность создания Центра именно на базе архива. Многочисленные отклики посетителей подтвердили, что выбранная форма деятельности востребована обществом, а Центр за три года работы превратился в яркую интеллектуальную и экспозиционно-выставочную площадку, являющуюся одним из брендов Омского Прииртышья.

**РЕЦЕНЗИЯ НА ИЗДАНИЕ «ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА И ДЕНЕЖНОЕ
ОБРАЩЕНИЕ В СИБИРИ 1917–1920: ДОКУМЕНТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО
АРХИВА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ», ПОДГОТОВЛЕННОЕ Д. И. ПЕТИНЫМ**

Предлагаемая широкому читателю публикация архивных материалов, подготовленная кандидатом исторических наук, главным архивистом Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области Д. И. Петиным, восполняет существенный пробел в источниковой базе документов, касающихся финансовой политики советской власти и антибольшевистских правительств накануне и в период Гражданской войны. При составлении сборника автором использовались ранее не публиковавшиеся источники по истории Гражданской войны, хранящиеся в фондах Исторического архива Омской области.

Сборник документов состоит из трёх частей. Деление сборника на три периода в соответствии с исторической хронологией обеспечивает возможность доступного восприятия документального материала.

В первой части «Период советской власти и многовластия (осень 1917 – первая половина 1918 гг.)» содержится ряд документов о стремлении наладить финансовое дело на подконтрольной территории Омским Советом рабочих и солдатских депутатов. В этом разделе также представлены и директивы, приходящие на места из Народного комиссариата финансов РСФСР, протоколы и решения заседаний Краевого продовольственно-экономического комитета Западной Сибири и Урала, другие циркулярные материалы и переписка, дающие представление о финансовой сфере других частей Сибирского региона.

Вторая часть «Антибольшевистская государственность (вторая половина 1918 – ноябрь 1919 гг.)» содержит документы Временного Сибирского правительства, Директории и Российского правительства А. В. Колчака, посвящённые различным аспектам финансового дела и регулирования денежного обращения.

Временным Сибирским правительством, стремившимся наладить финансовую политику в Сибири, как одно из ключевых подразделений Министерства финансов, создается Государственный банк Сибири, формируется его состав, восстанавливается ряд его традиционных функций, нарушенных войной, в том числе организуется денежно-эмиссионное дело, выдача кредитов населению и мн. др.

Российское правительство адмирала А. В. Колчака, пришедшее к власти после переворота 18 ноября 1918 г., повторно официально провозгласило все финансовые акты советской власти незаконными, как акты, изданные мятежниками, и гарантировало населению платеж процентов и погашений по внутренним и внешним государственным займам, платежи по договорам всех уровней и т. п.

Министерство финансов под руководством И. А. Михайлова в этот период осуществило попытку кардинального реформирования денежного обращения, ставя задачу приостановить темпы инфляции, организовать вывод из обращения обесценивающихся «керенок» и пресечь деятельность фальшивомонетчиков, чтобы, в конечном счёте, наладить автономную денежную систему антибольшевистского востока России. Но все обозначенные и иные меры не спасли от финансового краха и инфляции. В большом количестве в Сибири ходили поддельные деньги, денежная система была сильно дифференцирована рынком, цены на все группы товаров продолжали расти.

Третья часть «Восстановление советских порядков (ноябрь 1919 – 1920 гг.)» посвящена денежному обращению и финансовой политике советской власти после свержения власти правительства А. В. Колчака. В этот период принимаются постановления об аннулировании денежных знаков бывшего Верховного правителя и запрещении всяческого их использования в денежном обращении. Советской властью предпринимались различные меры по преодолению спекуляции и налаживанию денежного обращения, поддержке беднейших слоев населения, выдаче пособий рабочим и служащим советских учреждений. На территории Сибири в этот период ходили денежные знаки советского правительства и допущенные советской властью различные денежные суррогаты. Все они были обязательны к приему. Лица, уклоняющиеся от приема этих денежных знаков, подлежали ответственности «по всей строгости революционного времени». Причем самыми ходовыми купюрами в обращении были кредитные билеты достоинствами от 500 до 10 000 рублей, что говорило о высоких темпах инфляции.

Обо всем вышеизложенном и ещё о многих других интересных фактах финансовой политики и аспектах регулирования денежного обращения в Сибири в 1917–1920 гг. можно узнать, ознакомившись с историческими источниками, опубликованными в рецензируемом сборнике.

Здесь также необходимо отметить авторское предисловие, отличающееся высокой информативностью. На наш взгляд, предисловие автора-составителя видится как яркий пример междисциплинарной практики в научных исследованиях. Предисловие сочетает в себе такие аспекты, как история, экономика и архивное дело. Ведь в предисловии характеризуются не только ситуация в денежном обращении в 1917–1920 гг. и историография вопроса, но и различные аспекты, связанные с сохранностью историко-документального наследия этого периода; в частности, представлен обзор финансовой документации, находящейся на хранении в фондах федеральных и региональных архивов.

В конце сборника документов размещён научно-справочный аппарат, который существенно облегчает исследователю работу с документами. Это именно, предметный, географический указатели, перечень фондов Исторического архива Омской области, использованных при подготовке издания, библиогра-

фический список важнейших научных публикаций по теме, а также различные фотодокументы и иллюстрации, отражающие тематику издания.

Эта книга давно была необходима для научного общества. Разного рода весомых исследовательских работ по теме финансов Гражданской войны достаточно много – это монографии, диссертации, научные статьи и тезисы докладов. Но в отношении обнародования источников рецензируемый сборник смело можно назвать достижением омских историков-архивистов.

Книга будет востребована не только среди учёных. Её можно использовать преподавателям при разработке специальных обучающих курсов и на семинарских занятиях для подготовки студентов по специальностям исторического и экономического профиля, а также на уроках истории и обществознания в средних и среднеспециальных учебных заведениях.

Сборник документов даёт возможность изучить основные этапы развития финансовой политики, как советской власти, так и антибольшевистских правительств в годы Гражданской войны, научиться выявлять закономерности изменения финансовой политики, особенности её проведения в жизнь в различных регионах, а также приобрести навыки анализа и критики исторического источника.

Сборник документов «Финансовая политика и денежное обращение в Сибири 1917–1920: документы Исторического архива Омской области», подготовленный Д. И. Петиним, рекомендую к публикации.

В. А. ГАЙКИН (Владивосток),
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ И АНТИЯПОНСКАЯ БОРЬБА В МАНЬЧЖУРИИ 1918–1922 ГГ.

Долину пограничной реки Туманган на китайской стороне гораздо раньше китайцев начали заселять и осваивать корейцы (с середины XIX в.). К началу XX в. она превратилась в своеобразный корейский анклав на китайской территории. Этот регион получил название Цзяньдао. По переписи 1907 г. в Цзяньдао проживало 72 076 корейцев и только 21 983 китайцев¹.

Уровень жизни большинства корейских крестьян был крайне низким. Полуфеодальные аграрные отношения сохранились в почти неизменном виде с середины XIX в., их становление проходило в условиях неравноправия двух этнических групп – китайцев и корейцев, столкнувшихся на территории Восточной Маньчжурии, дискриминации и эксплуатации первыми последних. Корейские крестьяне, как правило, становились арендаторами у китайских землевладельцев.

В начале 20-х гг. XX в. в Восточной Маньчжурии насчитывалось около 30 военно-политических организаций националистов, от левых, мелкобуржуазных, до правых, связанных с шанхайской эмиграцией. Были и монархические группы, выступавшие за реставрацию в Корее императорской власти. Корейские националисты в Маньчжурии не выдвигали лозунгов общественного переустройства, не пытались защищать интересы корейских арендаторов, поэтому поражение вооруженной антияпонской борьбы в Корее, лишив их веры в возможность освобождения родины, негативным образом сказалось на развитии националистических обществ.

Появление на политической карте мира советской России, государства, бросившего открытый вызов капиталистическому окружению, провозгласившего идеологической доминантой борьбу с «мировым империализмом», не могло не стать для колониальных и зависимых стран наглядным примером «технологии» успешной политической трансформации, возможности изменения государственного устройства, успешной оппозиции доминантной миросистеме. «Как только над миром пронеслась благая весть о русской пролетарской революции, тлеющие искры революционного пламени в Корее начали быстро разгораться и в сердцах корейского народа начала созревать вера, расти надежда в возможную помощь Севера», – отмечалось в «Проекте программы Корейской коммунистической партии», принятой на учредительном съезде Корейской коммунистической партии, состоявшемся в 1921 г. в Иркутске².

Притяжение было взаимным. Советская Россия – изгой в капиталистическом окружении была обречена на поиск союзников. Одним из проводников этой политики был Коминтерн, сочетавший «в одном флаконе» свойства организации-промоутера, занимавшейся подготовкой и содействием революциям в зарубежных странах, с мощным разведцентром. Корейские националисты, стремившиеся любыми способами освободить страну от колониального гнёта Японии, видели в России, боровшейся с японской интервенцией на Дальнем Востоке, естественного союзника. Переход «на рельсы» другой идеологии (коммунистической) для одних националистов был вынужденной платой за услуги могучего «спонсора». Для других – закономерной коалицией с близкими по духу российскими большевиками.

Мартовское народное восстание 1919 г. в Корее активизировало деятельность корейских патриотов, базировавшихся в Маньчжурии. В военном плане это выражалось в росте числа вооруженных акций против японских оккупантов в Корее, совершавшихся с территории Маньчжурии, в организационном плане – в создании многочисленных антияпонских военно-политических организаций. Согласно материалам японских разведорганов, на территории Цзяньдао в 1920 г. действовало семь основных националистических военно-политических организаций, в состав которых входило 3500 человек.

Наиболее мощной в военном отношении группировкой считалось общество

«Кунчонсо» (Военно-политическое управление) в уезде Ванцин во главе с Со Иром (численность 1600 человек). Поддерживались связи с корейскими патриотами на советском Дальнем Востоке. По данным японской разведки, в мае 1920 г. члены организации распространяли в Ванцине листовки коммунистического содержания³; организация «Кунму тотокпу» (Военно-гражданское правительство) во главе с Чэ Мён Нок насчитывала 600 человек; «Кукминхве» (Национальное общество) заменило на политической арене уже упоминавшееся «Канминхве». Оно выступало за административную автономию Цзяньдао. Численность общества составляла приблизительно 450 человек. После мартовского восстания 1919 г. был взят курс на вооруженную борьбу с колониальным режимом в Корее. В разных районах Цзяньдао имелись отделения общества, пытавшиеся выполнять функции местной корейской администрации. В уезде Яньцзи действовала «Тэхан токнипкун» (Армия независимости великой Кореи) под руководством известного борца за независимость Кореи Хон Бом До. Численность организации составляла 400 человек. Японскими аналитиками она рассматривалась как одна из самых влиятельных корейских группировок в Цзяньдао; в том же уезде базировалось «Кванпутан» (Общество возрождения), руководителем которого был Ли Бом Юн. Целью этой организации провозглашалось восстановление власти корейского императора; в уезде Ванцин находилась база «Ыйкунтан» (Армия справедливости), которой командовал Пан Мо Ён (200 членов). Организация подчеркивала свою независимость от «Временного правительства»; группировка «Синминтан» (Общество нового народа), возглавляемая Ким Чун Кыном, большого влияния в Цзяньдао не имела (численность 300 человек)⁴.

Корейские военно-политические организации в районах Чанбайшаня и реки Ялуцзян были слабее и малочисленнее обществ Цзяньдао. По японским данным, здесь в 1920 г. существовали следующие группировки: «Токниптан» (Общество независимости), возглавляемое Пак Чан Хо, связанное с обществом «Кунчонсо» (в Цзяньдао) и имевшее отделения в нескольких уездах. Целью борьбы декларировалась реставрация династии Ли. В организации состояло примерно 30 человек. «Ханчокхве» (Корейское общество) было основано в период борьбы против японского протектората над Кореей, базировалось в уезде Люхэ. Имело тесные связи с «Токниптан», признавало «Временное правительство». Выступало за административную автономию района, численность общества – 300 человек. Общество «Чунхынтан» (уезд Тунхуа) примыкало к «Корейскому обществу». Выступало за возрождение Кореи. Особым влиянием не пользовалось. «Тэхан сэннёнтан» (Молодежное общество великой Кореи) ориентировалось на «Временное правительство», оно выпускало газету, пропагандировавшую идеи независимости Кореи. В 1920 г. руководители общества были расстреляны японским карательным отрядом. «Тэхан токнип кунбитан» (Общество военной подготовки независимости великой Кореи) (уезд Чанпай) представляло одну из самых сильных групп этого района (300 членов). «Хя-

няктан» планировало реставрацию династии Ли в Корее. Председатель общества был расстрелян японским карательным отрядом в 1920 г. Немногочисленная организация «Мусатан» (Общество борцов) действовала в уезде Фусун⁵.

В корейском национально-освободительном движении в Маньчжурии начала 20-х гг. XX в. фактически доминировало революционно-демократическое течение. Ведущие военно-политические группировки «Кукминхве» (во главе Ку Чхун Сон), «Кунчонсо» (во главе Со Ир), «Тэхан токнипкун» (лидер Хон Бом До) оценивались японской разведкой как «красные»⁶. Указанные группировки установили контакты с корейцами на советском Дальнем Востоке. В период революции и Гражданской войны корейские отряды из Цзяньдао принимали непосредственное участие в борьбе за власть Советов и против японской интервенции на Дальнем Востоке. Определённое влияние на деятельность обществ оказывала работа в них корейских коммунистов, стремившихся к созданию в Маньчжурии коммунистических групп из радикально настроенных членов националистических организаций.

Дислокация патриотических обществ вне территории Кореи, отрыв от социальной почвы родины повышали роль лидеров, делали их лоцманами, определявшими политический курс той или иной группировки. Объединившиеся вокруг «имени» патриоты усваивали и идеологические принципы, исповедуемые руководителем. Примечательно, что во главе наиболее сильных организаций оказались такие руководители, как Хон Бом До, Со Ир, которые чувствовали необходимость соединения национальной борьбы с борьбой за социальные реформы, видели в советской России союзника поработенных народов. Авторитет лидера мог способствовать преодолению центробежных тенденций в националистических группировках, сепаратистских устремлений отдельных руководителей.

В Цзяньдао в сентябре-октябре 1920 г. патриоты совершили ряд вооруженных акций против японцев. В Хунчуне было атаковано и сожжено японское консульство, нападения на представительства японских фирм совершены в Лунцзинцуне, Яньцзи, Байцаогоу. Используя это как предлог, 7 октября 1920 г. японские войска вошли в Цзяньдао для проведения карательных операций⁷. Националистические формирования вели встречные бои и отступали, чтобы сохранить людей. Руководство «Национального общества» приняло решение временно распустить организацию. Около 600 патриотов было убито.

Во время боев с японскими карательными отрядами, вторгнувшимися в Маньчжурию, несколько корейских соединений отошли на территорию советского Дальнего Востока и включились в борьбу против японской интервенции. Это отряды Ли Бом Юна, Хе Гюна, Син Ир Хена, соединения «Общества военной подготовки независимости Кореи» во главе с Ли Ёном, «Армии независимости» под командованием Чэ Мян Сена. В Амурскую область перешли отряды Хон Бом До, Ан Му, «Военно-политического управления» под командованием Ким Сын Бина и Со Ира⁸. Многие корейские интернационалисты, прошедшие

на территории советского Дальнего Востока школу борьбы против японских интервентов, впоследствии вступили в компартию Кореи.

Революционные события на советском Дальнем Востоке были лучшей агитацией за соединение национального и освободительного движения с социальной революцией. И руководители, и простые члены корейских партизанских отрядов быстро усваивали радикальные идеи. Так, по японским данным, лидер общества «Симинтан», базировавшегося на территории советского Дальнего Востока, провел в Имане совещание антияпонских отрядов, перешедших в Приморье из Цзяньдао. В результате было принято коммюнике, в котором говорилось, что «...необходимо уничтожить капитализм в Корее и за ее пределами, осуществить победу коммунизма»⁹.

Слабая социальная дифференциация корейского населения Маньчжурии затрудняла создание коалиций антияпонских обществ на классовой основе. Классовые баррикады, которые разделили бы антияпонские организации на две противостоящие группы и сплотили бы каждую из них, только начинали воздвигаться. Центробежные силы часто были сильнее центростремительных. Борьба за сферы влияния, личная неприязнь отдельных лидеров друг к другу, разногласия по тактическим вопросам мешали консолидации.

И все же процесс размежевания уже начался. В 1921–1922 гг. во многих уездах Маньчжурии существовали отделения компартии Кореи, развернувшие среди националистов агитационно-пропагандистскую работу, дававшую свои результаты. По данным японской разведки, видные деятели Обществ «Военно-политическое управление» и «Национальное общество» занимались в августе 1921 г. в Хунчуне коммунистической пропагандой¹⁰. В 1921 г. из 12 членов президиума влиятельного общества «Кукминхве» 8 человек являлись членами корейской компартии, а его лидер Ку Чхон Сон стал в 1922 г. председателем «Объединенного общества Корейской компартии», созданного в провинции Цзилинь¹¹.

В апреле 1923 г. из СССР по линии Коминтерна в Цзяньдао перешли 10 корейских интернационалистов, распространявших коммунистические листовки и пытавшихся создать комсомольскую организацию¹².

Под воздействием коммунистических идей и революционных событий на советском Дальнем Востоке многие члены националистических обществ переходили в коммунистические организации. А сами националистические группировки становились менее радикальными. Катализатором этого процесса послужило усиление репрессий чжанцзолиневской администрации против леворадикальных и коммунистических организаций в Маньчжурии, проведение Чжан Цзолинем антисоветского курса внешней политики.

Немаловажным фактором было то, что такие авторитетные руководители леворадикального толка, как Ли Дон Хви и Хон Бомдо, остались в СССР, а Со Ир, Ким Нип и некоторые другие погибли.

Определённую роль сыграло расформирование корейских партизанских отрядов на территории советского Дальнего Востока после изгнания интервентов и установления советской власти на территории РСФСР. Часть корейских партизан вступила в Красную Армию, в «Корё кёсанто» (корейская коммунистическая организация, действовавшая на территории РСФСР), остальные вернулись в Маньчжурию для продолжения антияпонской борьбы.

Наряду с переносом акцента в интернациональной помощи РСФСР национально-освободительной борьбе корейского народа на содействие коммунистическим организациям это в определенной степени ускорило поляризацию в лагере антияпонских бойцов, оконтуривание его двух отрядов – коммунистов и националистов.

¹ Тёсэн тодзи сирё = Материалы по истории управления Кореей: в 10 т. Токио, 1970–1971. Т. 1. С. 326.

² Проект программы Корейской коммунистической партии, принятой Учредительным съездом Корейской коммунистической партии // Народы Дальнего Востока. 1921. № 3. С. 358.

³ Тёсэн тодзи сирё... Т. 8. С. 232.

⁴ Там же. Т. 8. С. 206–209.

⁵ Там же. Т. 8. С. 307–310.

⁶ Там же. Т. 8. С. 68, 232.

⁷ Там же. Т. 8. С. 222, 223.

⁸ Ким М. Т. Корейские интернационалисты в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1918–1922). М., 1979. С. 25.

⁹ Тёсэн тодзи сирё... Т. 8. С. 86.

¹⁰ Там же. Т. 8. С. 69.

¹¹ Там же. Т. 7. С. 190.

¹² Там же. Т. 8. С. 128.

И. Н. ДЕМАКОВ (Екатеринбург),
Государственный архив административных органов
Свердловской области

«НА ДАЛЕКОЙ СТОРОНЕ...СУДЬБЫ УЧАСТНИКОВ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В МАНЬЧЖУРИИ» (ПО ДОКУМЕНТАМ ГААОСО)

В архивном фонде Р-1 «Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области» Государственного архива административных органов Свердловской области находятся на хранении около 2000 архивно-следственных и несколько тысяч фильтрационно-проверочных дел на реэмигрантов из Маньчжурии. Эта публикация посвящена судьбам

некоторых участников белого движения, проживавших после установления в России советской власти на территории Северного Китая. После Гражданской войны и поражения белого движения на востоке СССР в Маньчжурии оказалось от 70 до 200 тыс. российских эмигрантов¹. Среди них военнослужащие армии адмирала А. В. Колчака, представители интеллигенции, дворяне и священнослужители. Позднее к ним присоединились крестьяне из сопредельных областей Дальнего Востока, недовольные проведением коллективизации. После вступления в августе 1945 г. на территорию Маньчжурии частей РККА началась вторая волна репатриации русских из Китая. Репатриация этого периода носила в основном принудительный, насильственный характер. При частях действовали особые отделы СМЕРШ, в задачи которых входила проверка реэмигрантов. Задержанные жители Маньчжурии были депортированы на Урал, где основными местами заключения был Востураллаг (Тавда, станция Азанка) и Севуралаг (Верхотурье). Депортированные содержались в лагерях не как заключенные, а как подследственные, и использовались на лесозаготовительных и строительных работах².

Среди репатриантов второй волны, депортированных в Свердловскую область, оказалось немало участников белого движения. В протоколах допросов задержанных и обвиняемых в службе в белой армии, антисоветских организациях, таких как Русский общевоинский союз (РОВС), союз легитимистов, русской фашистской партии (ВФП), Главное Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), а также в японских разведывательных, военных организациях. Анкеты членов БРЭМ, захваченные советскими войсками в качестве трофеев в ходе освобождения Китая от японских оккупантов в 1945 г., послужили дополнительным обвинительным материалом в отношении репатриантов. В делах также отложились различные личные документы репатриантов, удостоверения, дипломы об образовании, письма, фотографии и др. Протоколы допросов зачастую содержат ценные биографические сведения о человеке и его окружении, отражают политико-экономическую ситуацию 1930–1940-х гг., помогают понять обстановку, в которой жили русские эмигранты в Китае. На основании материалов архивно-следственных дел удалось проследить судьбы многих бывших военнослужащих белой армии, документы в отношении которых хранятся в ГААОСО. Некоторые из них хотелось бы осветить подробно.

Александр Рудольфович Адамович родился в 1900 г. в Никольске-Уссурийске. В апреле 1919 г. был мобилизован в армию Колчака в конно-егерский полк рядовым, прошел обучение в военной учебно-инструкторской школе на острове Русском близ города Владивостока. Выпущен без присвоения воинского звания, но с правом занимать должность командира взвода. В августе 1922 г. мобилизован в армию генерала Дитерихса и зачислен командиром взвода пограничной стражи по охране железной дороги от красных партизан в районе

станции Пограничная. В ноябре 1922 г. бежал в Маньчжурию. Работал на частных работах, торговал бензином и чурками для автомашин, стал владельцем небольшого автопарка такси. Окончил юридический факультет Харбинского китайского вечернего вуза, но по специальности не работал³.

Илиодор Григорьевич Круглик родился 20 июля 1889 г. в Киеве в семье потомственных дворян. Окончил в 1906 г. Харьковское коммерческое училище, в 1910 г. Кембриджский университет в Англии – бакалавр математических наук, в 1913 г. Харьковский технологический институт – получил специальность инженера-технолога. И. Г. Круглик окончил Александровское военное училище и получил чин подпоручика. С 1914 г. по апрель 1917 г. служил офицером Императорской гвардии, командиром батальона лейб-гвардии Кексгольмского резервного полка 3-й Гвардейской дивизии царской армии в Петрограде – полковник, готовил маршевые роты для отправки на фронт. Илиодор Круглик получил 9 наград и георгиевское оружие. В июне 1918 г. поступил на службу в армию Колчака. В декабре 1918 г. – марте 1919 г. в Екатеринбурге служил командиром роты Екатеринбургской инструкторско-учебной школы. С отступающей армией дошел до Читы. Командовал ротой, батальоном, полком и 1-й Образцовой егерской бригадой. А с 1920 по сентябрь 1945 гг. проживал в Маньчжурии, работал директором Английского педагогического колледжа⁴.

Василий Васильевич Потапенко родился в 1895 г. в Житомире. В годы Первой мировой войны штабс-капитан Потапенко был командиром стрелковой роты 75-го Севастопольского полка 19-й пехотной дивизии, а затем служил в 696-м Богородчанском полку. В Гражданскую войну – взводный командир кавалерийской части армии Петлюры. В 1922 г. вместе с семьей В. В. Потапенко выехал из Иркутска в Китай, в конце 1947 г. вернулся на Родину. В Маньчжурии состоял в «Дальневосточном союзе военных», в «Братстве Святого Серафима Саровского»⁵.

Николай Николаевич Ильин родился 18 декабря 1894 г. в селе Русские Юркули (Юрткуль) Спасского уезда Казанской губернии в семье крестьянина. В 1912 г. окончил Казанское Императорское художественное училище. В 1912–1914 гг. – лесник на Кабаньем острове на Волге. Призван в армию в начале 1914 г., служил в артиллерийской части. Затем зачислен в команду вольноопределяющихся, отправлен на учебу в Чистопольскую школу прапорщиков, которую окончил в мае 1916 г. Н. Н. Ильин в чине прапорщика направлен в 16-й запасный полк, а затем в 401-й пехотный Карачевский полк 101-й пехотной дивизии 32-го армейского корпуса Юго-Западного фронта. В 1917 г. – подпоручик. В начале 1918 г. 401-й пехотный полк был распущен, и Николай Ильин вернулся в село Юрткуль. На следующий день после возвращения Ильин был арестован бойцами РККА и вместе со своим отцом отведен на расстрел. Он получил два ранения в голову и шею, но, под покровом темноты, сумел сбежать. Отцу его также удалось скрыться. Раненый Ильин был задержан и отправлен

в Спасскую тюрьму. Но он сбежал из тюрьмы и, направившись в Симбирск, где происходило восстание, вступил в полк Каппеля. После контузии вернулся в Спасск, а затем добрался до Омска, где был назначен начальником пулеметной команды батальона охраны Ставки. Позднее Н. Н. Ильин служил в Белореченском полку, Ижевском запасном батальоне. Зимой 1919 г. Ильин принял командование 1-м Ижевским стрелковым полком, с которым через Маньчжурию прошел в Приморье и занял Владивосток. Уехал в Маньчжурию, затем в 1922 г. – опять в Приморье, где служил в Ижевском полку. Осенью 1922 г. Н. Н. Ильин вместе с полком вновь ушел в Маньчжурию. До 1923 г. выступал в театрах в качестве драматического актера и атлета, артиста цирка. В 1924–1927 гг. – мастер фанерного завода Ковальского в Харбине. Затем занимался промысловой охотой, служил в охранном отряде, казачьем отряде, преподавал в военной полицейской школе. В 1940–1942 гг. Николай Ильин – служащий 2-го отдела Японской военной миссии в Харбине; с 1942 г. – пчеловод на станции Лидаохедзы⁶.

Виктор Николаевич Попов родился в 1900 г. в Красноярске, в 1919–1922 гг. он служил в войсках атамана Г. М. Семенова на бронепоезде «Мститель» в чине старшего унтер-офицера. В Маньчжурии Виктор Попов работал конюхом на ипподроме, кочегаром в порту, грузчиком, маляром, охранником⁷.

Андрей Севастьянович Бакуров родился в 1893 г. в селе Шабаново Вахновской волости Ливенского уезда Орловской губернии, 1 января 1917 г. из деревни Липовка Уфимской губернии учитель Андрей Бакуров был призван в армию в 152-й пехотный запасной полк, затем направлен в Иркутское военное училище. В июле 1918 г. мобилизован в белую армию в 31 Стерлитамакский полк, затем откомандирован на бронепоезд «Генерал Корнилов» в дивизию генерала Богомольца. Участвовал в Сибирском ледовом походе. Состоял в «Союзе военных на Дальнем Востоке». В Маньчжурии занимался пчеловодством в поселке Романовка около города Мулин⁸.

Степан Константинович Аладьин родился 7 сентября 1897 г. в станице Каменская Новочеркасского района Донской области. В том же году семья Аладьиных переехала на Дальний Восток и поселилась на станции Гродеково.

До революции Степан Аладьин служил счетоводом Войскового управления Уссурийского казачьего войска. В феврале 1917 г. в составе Уссурийской дивизии прапорщиком воевал на Юго-Западном фронте. После демобилизации служил в отряде Калмыкова и участвовал в боях против красных войск. Состоял членом «Союза Дальневосточных казачьих войск» и РОВС. Счетовод станция Лянхэ и командир Яблонского полицейского отряда⁹.

Среди репатриантов из Маньчжурии, оказавшихся впоследствии на Урале, встречаются уроженцы города Омска и Омской области. Леонид Николаевич Гредякин родился 5 декабря 1891 г. в Омске в семье генерал-майора Николая Николаевича Гредякина. После окончания Омского кадетского корпуса

в 1909 г. Леонид поступил в Михайловское артиллерийское училище. Служил во 2-м артиллерийском полку в крепости Владивосток, затем участвовал в Первой мировой войне в качестве командира 63-й зенитной батареи в районе Двинска. В годы Гражданской войны Л. Н. Гредякин служил на Южном фронте (в районе Оренбурга) в армии адмирала Колчака и на Кавказском фронте в армии генерала Деникина. Награжден орденами Святого Станислава 3-й степени и Святой Анны 3-й степени. С 1922 г. проживал в Маньчжурии в городах Мукдене, Цицикаре и Харбине, занимался педагогической деятельностью, преподавал русский язык. Работал в японской школе военных переводчиков. Состоял членом «Русско-Учительского общества», РОВС и «Дальневосточного союза военных»¹⁰.

Петр Александрович Лалетин родился в 1901 г. в Омске. В 1918 г. воевал в отряде Анненкова на Южном Урале, в 1921 г. окончил Омский кадетский корпус на острове Русском, затем в составе Корниловского военного пехотного училища участвовал в боях против РККА. Проживая на территории Маньчжурии, служил в отряде полковника Назарова, в железнодорожной полиции. Исполнял обязанности начальника БРЭМ¹¹.

Степан Иванович Галицын (Галицин) родился в 1900 г. в поселке Изулбаш под Омском. Окончил гимназию в Омске. В 1920 г. был мобилизован во 2-й Сибирский казачий полк, имел чин старшего урядника. Находился в госпитале, заболев брюшным тифом, лечился в Харбине. В Маньчжурии работал на ферме, маслодельном заводе «Лебедь», служил фельдфебелем в отряде Нечаева, в отряде горно-лесной полиции, в охранном отряде Управления железных дорог. На момент задержания – горный десятник Мулинских угольных копий, проживал в Лишучжэнь¹².

Сергей Антонович Меньшиков, окончив в Екатеринбурге учебно-инструкторскую школу юнкером 2-го разряда, был назначен командиром взвода в 3-й Сибирский батальон. Служил на должности офицера Красноярских военно-училищных кавалерийских курсов. После Ледового похода получил чин подпоручика. В Маньчжурии с 1920 г., работал на складах, торговым агентом. Состоял в «Дальневосточном союзе военных». Поселковый атаман станицы Атамановка¹³.

Авраам Евдокимович Бугай родился в 1894 г. в Спасске, с 1900 г. проживал с родителями в Маньчжурии. В 1915 г. был призван в армию, служил в Сибири, затем в Ораниенбауме, окончил Ораниенбаумскую школу прапорщиков. С апреля 1916 по февраль 1918 г. служил в 18-м Вологодском полку на Западном фронте. В апреле 1918 г. был мобилизован в белую армию. Десятник лесной конторы в поселке Шахэцзы-Осиповка¹⁴.

Борис Максимович Агафонов родился в 1893 г. в Сарапуле. В 1915 г. был призван в действующую армию, после окончания Казанского пехотного училища в январе 1916 г. служил в запасных пехотных полках, в начале декабря

1916 г. с маршевой ротой направлен на фронт в 414-й Торопецкий пехотный полк. Дослужился до штабс-капитана, после Октябрьской революции был избран командиром батальона. В апреле 1918 г. демобилизовался и вернулся в Ижевск, участник ижевского восстания. Присоединился к армии Колчака. Конторщик лесного предприятия «Кондо» в поселке Кондовка¹⁵.

Александр Александрович Борисоглебский родился в 1889 г. в Елабуге. Окончил юридический факультет Петербургского университета. 31 декабря 1914 г. в Казани по мобилизации был призван в Народную армию Комуча и зачислен в 685-ю дружину 3-го ополченческого корпуса. В августе 1918 г. был мобилизован в отряд Каппеля. Работал заведующим школой на станции Лянхэ¹⁶.

Виктор Алексеевич Аношин после призыва в армию в июне 1916 г. из Петроградского сельскохозяйственного института в городе Чугуеве окончил военное училище, служил на Западном фронте. В районе города Фридрихштадта находился в действующей армии с января по август 1917 г. По ранению выбыл с фронта в Омск, где находился на излечении до апреля 1918 г. В декабре 1918 г. вступил добровольцем в армию Колчака, зачислен взводным командиром в 5-м Омском степном полку. С 1920 г. в Маньчжурии. Пчеловод пчеловодного товарищества на станции Яблоня¹⁷.

Алексей Васильевич Арапочкин в 1916 г. окончил Казанскую школу прапорщиков, служил командиром роты. Служил в армии Каппеля, пленен большевиками, содержался в Елецкой тюрьме. В ноябре 1920 г. призван в РККА. После демобилизации – инспектор по охране железных дорог в Самаре, комендант по охране арестованных в уголовном розыске. В 1925 г. бежал в Маньчжурию. В 1929–1934 гг. был начальником 5-го отдела монархической организации «Корпус императорской армии и флота», служил полицейским железнодорожной полиции¹⁸.

Владимир Михайлович Бологовской родился в 1901 г. в Риге. Окончил Симбирский кадетский корпус и Оренбургское военное училище. В 1918–1922 гг. служил в белой армии в чине поручика, принимал участие в боях против РККА. В ноябре 1922 г. вместе с остатками разбитых частей Дитерихса бежал в Маньчжурию. Проживая в Харбине, являлся членом монархической партии «Вера, Царь и народ» в течение одного месяца. В 1933–1934 гг. служил в японском погранично-полицейском отряде, а также занимался обучением молодежи военному делу. Охранник постройки северной китайской железной дороги¹⁹.

Николай Павлович Веселовский-Выговский родился в 1899 г. в Алатыре Симбирской губернии. Окончил юридический факультет Иркутского университета и Екатеринбургскую офицерскую военно-инструкторскую школу. Журналист, писатель. Участник Гражданской войны. В 1919 г. сотрудничал в газете «Сибирская речь» в Омске. В Маньчжурию прибыл в 1925 г. В Харбине занимался журналистикой, был редактором газеты «Русское слово», корреспондентом газет «Возрождение», «Новое слово», сотрудником газеты «Харбинское вре-

мя», редактором кинематографического журнала «Зигзаги». В 1941–1944 гг. являлся официальным сотрудником японской военной миссии в Харбине, работал сотрудником писательской группы при 6-м отделе японской военной миссии. В 1944–1945 гг. работал помощником начальника отдела Харбинской радиостанции. Являлся членом организации «Общество журналистов»²⁰.

Алексей Владимирович Петров родился в 1896 г. в Санкт-Петербурге. Окончил Иркутскую гимназию, Иркутскую школу прапорщиков. В Первую мировую войну служил в 19-м стрелковом полку. В 1917 г. выехал в Маньчжурию, позднее – в Никольск-Уссурийск. В Гражданскую войну служил в должности штабс-капитана в инженерном батальоне 9-й Сибирской стрелковой дивизии армии адмирала А. В. Колчака. Зимой 1919 г. был назначен начальником военного театра в Никольск-Уссурийске. Секретарь Русского клуба в Тяньцзине. В Маньчжурии А. В. Петров работал журналистом газеты «Русское слово», с 1924 г. – в газете «Рупор» под псевдонимами «Полишинель», «А. П-ов» и другими. В 1930 г. был уволен из газеты за участие в экономической забастовке. В 1930 г. после неудачной попытки работы в собственной газете «Восток» (закрыта китайскими властями), А. В. Петров переехал в Шанхай, где стал редактором газеты «Вечерняя заря», а с 1936 г. – фельетонистом в этой же газете и одновременно в газете «Шанхайская заря». В 1943–1945 гг. издавал журнал «Пересмешник». Писал юморески для представлений объединения «ХЛАМ» («Художники, литераторы, артисты, музыканты»). В 1945 г. Петров переехал в Тяньцзинь. Устроился техническим секретарем «Русского клуба», 1 мая 1946 г. переименованного в клуб граждан СССР, был корреспондентом шанхайской газеты «Новая жизнь», издаваемой ТАСС. В ноябре 1947 г. выехал в СССР. В Свердловске работал корректором Свердловского педагогического государственного издательства²¹.

Анатолий Андреевич Кестранек родился в 1901 г. в поселке Завод Кын Кунгурского уезда Пермской губернии в семье врача. Анатолий Кестранек в годы Гражданской войны был мобилизован в белую армию и направлен в Читинское военное училище. С 1920 г. семья Кестранек оказалась в Харбине. В 1926 г. А. А. Кестранек окончил Харбинский политехнический институт (ХПИ) по специальности инженер-механик. Работал лаборантом в ХПИ, а в 1936 г. переехал в Шанхай, где работал инженером в американской компании. Член Объединения советских инженеров и техников в Шанхае, Общества граждан СССР в Шанхае, Клуба граждан СССР в Шанхае²².

Вячеслав Григорьевич Семенов родился в городе Александрия Херсонской губернии. Называл себя сыном атамана Г. М. Семенова. В 1921 г. Семенов выехал с матерью во Францию, учился в колледже, получил степень бакалавра математики. В 1930 г. выехал в Маньчжурию к отцу. Заведующий отделом виноделия в фирме Башкирова в Харбине²³.

Павел Николаевич Сотников родился 13 июня 1890 г. в Санкт-Петербурге. Окончил два курса медицинского факультета Императорского Томского уни-

верситета в 1910 г. В Первую мировую войну служил последовательно в 1-м и 2-м Амурских полках, в Гражданскую войну – в войсках атамана Семенова. В эмиграции состоял в РОВС, Военно-монархическом союзе. Награжден орденами Святого Станислава 3-й степени, Святой Анны 3-й и 4-й степеней и тремя медалями. Старший надзиратель особого отдела Управления железнодорожной полиции в Харбине²⁴.

Борис Порфирьевич Переляев окончил Петербургский лесной институт и в 1915 г. был призван в армию, окончил Ораниенбаумскую школу прапорщиков. Командир пулеметной команды, капитан, в белой армии служил в 13-м Уфимском полку. Управляющий рестораном «Мир» в Кэйнэй²⁵.

Павел Михайлович Братолюбов работал в 1914 г. конторщиком пароходного общества «Меркурий» в Петрограде. В годы Первой мировой войны добровольно вступил в 6-й запасной батальон лейб-гвардии Измайловского полка. В конце 1916 г. направлен с фронта в 3-ю Иркутскую школу прапорщиков. Служил у атамана Семенова. Старший надзиратель Пристанского полицейского участка в Харбине²⁶.

Сергей Григорьевич Трофимов был сыном управляющего изумрудными копиями близ Екатеринбурга. В 1916 г. окончил Казанское военное училище, служил начальником пулеметной команды 22-го пехотного Нижегородского полка. В феврале 1918 г. пленен немцами в районе местечка Постава Вилейского уезда, в тот же день сбежал из плена. Сергей Трофимов был мобилизован в 8-й Ирбитский стрелковый полк. Воевал на броневике под Ирбитом и Нижним Тагиллом, Кунгуром. В Чите принят в дивизион бронепоездов под командованием подполковника Розынка, боролся с партизанами. В эмиграции – начальник лесного отряда горно-лесной полиции на станции Эрдаохедзы²⁷.

Представленные в докладе примеры краткого обзора биографий реэмигрантов из Маньчжурии, которая после 1920 г. стала прибежищем десятков сотен русских людей, позволяют проследить, с одной стороны, сходство, с другой – уникальность судьбы каждого человека.

Сходство и даже типичность прослеживается в причинах и обстоятельствах выезда в 1920–1930-х гг. значительного числа наших соотечественников на территорию Китая, вступлении в период японской оккупации в эмигрантские организации, а также в их судьбах после возвращения на историческую родину. Уникальность же заключается в том, как каждый человек, оказавшись «на далекой стороне», приспособляясь к условиям, в которые он попал вдали от Родины, оказал конкретное влияние на экономику, политику, культуру и быт этих территорий.

¹ Вертилецкая Е. В. Репатрианты в Свердловской области в 1944 – начале 1950-х гг. Дис...канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 62.

² Там же. С. 66.

³ Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 31614.

⁴ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39453.

⁵ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 21137.

⁶ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 42047.

⁷ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20217.

⁸ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32889.

⁹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37254.

¹⁰ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37486.

¹¹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39938.

¹² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 38129.

¹³ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33635.

¹⁴ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32646.

¹⁵ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35965.

¹⁶ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36791.

¹⁷ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37199.

¹⁸ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36825.

¹⁹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37287.

²⁰ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39337.

²¹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20807.

²² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 21136.

²³ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33323.

²⁴ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35976.

²⁵ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36009.

²⁶ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36817.

²⁷ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36016.

Е. В. ДРОБОТУШЕНКО (Чита),
Забайкальский государственный университет

ИСТОРИОГРАФИЯ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Происходящие в российском обществе на современном этапе процессы позволяют говорить о том, что на первый план выходят аспекты, которые еще некоторое время назад не обсуждались или обсуждались слабо. Причем здесь скажем как о федеральном, так и о региональном уровне. Так, буквально в последние годы активизируется внимание к такому социальному институту (социальной группе, военному сословию – в истории), как казачество. Происходят изменения в нормативном поле Российской Федерации. Осенью 2012 г. появ-

ляется «Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года»¹. Отдельные субъекты федерации принимают свои концепции развития казачества².

Постоянно усиливающийся интерес к казачеству определяет интерес и к его истории. Только воссоздание исторической картины жизни и деятельности казаков дает возможность представить пути его дальнейшего развития. Исходя из сказанного тема всестороннего раскрытия истории казачества видится на сегодняшний день невероятно актуальной.

Широко известно, что забайкальское казачество принимало самое активное и деятельное участие в Первой мировой войне, а затем и в войне Гражданской. Боевой путь казачьих подразделений столь значителен и ярок, что его изучению посвятил себя целый ряд исследователей.

Предметная область данной статьи – попытка озвучивания одной из больших проблем, возникающих сегодня при изучении забайкальского казачества, это отсутствие достаточно серьезного историографического исследования по проблематике.

На одном из круглых столов, посвященных проблеме развития казачества, прошедшем на историческом факультете Забайкальского государственного университета в начале 2014 г., один из докладчиков на вопрос, а какие работы по истории казачества имеются, ответил примерно так. «Вот есть книга А. П. Васильева “Забайкальское казачество”, есть казачьи книжки, что еще надо?». Не желая обидеть докладчика, отметим, что такой подход, с точки зрения научного исторического знания о забайкальском казачестве, видится не совсем верным. О публикациях по истории казачества в регионе говорить надо. Самое же главное в данном разговоре то, что широкой общественности известно очень незначительное количество публикаций по проблематике. Возможно, для основной массы это, действительно, только наиболее известная книга А. П. Васильева. Отсюда и выделение первой большой проблемы – историографии забайкальского казачества, а точнее – её отсутствия.

Прежде чем углубиться в проблемное поле статьи, отметим, что попытки историографических обзоров появляются в постсоветское время. Причины того, почему этого не делалось ранее, очевидны. Развитие исторической науки досоветского времени не подразумевало обязательного анализа историографии проблемы. Те немногие публикации по истории забайкальского казачества, которые имелись, носили во многом справочный характер. В советское время казачество как социальная группа не существовало, а значит, под запретом было и ее изучение.

Историографические аспекты находят отражение во введениях к диссертациям. Одним из первых в постсоветское время стало исследование Н. Н. Смирнова «Забайкальские казаки в системе взаимоотношений России с Китаем и Монголией». Следует отметить, что историография забайкальского казачества

дана вскользь. Значительное место уделяется отношениям России и Китая с Монголией³.

Далее появились и иные диссертации с историографическими обзорами по забайкальскому казачеству. Это работа Л. В. Самбуевой по истории бурятского и эвенкийского казачества Забайкалья. Можно назвать работу В. Н. Голято «Забайкальское казачье войско в военной политике России в середине XIX – начале XX в.». На наш взгляд, проблема, отмеченная выше, сохраняется и в данных работах. Анализ историографии во введении к диссертации не подразумевает полной, всесторонней характеристики имеющегося комплекса работ по проблеме. Так, у того же В. Н. Голято, как, впрочем, и у Н. Н. Смирнова и Л. В. Самбуевой (хотя возможно, тема исследования двух последних этого и не подразумевает) нет даже упоминания о книге К. Орлова «Забайкальцы в Маньчжурии» или об объемной работе за авторством генерал-майора И. Ф. Шильникова «1-я Забайкальская казачья дивизия в Великой Европейской войне. 1914–1918 гг.»⁴. Еще одна сложность в том, что историография диссертации во многом определяется предметным полем работы и далеко не всегда подразумевает характеристику всех имеющихся научных обобщающих и узкоспециализированных трудов.

Из отмеченного выше можно заключить, что имеющиеся историографические обзоры диссертационных исследований никак не могут удовлетворить серьезного ученого, занимающегося изучением заявленной проблематики.

Следует отметить, что вне рамок диссертационных исследований существует ряд историографических обзоров, посвященных отдельным казачьим войскам или иным казачьим объединениям. Здесь примером может быть историография Хоперского казачьего полка или историография казачества юга России⁵. Однако отметим, что при детальном анализе работ возникает, во-первых, то же ощущение – они не являются полными в характеристике публикаций. Во-вторых, отдельные историографические исследования посвящены определенной узкой теме, к примеру, историография участия казачества в революционных событиях начала XX в. и др. С историографией забайкальского казачества ситуация несколько хуже. Существуют отдельные публикации по историографии отдельных соединений Забайкальского казачьего войска. Они очень кратки, характеризуют незначительное количество публикаций⁶.

Не дают серьезного представления об историографии забайкальского казачества и специальные историографические публикации по казачеству в целом. В них можно встретить упоминание незначительного количества трудов. Несомненно, это связано с размытостью общей темы, и забайкальское казачество в ней просто теряется⁷.

Для полноты картины следует сказать о небольших обзорах, которые посвящены краткой характеристике литературы по забайкальскому казачеству. Примером такого обзора может являться статья О. С. Алферовой «История забайкальского казачества по редким изданиям из фондов областной библиотеки им.

А. С. Пушкина»⁸. Слегка дополняя картину, они её принципиально не меняют. В публикациях приводится характеристика ограниченного количества работ.

Краткий обзор публикаций, без ссылок на авторов, делает в опубликованной в 2008 г. объемной работе «Забайкальское казачество» Н. Н. Смирнов. При этом, говоря, что о казачестве практически никто не писал, он ссылается и на художественные произведения⁹.

В одном из учебников В. Н. Абеленцев отмечает, что в историографии российского казачества Приамурские казачьи войска, а к ним относится и Забайкальское казачье войско, рассматривались как единая социально-культурная общность. Однако автор на самой историографии и её проблемах не останавливается¹⁰.

Не так давно, в 2012 г., читинским исследователем Н. Н. Константиновой опубликована статья «Концепция научного исследования и комплектования музейного фонда (на примере темы «Забайкальское казачество в XVII–XX вв.»)». В ней автор предлагает объемный список литературы, более чем в 35 наименований, при детальном знакомстве с которым становится очевидным отсутствие работ строго историографического характера¹¹.

Следует отметить, что не по всем аспектам истории казачества Забайкалья существует одинаковое количество публикаций. Отдельные страницы заполнены лучше, отдельные хуже. Один из наименее изученных вопросов, на наш взгляд, это участие забайкальского казачества в Гражданской войне.

Еще один аспект, на котором хотелось бы остановиться, – это особый подход к оценке имеющихся публикаций разного времени ученым, который посвятит свою работу проблеме историографии казачества в целом и забайкальского казачества в частности. Это необходимость исторического объективизма. Казачество, как некоторые иные институты в обществе, к примеру религия, в советское время получает отрицание и, соответственно, не слишком лестные оценки в литературе. В постсоветское же время, наоборот, иногда слепое, некритичное принятие. Задача историографа – в создании как можно более объективной картины историографии казачества, характеристика публикаций без учета идеологической подоплеки, с какой бы точки зрения ни смотрели авторы на описываемые события.

Таким образом, несмотря на наличие определенного количества научных публикаций по истории забайкальского казачества, существует главная проблема – это отсутствие специального объемного труда по проблематике, который носил бы историографический характер. Имеющиеся же историографические обзоры, приведенные в диссертационных исследованиях, не ставят своей задачей полного всестороннего охвата проблемы и требуют, на наш взгляд, дополнения.

Сложность написания объемной историографической работы очевидна и касается не только истории забайкальского казачества. Она заключается в большом объеме имеющихся публикаций, а также в труднодоступности ча-

сти из них. Достаточно редкими являются публикации начала XX в. Еще меньшую известность имеют работы, изданные русскими эмигрантами за рубежом в 20–30-е гг. XX в.

Вышесказанное предопределяет постановку проблемы и вывод о необходимости дальнейшей значительной работы по историографической оценке забайкальского казачества с учетом принципов историзма и объективности. Отметим для критически настроенного читателя, что мы не ставили своей целью в данной, незначительной по объему, статье охватить весь комплекс имеющихся публикаций по истории казачества. Их много, и, несомненно, нам известны работы А. С. Зуева, В. Ю. Априлкова, иные публикации Н. Н. Константиновой, не носящие историографического характера. Цель нашего исследования – показать наличие проблемы – отсутствия большой историографической работы по истории забайкальского казачества.

¹ Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 г. // Комитет по делам национальностей и казачества Правительства волгоградской области. Официальный портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kdnk.volganet.ru/folder_1/folder_4/konsep/ (дата обращения: 04.03.2014).

² Распоряжение Правительства Республики Калмыкия от 22 августа 2013 г. № 274-Р «Об утверждении Концепции развития казачества в Республике Калмыкия до 2020 года // Право.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.pravo.ru/document/view/45249652/51643808/> (дата обращения: 04.03.2014); Распоряжение Правительства Хабаровского края от 30.12.2011 г. № 848-рп «Об утверждении концепции развития казачества в Хабаровском крае» // Закон Прост! Правовая консультационная служба [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zakonprost.ru/content/regional/73/1590217> (дата обращения: 04.03.2014).

³ Смирнов Н. Н. Забайкальские казаки в системе взаимоотношений России с Китаем и Монголией. Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1996. 325 с.

⁴ 1-я Забайкальская казачья дивизия в Великой Европейской войне. 1914–1918 гг. / сост. генерал-майор И. Ф. Шильников. Харбин, 1933. 177 с.; Голято В. Н. Забайкальское казачье войско в военной политике России в середине XIX-начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2008. 232 с.; Орлов К. Забайкальцы в Маньчжурии в 1900 г. Очерки из похода Хайларского отряда. СПб., 1901. 199 с.; Самбуева Л. В. Бурятское и эвенкийское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1999. 268 с.

⁵ Айшаев О. О. Историография казачества Юга России в революциях и Гражданской войне // Кубанское казачье войско. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slavakubani.ru/history/historiography/detail.php?ID=1955> (дата обращения: 04.03.2014); Колесников В. А. Историография Хоперского казачьего полка // Казакия.Инфо. Национальный казачий информационный ресурс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://forum.kazakia.info/viewtopic.php?f=58&t=2653> (дата обращения: 04.03.2014).

⁶ Леонов А. Ю. Историография проблемы формирования Верхнеудинских казачьих полков и их участия в Русско-Японской войне // Профистарт. Республика Бурятия [Элек-

тронный ресурс]. Режим доступа: <http://forum.kazakia.info/viewtopic.php?f=58&t=2653> (дата обращения: 04.03.2014).

⁷ Футорянский Л. И. историография казачества в XX – начале XXI вв. // Вестник ОГУ. 2012. № 5. С. 80–85 и др.

⁸ Алферова О. С. История забайкальского казачества по редким изданиям из фондов областной библиотеки им. А. С. Пушкина // Книжные памятники Забайкальского края. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.zabunb.ru/memorial/index.php?do=static&page=publication_zfb_kazachestvo (дата обращения: 04.03.2014).

⁹ Смирнов Н. Н. Забайкальское казачество. М., 2008. 560 с.

¹⁰ Абеленцев В. Н. Амурские казаки. Т. 1. Приамурье. Из века в век. Материалы, документы, свидетельства, воспоминания. Благовещенск-на-Амуре, 2008. 288 с.

¹¹ Константинова Н. Н. Концепция научного исследования и комплектования музейного фонда (на примере темы «Забайкальское казачество в XVII–XX вв.») // Известия Иркутского государственного университета. 2012. № 2. С. 128–141.

А. А. ЕРМАКОВА (г. Исилькуль),
архивный сектор Администрации
Исикульского муниципального района

**УНИКАЛЬНАЯ ТЕМА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
БЕЛОГВАРДЕЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В КИТАЕ
(РОМАН ЭЛЬВИРЫ БАРАКИНОЙ «БЕЛЫЙ ШАНХАЙ»)**

Книга есть альфа и омега всякого знания,
начало начал каждой науки.

С. Цвейг

Знакомство с историей эмиграции белых войск в Китае и её наследием расширит знание истории Отечества, позволит осознать величину интеллектуальной и духовной утраты для России целого пласта культуры и военного опыта, созданного лучшими её представителями, оказавшимися вне Родины.

«Русские явились для Китая, – писал журналист английской газеты «Пекин Лидер» в мае 1930 г., – в одно и то же время своего рода Божьим благословением и источником неприятностей. Большевицкая катастрофа вынудила многие тысячи русских искать в Китае прибежища. В числе этих беженцев большинство были людьми образованными, привыкшими жить широко, знакомыми с достатком, а в некоторых случаях – даже с роскошной жизнью. Что характерно в отношении всей массы русских беженцев – это то, что попав в тяжелую обстановку, в жизненные обстоятельства, к которым большинство из них не были подготовлены, никто, за редкими исключениями, не опустил рук, не признал себя побежденным жизнью...

Почти все русские, попав сюда в Китай, сохранили красивый жизненный энтузиазм и веру в жизнь (которая является, по-видимому, отличительной чертой этой нации) и которые привлекли к ним симпатии многих иностранцев. Нам, иностранцам, пришлось признать перед лицом результатов, достигнутых русскими в борьбе за право существования в Китае, что куда бы русский ни попал, в какой бы обстановке он ни очутился, — он приносит с собой чарующую способность улыбаться и даже отвечать смехом на гримасы жизни, даже при самых тяжелых обстоятельствах жизни... Это ли не сила, перед которой приходится преклоняться?», — завершала свою передовицу газета¹.

Из-за политических событий в Китае в 60–80-х гг. XX в. был затруднён доступ исследователей к китайским архивным и иным источникам, лишь с 90-х гг. XX в. появилась возможность доступа к ним, в результате чего вышли работы китайских исследователей, в которых есть материалы о положении белоэмигрантов в Китае, их политической, культурной и издательской деятельности. Наиболее ценными в этом плане является исследования Ван Чжичэна² и Ли Сингэна³.

Следствием доступа к архивным и другим источникам о белоэмигрантах в Китае явилось появление книги Эльвиры Барякиной «Белый Шанхай».

Эльвира Барякина — автор книг о русской эмиграции. Материалы для каждого ее романа собираются годами — в архивах и библиотеках по всему миру. Она ищет ответы на вопросы: «Почему в Гражданской войне победили красные, а не белые?», «Что случилось с десятками тысяч русских эмигрантов, попавших после революции в Китай?» и др.

Ее задача — обращать внимание читателей на малоизвестные факты, которые многое объясняют и позволяют взглянуть на историю России совсем другими глазами.

Эльвира Барякина пишет на своем сайте: «В Китае существует некий культ Старого Шанхая: об этом городе, как об ушедшей под воду Атлантиде, написано бесконечное количество книг, сняты десятки фильмов. В англоязычной среде тоже есть эта субкультура. Но до меня никто еще не писал художественных произведений о русских в Шанхае — если не считать любительских рассказов, опубликованных 60–80 лет назад в местной прессе»⁴.

Роман «Белый Шанхай» вышел в издательстве «Рипол-Классик» в 2010 г.⁵ В октябре 2011 г. был опубликован его приквел — роман «Аргентинец»⁶, в котором Гражданская война в России рассматривается с различных точек зрения — белых, красных, обывателей, эмигрантов, китайских наемников, британских добровольцев и пр. В начале 2013 г. в издательстве Glagoslav (Великобритания) вышел перевод романа «Белый Шанхай».

«Белый Шанхай» Эльвиры Валерьевны Барякиной — это путешествие в новую жизнь. Эта молодая писательница обследовала Шанхай для того, чтобы узнать каким образом сложилась судьба двух тысяч беженцев, уплывших из

России. В 1922 г. адмирал Старк увёл из большевистской России около 30 кораблей. После долгих скитаний тысячи русских беженцев оказались в Китае – без знания языка, без средств к существованию.

Эльвира Барякина собирала материалы о судьбах переселенцев-белогвардейцев, создавших на китайской земле свой уникальный мир, по всему миру. Домашние архивы их потомков хранились в библиотеках разных стран, пока не были востребованы Эльвирой Барякиной для исследования жизни русской эмиграции в Китае, до нее такую тему в русской художественной литературе ещё никто не поднимал. «Белый Шанхай» – это история людских судеб.

Из интервью Эльвиры Барякиной «Молодежной газете»: «Сейчас я пишу роман «Белый Шанхай» о белогвардейской эмиграции в Китае в 20-е гг. XX в. Многие архивы, мемуары первой волны русских эмигрантов хранятся в Стэнфорде: не будь английского, я бы даже не нашла эти материалы. Весь быт, культура двадцатых годов – с их фокстротами, с нескромными подолами до колен, с немым кино, с колониальной системой и зарождающимся фашизмом – это все английские источники. В СССР в этот период была совершенно другая эстетика, другие ценности: там – «первая пятилетка», а на Западе и на колониальном Востоке – «рокошущие двадцатые», «эпоха джаза». На стыке этих двух миров как раз и получается сделать роман, который невозможно написать без знания обеих культур и языков».

Роман о судьбах российских белоэмигрантов в Китае... Как же вызрела эта тема? Почему родился такой замысел? Знакомая старушка Эльвиры Барякиной (родилась и выросла в Китае, в семье русских эмигрантов) по фамилии Фауст рассказала о судьбе своих родителей. «После революции туда приехали несколько десятков тысяч русских, – рассказывала Евгения Фауст. – Это был целый мир, нечто совершенно уникальное. Вдоль реки Хуанпу располагались Французская концессия и Международное поселение, управляемое Великими Державами. Белые люди не подчинялись китайским законам, они создали в Азии почти Париж, почти Нью-Йорк, почти Вавилон. Но потом японцы оккупировали город, а в 1949 г. Мао выгнал белых колонизаторов из страны, и старый Шанхай исчез навсегда».

А дальше ниточка потянулась... Большая кропотливая работа – знакомство с архивными материалами, изучение мемуаров, встречи с людьми. А начинала писательница с азов, с учебников по китайской истории. Совершенно случайно Э. Барякина нашла в магазине подержанных книг целую стопку довоенных мемуаров людей, живших в Шанхае в 20–30-е гг. XX в.: видно, кто-то из стариков собирал их, а потом наследники снесли к букинистам.

В библиотеке при православной церкви в Лос-Анджелесе в течение многих десятилетий накапливались книги эмигрантов из России – тех, кто сбежал от большевиков, а позже – от КГБ. Как правило, это были люди, не владеющие английским языком. Но они пережили такое, о чем нельзя было молчать. Пи-

сали зачастую непрофессионально, публиковали за свой счет и раздавали тем, кто брал. Приносили в церковную библиотеку в надежде, что это кому-нибудь понадобится. В этой библиотеке Барякина перебрала более 500 томов и пере-сняла 90. До нее эти книги в библиотеке не перебирали лет десять. Старики-эмигранты уходили из жизни, а молодежь не интересовалась самиздатом, написанным дореволюционным шрифтом. Там, в пыли, в рваных коробках она нашла несколько тонких брошюр, написанных русскими, перебравшимися из Шанхая в Америку.

Много материалов отыскивалось в знаменитой Хуверовской башне – архиве при Стэнфордском университете. Там все хранилось на микропленке, автор от руки делала выписки из никогда не публиковавшихся дневников полицейских, служивших в Международном поселении.

Действие романа разворачивается в 20-е годы прошлого века. У каждого из героев «Белого Шанхая» своя история, которая привела их на военные корабли, вошедшие в 1922 г. в дельту реки Янцзы. Главные герои: Нина Купина, Клим Рогов⁷. Нина Купина родилась в Нижнем Новгороде. Первый муж, граф Одинцов, погиб в 1914 г. Со вторым супругом, журналистом Климом Роговым, Нина поссорилась из-за денег. Умна, тщеславна, деловита. В Шанхае учредила фальшивое консульство. Клим Рогов сбежал из дома, не окончив гимназии. В Персии служил телеграфистом, в Аргентине писал для газеты. Перед революцией 1917 г. вернулся в Россию и на свою голову женился на Нине Купиной. В Шанхае начал с самых низов, потом сделал блестящую карьеру как журналист и радиоведущий.

Ада Маршал, 15 лет. Американка по отцу. За время Гражданской войны в России растеряла всех близких. Оказавшись в Шанхае, напросилась к Климу Рогову в компаньонки, так как очень боялась остаться одна в чужом городе. Танцевала за деньги в ресторане, потом устроилась гувернанткой в богатый дом. Феликс Родионов – выпускник Сибирского кадетского корпуса. По приезде в Шанхай долго не мог устроиться на службу: работал сторожем и разнорабочим. Став полицейским в Международном поселении, выслеживал торговцев наркотиками, затем перевелся в Политотдел, чтобы бороться с большевиками.

Насколько роман понравился читателям, можно узнать из отзывов. Многих читателей привлекла уникальность выбранной темы романа. В отзывах можно обнаружить семейные истории о том, как предки проделали весь этот путь на кораблях Старка. Благодаря роману читатели проживают заново жизнь близких людей, судьбы становятся ближе и понятней. Читательница Елена (Москва) рассказывает в комментариях историю своей семьи: «...два брата моей бабушки, Петя и Жоржик, проделали весь этот путь из Владивостока в Шанхай на кораблях Старка. В 1922 г. им было 15 и 12 лет соответственно, и были они кадетами Хабаровского кадетского корпуса. В Шанхае они закончили корпус, получили образование и стали профессиональными музыкантами, благодаря

чему смогли выжить. В 1949 г. Жорж с семьей перебрался в Бразилию. А вот про старшего Петю мы ничего не знаем, как сложилась его судьба...»⁸.

Александр (Канада) пишет: «В семидесятые годы прошлого столетия ещё жили старики, которые этот город хорошо помнили. Читая книгу, я невольно сравнивал их рассказы с вашей повестью. Тождественно»⁹.

Виктория Шаронова (супруга Генерального консула Российской Федерации в Шанхае) обращается к Эльвире Барякиной со словами благодарности «за прекрасное произведение о Шанхае»: «Действия в нем реальны, персонажи – знакомы. Ощущение такое, что вам удалось неведомыми путями проникнуть в то самое время, пожить среди обездоленных русских эмигрантов вдалеке от родной земли, понять их страдания, радости обретения себя и борьбу с унынием и тоской... возможно, что кто-то заинтересуется судьбой близких людей, некогда живших там»¹⁰.

Лидия Скрыбина (Москва) отзывається о романе: «Это не просто историко-приключенческая драма, рассказывающая о захватывающих жизненных перипетиях белой эмиграции в Китае. Это и изысканная обложка, и красочные, выдержанные в том же стиле иллюстрации внутри книги, и язык повествования, слегка стилизованный под начало прошлого века, и портреты главных героев, будь то «мальчишки кадеты, воробьята мерзлые» или загадочная незнакомка Нина, словно ожившая блоковская – все они слегка стилизованы под персонажей старого немого кино. Стилизованы в меру, тонко и ненавязчиво. Словно старинный хрустальный флакон, хранящий память об аромате духов наших бабушек и прабабушек. ...роман читается живо, как развернутый киносценарий, готовый для переноса на экран. Изложенная в такой форме и таким языком история – находка для любого режиссера. Так что будем надеяться, что в скором времени мы увидим героев “Белого Шанхая” ожившими и материализованными. Они того стоят»¹¹.

¹ По сведениям английской газеты «Пекин лидер» / Иностранцы о русских // Шанхайская Заря. 1930. 9 мая. С. 5.

² Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае / пер. с кит. Пань Чэнлонга, Сяо Хуэйчжуна, Лю Юйциня, Бэй Вэньли, Л. П. Черниковой; Предисл. Л. П. Черниковой. М., 2008.

³ Ли Сингэн. Э го цяо минь цзай чжун го (1917–1945) (на китайском языке) (Русские эмигранты в Китае). Пекин, 1997.

⁴ <http://whiteshanghai.com>.

⁵ Барякина Э. В. Белый Шанхай. М. : РИПОЛ классик, 2010. 717 с.

⁶ Барякина Э. В. Аргентинец. М.: РИПОЛ классик, 2011. 416 с.

⁷ <http://www.baryakina.com>.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА А. Н. ГРИШИНА-АЛМАЗОВА В ФОНДАХ АРХИВА УПРАВЛЕНИЯ ФСБ РОССИИ ПО ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Письма и дневниковые записи являются ценными документами, обладающими значительным информационным потенциалом для историко-биографических исследований. Изучение писем как исторического источника определено потребностью в системной реконструкции их информационного потенциала в контексте актуальных методологических направлений современного источниковедения. Анализ частной переписки позволяет сделать выводы о представлениях и ценностях, психологии и мироощущении, поведении и образе жизни, круге общения и интересах человека или группы людей. Письма являются носителями особой информации, ценной для анализа психологии военного времени и эволюции личности в условиях экстремальных ситуаций. Особенно если это касается такой неординарной личности, как командующий Сибирской армией, генерал-майор Алексей Николаевич Гришин-Алмазов.

Биография Гришина-Алмазова вызывает интерес исследователей по причинам различного характера. Очень важным является изучение его политических взглядов, поведения и взаимоотношений с другими лидерами белого движения в Сибири, его личная оценка происходящих событий, личностей, влияющих на их ход, и прогноз дальнейшего развития ситуации, и самооценка, что также весьма важно для изучения политических взглядов Гришина-Алмазова как одного из руководителей сибирской контрреволюции, командующего вооруженными силами и главы военного ведомства Временного Сибирского правительства.

Исследованием биографии А. Н. Гришина-Алмазова занимались многие сибирские историки: Д. Г. Симонов, Н. С. Ларьков, В. И. Шишкин, А. С. Кручинин, П. П. Вибе, Н. М. Пугачева, М. Ивлев. По мнению В. И. Шишкина, имеющиеся публикации о Гришине-Алмазове носят в основном справочно-биографический характер¹. Одной из причин этого является узость источниковой базы.

Источником, к которому еще не обращались исследователи, являются письма А. Н. Гришина-Алмазова к жене, Марии Александровне, содержащиеся в её архивном уголовном деле. Их изучение поможет расширить круг источников. Всего в материалах уголовного дела содержится четыре письма А. Н. Гришина-Алмазова, охватывающие период около месяца: с 25 сентября по 21 октября 1918 г.

Информацию, которая содержится в письмах, можно разделить на несколько групп.

1) Оценка сложившейся политической обстановки в Сибири и Урале. Понимание автором писем.

2) Характеристики действующих лиц антибольшевистского лагеря.
3) Политические взгляды А. Н. Гришина-Алмазова, оформившиеся к осени 1918 г.

4) Информация о семье, взаимоотношения между супругами.

5) Сведения о чертах характера А. Н. Гришина-Алмазова.

В письмах даны очень краткие, но весьма ёмкие и образные политические характеристики многих руководящих лиц в армии и правительстве, лейтмотивом выражен резкий антагонизм и враждебное отношение к Иванову-Ринову, болезненное восприятие политического вмешательства во внутрироссийские дела представителей иностранных союзных держав и чехословаков. Повествование окрашено эмоционально-личностным восприятием действительности. Ярко проявляются в них черты характера Гришина-Алмазова – его самоуверенность, доходящая до самовлюбленности и осознания собственной исключительности, его убежденность в том, что именно он должен играть ключевую роль во всех событиях, его политические взгляды, сложившиеся к осени 1918 г., тяготение к военной диктатуре.

В первом письме, от 25 сентября 1919 г., повествующем о приезде в Уфу, автор описывает устроенную ему восторженную встречу, в восторженных выражениях повествует о его «большой популярности, чем в Сибири»², описывает политическую ситуацию, уделяет внимание персоне генерала В. Г. Болдырева. Тем не менее нерешительность Директории и Болдырева, в особенности отказ предоставить должность, «соответствующую моим заслугам и таланту», находят в письме резкий отклик. Из текста письма явствует также, что именно Болдырев посоветовал ему ехать в ставку генерала М. В. Алексеева. «По его совету и решился я поехать в армию генерала Алексеева»³, пишет Гришин-Алмазов.

Также автор повествует о мерах, предпринятых им для устранения с политической арены своих противников, Иванова-Ринова и Белова. При встрече с Болдыревым Гришин прилагает усилия создать у него определенное представление о своих противниках: «...я постарался его убедить, какой мерзавец Иванов и Белов. Вопрос об их удалении можно считать уже окончательно решенным»⁴. Значительная часть письма посвящена вопросам личного порядка, о положении дел у родственников.

Надежды на то, что в армии Алексеева он займет высокое положение, находят отражение в каждом письме: «офицерство... все надежды возлагает на меня и на генерала Алексеева»; «у Алексеева я буду встречен хорошо, так как приехавший оттуда офицер говорит, что там меня знают...»⁵; «все мною интересуются, все надеются на то, что из армии Алексеева придет спасение России»⁶. Не забывая о поддержании своей популярности в среде омского офицерства, Гришин-Алмазов инструктирует жену: «очень прошу Вас... способствовать тому, чтобы мое имя не заглохло, – заводите знакомства, участвуи-

те в благотворительных вечерах... Всем говорите, что моё путешествие очень опасное, как я люблю Россию и т. д.»⁷.

29 сентября 1918 г. он пишет жене из Уфы письмо, в котором его оценка происходящих событий становится еще более негативной. Недовольство Директорией и Болдыревым выражается в ещё более резких фразах.

С нескрываемым раздражением пишет он о нерешительности правительства, в том числе в переговорах с чехами по вопросу общего командования вооруженными силами. Весьма резко характеризует Директорию как правительство, абсолютно неспособное на решительные действия. Все надежды офицерство, как и сам А. Н. Гришин-Алмазов, по его словам, возлагает на генерала Алексеева. «Тем не менее, – пишет А. Н. Гришин-Алмазов, – до появления генерала Алексеева как диктатора, во избежание могущих быть и даже назревающих авантюр, следует признавать и всемерно поддерживать существующее Всероссийское правительство. К моменту появления армии генерала Алексеева будет подготовлен безболезненный и эволюционного характера переход к военной диктатуре генерала Алексеева»⁸. В конце он дает распоряжение супруге: «Письмо это дай прочесть всем моим единомышленникам...»⁹.

Следующее письмо датировано 5 октября 1918 г. и отправлено из Оренбурга. В нем описывается приезд в Оренбург, устроенная ему встреча, впечатление от беседы с атаманом А. И. Дутовым, отношение к нему казачества. Однако основная тема этого письма, как и других, – поддержание собственного авторитета: «Отношение без исключения всех высших начальствующих лиц ко мне здесь вполне определенно доброжелательное», «По словам Дутова и его помощников, мое имя популярно среди казаков, как генерала, не дающего в обиду иностранцам Россию»¹⁰. В конце письма А. Н. Гришин-Алмазов вновь даёт поручение: «Я отдал распоряжение, чтобы в газетах, ведя кампанию за Алексеева, всё время связывали мое имя с ним. Если они этого делать не будут – пристыдите их и настаивайте на моей воле»¹¹.

Последнее содержащееся в уголовном деле письмо А. Н. Гришина-Алмазова, от 21 октября 1918 г., было написано в Порт-Петровске. В письме описывается встреча с полковником Л. Ф. Бичераховым, положение в городе, окруженном со всех сторон «большевистским фронтом», разные бытовые вещи. Письмо во многом имеет личный характер и касается взаимоотношений в семье. По-видимому, это письмо было последним, дошедшим до адресата.

В деле содержатся также письма (по-видимому, черновики писем) М. А. Гришиной-Алмазовой к мужу, а также разрозненные дневниковые записи, охватывающие период с сентября 1918 по июнь 1919 г. Как можно увидеть из этого небольшого обзора, личная переписка генерала А. Н. Гришина-Алмазова с женой содержит ценные сведения, которые помогают воссоздать их исторические портреты.

¹ Шишкин В. И. Командующий сибирской армией А. Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период Гражданской войны (1918–1919 гг.). Новосибирск, 2009. С. 126.

² Архив Управления ФСБ России по Омской области. Д. П-4413. Л. 100.

³ Там же. Л. 101.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 103.

⁶ Там же. Л. 104.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 131.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 106.

¹¹ Там же.

С. В. ЗВЕРЕВ (Красноярск),
независимый исследователь

БРИТАНСКИЙ КОНСУЛ ТОМАС ПРЕСТОН В ЕКАТЕРИНБУРГЕ. 1918 ГОД

В разгар Гражданской войны в России Т. Г. Престон, назначенный в 1913 г. вице-консулом в Екатеринбурге, оставался в этом городе и в пору установления советской власти, и после его захвата белогвардейскими войсками. На протяжении всего 1918 г. Престон последовательно сотрудничал с руководителями каждой воюющей стороны, но его политическая активность ещё не получила у историков должной оценки.

В 1960 г. Томас Престон дал под присягой письменные показания по делу самозванки Анны Андерсон. Он сознался в том, что состоял в самом тесном контакте с большевистским руководством на Урале. С председателем Екатеринбургского совета А. Г. Белобородовым и его заместителем С. Е. Чуцкаевым Престон *«встречался почти ежедневно»*, много лет знал Ф. Ф. Сыромолотова и П. Л. Войкова из президиума Совета¹.

В интервью для лондонского журнала партии консерваторов Престон рассказывал, что встречался с С. Е. Чуцкаевым на протяжении 11 месяцев. При этом бывший консул скрыл реальное содержание их взаимоотношений, приведя недостоверные слова Чуцкаева, *«что мой посол сэра Джорджа Бьюкенена покинул Россию, и англо-американские силы высадились в Архангельске»*².

Посол Бьюкенен уехал из России давно, 25 декабря 1917 г., а в Архангельске никто не высадился, пока красные оставались в Екатеринбурге. Сверх того, вскоре после возвращения из России в составленном отчёте Т. Престон утверждал, будто вследствие озвученных им многочисленных требований гарантий благополучия арестованной царской семьи Екатеринбургский совет принял резолюцию, приговорившую его к смерти. Используя эту неопубли-

кованную записку, английский историк Майкл Хьюз пишет: *«Ничего фактически не последовало, за исключением того случая, когда консульство было захвачено дюжиной пьяных венгерских военнопленных, вооруженных ножами и ручными гранатами. Они сказали Престону, что ищут виновных в антибольшевистских симпатиях»*³.

Спустя полвека для публики Престон рассказал журналу «The Spectator» о советской резолюции не столь категорично, с чужих слов: *«кстати, мне говорил доктор Фишер, швейцарский консул, что Уральский Совет приговорил меня к смерти за мои ходатайства о царской семье»*. Отвергнув предложение спрятаться в лесу, объяснял дальше Престон, он решил ожидать последствий приговора дома. *«Некоторое время спустя огромная толпа собралась возле дома и сказала, что войдёт обыскать его. Я ответил, что они не могут так поступить, поскольку консульство обладает дипломатической неприкосновенностью»*. В итоге никто Престона не тронул⁴.

В обоих описаниях смертный приговор выглядит совершенно неправдоподобно, т.к. последующее нападение на консульство никак не связано с его исполнением. Не имело никакого смысла принимать беспрецедентное решение о казни, грозящее дипломатическими осложнениями всей Советской республике, могущее стать поводом для начала войны, всего-навсего за безобидные ходатайства, а после вынесения смертного приговора – ничего не сделать для его осуществления.

В дальнейшем Пьер Жильяр утверждал, будто безопасность Престона находилась под угрозой, а Роберт Вильтон в отрывке, который по какой-то причине остался без перевода на русский язык и отсутствует в белоэмигрантских изданиях и всех последующих перепечатках, выразился так: *«Мы знаем, что британскому консулу угрожали смертью, если он ещё будет “вмешиваться”»*⁵.

В обоих случаях угрозы не обозначены в форме официальной резолюции городского совета, и оба мемуариста отсутствовали в то время в Екатеринбурге.

Из тех, кто был в городе при красных, никто, ни с одной из сторон, не подтверждает версии приговора. Его не последовало в отношении более активных заступников за царскую семью (таких как серб Мичич), о которых вспоминали П. М. Быков и П. З. Ермаков, умалчивая о Престоне. В том случае, если приговор является вымыслом Т. Г. Престона, таковой мог потребоваться только в том случае, когда ещё ко времени смены власти в Екатеринбурге консул нуждался в прикрытии подлинных, принципиально иных взаимоотношений с большевистскими властями, легендой о преследовании.

Рассказы Престона о конфликте, угрозах и приговоре тем более сомнительны, что сразу за окончанием Гражданской войны, уже в 1922 г. Престон окажется британским консулом в красном Петрограде и будет занимать эту должность вплоть до 1927 г. Р. Б. Локкарт в книге «Сидней Рейли» после этого так охарактеризует его: *«Престон, хорошо знавший Зиновьева лично»*.

В книге «Романовы и мистер Гиббс» у Ф. Уэлча проскальзывает следующее замечание об апреле 1918 г., хотя нельзя точно ручаться, использованы ли записи именно за это время, а не произвольно вставлены для хода повествования: *«Британский консул в Екатеринбурге Томас Престон с беспокойством писал, что местное большевистское руководство являет собой группу неуправляемых молодых людей в кожаных куртках»*⁶.

Замечание это, естественно, наводит на мысль, что Престон стремился управлять большевиками. И не исключено, что достиг этого в отношении людей немолодого возраста. Многочисленные данные свидетельствуют о том, что в то самое время большевистское руководство сделало всё возможное для налаживания взаимоотношений с Британией.

В марте 1918 г. у большевиков *«вырос»* проект организации на металлургических заводах не только Урала, но и всей России, исключая Сибирь, *«гигантских смешанных трестов»* с участием как английского капитала, так и немецкого, французского, американского, советского. Ленин считал такие концессии гарантией от внешней интервенции⁷.

За три дня до Екатеринбургского злодеяния, 14 июля 1918 г., английскому представителю Линдлею НКИД сообщал о готовности принять английскую экономическую миссию в Москве, дать ей полную неприкосновенность. НКИД давал *«неограниченные полномочия»* в пользу данной миссии для установления *«экономических отношений»* с Британией⁸.

Английская коммерческая миссия с Л. Урквартом прибыла в Москву 9 (22) июля 1918 г. Советская сторона уже после объявленного всюду убийства Императора претендовала на получение заказов, оплаченных царской Россией. У. Кларк обсуждал с Г. Чичериным получение концессий. СНК имел *«самые серьёзные намерения»* относительно экономических связей с Англией⁹.

Гораздо более вероятными будут взаимоотношения Престона с Екатеринбургским президиумом в рамках таких же переговоров. Им было о чём торговаться, поскольку *«уже накануне Первой мировой войны английский капитал контролировал предприятия Кыштымского, Южноуральского и Сысертского акционерных обществ»*¹⁰.

Вместе с тем достаточно реалистично признание Престона о наличии у него *«связи с чехами и с Сибирской Армией через курьера»*. Из книги Престона «Перед занавесом» (1950) стало известно о *«британском офицере в штатском, который проник через линию фронта от генерала Пула»* для связи с чехами. Этот офицер был рекомендован для работы в Сибири тем же У. Кларком, с которым большевики вели торговые переговоры в Москве. В телеграмме от 14 (27) августа 1918 г. Ф.К. Пуль передавал о нём: *«Капитан Дигби-Джонс, которого я послал из Вологды около 10 июля, доложил, что время уже наступило, и сообщил чехам, что им следует приложить все усилия для соединения с нашими войсками под Вяткой»*¹¹.

Касаясь взаимоотношений с пришедшими в Екатеринбург силами контрреволюции, Максим Ивлев в книге «Диктатор Одессы» (2013) рассказывает об увольнении военного министра белогвардейского Сибирского правительства А. Н. Гришина-Алмазова сразу после его столкновения в августе 1918 г. с английским консулом Т. Престоном. М. Н. Ивлев приводит такие многозначительные слова освободителя Сибири от большевиков: *«Англичане, предав царскую фамилию, и сейчас тоже, как всегда, играют двойную игру»*. Сергей Мельгунов в «Трагедии адмирала Колчака» (1930) не приводит эти слова Гришина, но предлагает запись В. Г. Болдырева о нём: *«высказал много лишних, резких, но по существу правдивых обвинений по адресу союзников»*.

Другой министр Сибирского правительства, всегда поддерживавший Гришина, Иван Серебренников в феврале 1919 г. записал в дневник объяснение Гришина-Алмазова, данное ещё в пору конфликта председателю Сибирского правительства П. В. Вологодскому: *«ведёт интригу английский консул из Екатеринбурга, германофил, старающийся посеять смуту в Сибири, и у него, Гришина-Алмазова, имеются документы, уличающие этого консула в германофильских деяниях, в укрывательстве германских военнопленных»*¹².

Распоряжением Вологодского Гришин-Алмазов был уволен 5 сентября 1918 г. без объяснения причин. Единственным намёком стало краткое сообщение о беседе товарища министра иностранных дел Головачёва с американским вице-консулом Грэм 9 сентября. *«Грэй заявил, что назначение... должно быть приветствуемо, так как генерал Иванов-Ринов известен, как вполне определённый друг союзников»*¹³.

На этом самое грубое вмешательство Престона в белогвардейскую политику не закончилось. Как отмечал знакомый с ним мемуарист, *«сама власть разделяется и, пожалуй, сосредоточивается в руках английского и французского консулов»*. В интервью, помещённом 19 сентября 1918 г. в официальной газете «Сибирский вестник», Престон пытался отрицать официальные вмешательства с его стороны в русские дела. Однако именно под руководством Престона (а также французского консула Буаяра) происходило образование Всероссийской власти в Сибири¹⁴.

Отмеченную Гришиным-Алмазовым двуличную и лживую политику Англии со временем возненавидели все сколько-то осведомлённые лица в белой Сибири. Когда британский верховный комиссар Чарльз Эллиот приставил к М. К. Дитерихсу шпиона, который подслушивал и передавал разговоры, которые вёл генерал, 7 сентября 1919 г., по записи тайного агента «Джона», Дитерихс так выражался о намерении «союзничков»: *«Вся их задача раздробить и обессилить Россию, чтобы раз навсегда уничтожить славянского врага»*¹⁵.

Г. К. Гинс отмечает про адмирала Колчака: *«Голова его была полна антимазонских настроений. Он уже готов был видеть масонов и среди окружающих, и в Директории, и среди членов иностранных миссий»*. А. В. Колчак с такими

союзниками осенью 1919 г. стал лучшего мнения о Германии: «Ориентацию менять, что ли? — с каким-то отчаянием вырвалось у него»¹⁶.

Л. А. Кроль вспоминал, что после того как в сентябре 1918 г. «Сибирскому правительству пришлось очень скоро, по настоянию «союзников» совершенно удалить Гришина-Алмазова от дел», масон Авксентьев в октябре 1918 г. в Челябинске фактически повторил выпад генерала Гришина-Алмазова, заявив в присутствии Чарльза Эллиота: «Россия имеет теперь законного представителя в лице Директории», а единственными друзьями России являются чехословаки. Масон Кроль пишет: «Тост был определённо резок и, хотя, может быть и заслужен, но вряд ли политически выгоден»¹⁷.

После того не усидела в Омске и Директория. Историки много писали об участии в перевороте 18 ноября 1918 г. английского отряда Уорда. Но никто не обращает внимания на то, что именно консул Престон вызвал его в Екатеринбург и приставил к адмиралу Колчаку¹⁸.

При недостатке точных данных о характере взаимоотношений между большевиками и британским консулом в Екатеринбурге следует сделать определённый вывод о стремлении и в значительной степени осуществлении британскими агентами в России контроля над составами правительств, политическими решениями и даже настроениями белых властей в Омске.

Можно найти определённые аналогии с тем, как пишет Кристер Йоргенсен о бывшем некоторое время после Ч. Эллиота британским верховным комиссаром на Востоке России Лампсоне: «Британский посол Майлз Лампсон постоянно контролировал каждый шаг короля Фарука» (в Египте). Перед тем, в 1920 г., в Лондоне вышла книга значительного закулисного политика Альфреда Мильнера «Англия и Египет», где он признавал, что полпред Великобритании в Египте является, по его собственному выражению, «реальным, хотя и не объявленным, повелителем»¹⁹.

Прослеживается одна и та же схема действий, как у всех крупнейших британских посланников: Т. Престона на Урале, А. Нокса и Ч. Эллиота в Сибири, Т. Киза на Дону (выступление против атамана Краснова²⁰).

Как доказывает фигура Томаса Престона, следует приложить значительные усилия для подробного выяснения действительной политической роли каждого из представителей Британии, проверить многочисленные выдвинутые обвинения в деятельности, враждебной белому движению.

¹ Ден Л., Воррес Й. Подлинная Царица. Последняя Великая Княгиня. СПб., 2003. С. 424–425.

² The Spectator. 1972. 8 April. P. 567.

³ Hughes M. J. Inside the Enigma: British Officials in Russia, 1900–1939. Rio Grande, Ohio, 1997. P. 165, 300.

⁴ The Spectator. 1972. 11 March. P. 403.

⁵ Жильяр П. Император Николай II и его семья. Вена, 1921. С. 250; Wilton R. Last days of the Romanovs. London, 1920. P. 130.

⁶ Наставник. Учитель Цесаревича Алексея Романова. М., 2013. С. 474–475.

⁷ Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990. С. 43, 54.

⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1959. С. 389, 396.

⁹ Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923. Л., 1969. С. 79–80.

¹⁰ Урал в Гражданской войне. Свердловск, 1989. С. 11.

¹¹ The Spectator. 1972. 11 March. P. 403; Саммерс А., Мангольд Т. Дело Романовых. М., 2011. С. 272; МакНил Ш. Секретный план спасения царской семьи. М., 2006. С. 128.

¹² Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Иркутск, 2008. С. 483.

¹³ Сибирский Вестник (Омск). 1918. № 17–19.

¹⁴ Аничков В. П. Екатеринбург – Владивосток. М., 1998. С. 162; Трукан Г. А. Анти-большевистские правительства России. М., 2000. С. 45.

¹⁵ Голос минувшего на чужой стороне. Париж. 1926. № 1. С. 193.

¹⁶ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2013. С. 464, 478.

¹⁷ Кроль Л. А. За три года. Владивосток, 1921. С. 86, 140–141.

¹⁸ Урд Д. Союзная интервенция в Сибири. М.–Пг., 1923. С. 71–73.

¹⁹ Британская империя в XX веке. М., 2010. С. 210.

²⁰ Зверев С. В. Генерал Краснов. Гидра контрреволюции. Красноярск, 2014.

С. П. ЗВЯГИН (Кемерово),
Кемеровский государственный университет

СОТРУДНИК ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОЙ СИБИРИ В. Н. РУССИЯНОВ

Виктор Николаевич Руссиянов родился 30 декабря 1879 г. (по старому стилю) и происходил из потомственных дворян Черниговской губернии. Молодой человек последовательно окончил Московские реальное и военное училища. С 11 сентября 1899 г. он находился на военной службе, а в 1910 г. В. Н. Руссиянов перешел в Корпус жандармов. Он служил во Владимирском губернском жандармском управлении, помощником начальника Пермского губернского жандармского управления, в ряде жандармско-полицейских управлений на железной дороге¹.

В годы Первой мировой войны он проходил службу в 255-м Аккерманском полку². По состоянию на 23 сентября 1917 г. подполковник В. Н. Руссиянов был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, высочайшим подарком – портсигаром с изображением герба Российской империи с сапфиром (30 июля 1913 г.), орденами Св. Анны 3-й степени (6 декабря 1915 г.) и Св. Станислава 2-й степени (6 декабря 1916 г.). В следующий чин он мог быть произведен с 22 декабря 1918 г. Эти сведения заверены исполнявшим

обязанности управляющего особым отделом департамента милиции МВД [С. А.]³ Романовым⁴.

Вместе с тем военно-медицинская комиссия признала В. Н. Руссиянова непригодным к строевой службе. При освидетельствовании была установлена почти полная глухота на левое ухо, при значительном понижении слуха на правое ухо, кроме этого мужчина был близорук. Документ подписал омский уездный воинский начальник в чине полковника⁵. С 18 августа по 8 сентября 1918 г. В. Н. Руссиянов находился на лечении в Омском военном госпитале⁶. Нам известен адрес, по которому жил в Омске наш герой: улица Проломная (ныне – улица Яковлева), 14⁷.

Офицер не ушел на пенсию. До 3 декабря 1918 г. В. Н. Руссиянов служил в интендантском отделе Высшего Совета снабжения союзных армий. Здесь он характеризовался положительно, его отличала «отменная энергия»⁸. Видимо, это положение не устраивало нашего героя. 29 ноября 1918 г. он подал прошение министру внутренних дел А. Н. Гатттенбергеру о зачислении на службу. Приказом министра от 14 декабря 1918 г. он получил назначение уполномоченным МВД 6-го класса с 7 декабря 1918 г.⁹ Уже 15 февраля 1919 г. исполнявший обязанности управляющего особым отделом С. А. Романов ходатайствовал перед директором департамента милиции МВД о награждении В. Н. Руссиянова¹⁰.

Вскоре он переменял место службы. Приказом по департаменту милиции от 14 апреля 1919 г. В. Н. Руссиянов был назначен начальником Акмолинского областного управления государственной охраны со вступлением в должность с 7 марта 1919 г.¹¹ Правительственное положение о государственной охране предусматривало «предупреждение и пресечение государственных преступлений»¹². Однако в опубликованном правительственном извещении ничего не говорилось о том, что такое «государственное преступление». Вступив в должность, начальник Акмолинского областного управления государственной охраны ввел специальную агентуру на всех оборонных предприятиях Омска¹³.

Сотрудники государственной охраны активно выявляли лиц, служивших у красных. Так, 23 апреля 1919 г. В. Н. Руссиянов направил начальнику особого отдела департамента милиции сводку агентурных сведений. Согласно собранной информации следовало: 1) начальник милиции г. Петропавловска Г. В. Иорам был начальником гарнизона; 2) агент уголовного розыска Омска Вилде – бывший комиссар железнодорожной станции Омск; 3) начальник 3-го участка омской милиции П. К. Ромега являлся делегатом советских органов власти; 4) помощник начальника 3-го участка омской милиции Ф. Рябков – судебный следователь; 5) делопроизводитель 3-го участка омской милиции Ёлкин был комиссаром в Ново-Омске; 6) заведующий каталажными камерами Таранюк был им и при большевиках; 7) помощники начальника милиции на Атаманском хуторе Сироткин и Моисеев служили в народном трибунале¹⁴.

В свою очередь, начальник особого отдела департамента милиции 30 апреля 1919 г. довел до сведения начальника Акмолинского областного управления государственной охраны информацию о том, что сотрудники 4-го участка Омской милиции Ф. и К. Спицыны служили у красных. Еще два человека (Занович и Пурголь) предлагались им для «негласной разработки».

9 мая 1919 г. все четверо были арестованы и допрошены. Данные об их службе у красных не подтвердились. Постановлением от 11 мая мужчин освободили. Копии этого документа были направлены начальнику Акмолинской областной тюрьмы и прокурору Омского окружного суда¹⁵.

31 мая 1919 г. В. Н. Руссиянов «рассмотрел» переписку, связанную с делом гражданина Д. П. Плешнева. При советской власти он был казначеем штаба Красной гвардии. У него могло быть до 30 000 руб. Однако обыск ничего не дал.

В начале осени 1919 г. имело место неординарное событие. 15 сентября 1919 г. 3-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего обратился к министру внутренних дел В. Н. Пепеляеву с просьбой откомандировать подполковника В. Н. Руссиянова в распоряжение военного ведомства. Причина – «крайняя надобность в офицерах». Подписал документ генерал-майор с неразборчивой подписью. 29 сентября 1919 г. директор департамента милиции МВД подписал ответ. В нем говорилось, что по приказу министра внутренних дел В. Н. Пепеляева в данной просьбе отказано. Причина – В. Н. Руссиянову «нет подходящего заместителя»¹⁶. С одной стороны, в этой ситуации обращает на себя то обстоятельство, что два ведомства конкурировали за одного и того же человека, почти инвалида. Это в определенной степени свидетельствует о дефиците подготовленных кадров на территории белой Сибири.

С другой стороны, очевидно, что В. Н. Руссиянов сумел зарекомендовать себя хорошим специалистом. По мнению историка А. Н. Никитина, наиболее яркой фигурой в органах государственной охраны был подполковник В. Н. Руссиянов – начальник Акмолинского областного управления, профессиональный военный, участник Первой мировой войны. Он «организовал хорошо» доверенный ему участок работы¹⁷.

Трудно говорить о личных качествах В. Н. Руссиянова, пишет историк З. И. Перегудова, но, судя по имеющейся переписке, ему были свойственны определенная самоуверенность и амбициозность, а также жестокость по отношению к подчиненным. Порой он превышал свои полномочия, на что ему указывали из департамента милиции МВД, требуя согласования решений, особенно в кадровых вопросах. Он не был человеком, который скрупулёзно исполнял формальности. Его отличала импульсивность¹⁸.

Нам удалось найти сведения о том, что в мае 1919 г. В. Н. Руссиянов находился под судом за оскорбление словом. 24 мая 1919 г. решением председателя Омского военно-окружного суда генерал-лейтенанта [М. А.]¹⁹ Румянцева офицер был признан невиновным²⁰.

Когда началось отступление Сибирской армии на восток, В. Н. Руссиянов стал его участником. 20 июля 1920 г. приказом управляющего ведомством внутренних дел семеновского правительства [А. В.]²¹ Волгина от он был назначен временно исполняющим обязанности начальника Забайкальского областного управления государственной охраны²².

По сведениям историка А. А. Хисамутдинова, В. Н. Руссиянов в эмиграции жил в Шанхае, где занимался исследованием деятельности Коминтерна в Китае и был автором «мемуаров и работ» о деятельности политической полиции²³. Умер он до 1940 г. Дети В. Н. Руссиянова жили в Шанхае. Однако эта фамилия не упомянута в капитальном труде китайского историка Ван Чжиэна о русских эмигрантах в этом городе²⁴.

С В. Н. Руссияновым связана одна из загадок современной отечественной истории. В период перестройки в нашей стране широко обсуждалась возможность причастности И. В. Сталина к службе в царской охранке. Среди доказательств особое место занимало так называемое «письмо Еремина». Этот документ неоднократно публиковался в США, ФРГ в 1950-е – 1980-е годы. Из американских источников известно, что владельцем этого документа был ученый-советолог И. Дон-Левин, автор биографии Сталина, вышедшей в 1931 г. При публикации документа в журнале «Лайф» в 1956 г. он сообщил, что «письмо» получил в 1947 г. от трех лиц, по его мнению, «безупречной репутации»: В. С. Макарова – сына известного русского адмирала, Б. А. Бахметьева – бывшего русского посла в США при правительстве А. Ф. Керенского и Б. В. Сергеевского – пионера русской авиации. Они, в свою очередь, получили этот документ от томского профессора М. П. Головачева – русского эмигранта, проживавшего в то время в Китае.

Последний получил его от полковника Руссиянова – офицера, охранявшего до побега в Китай «сибирские документы охраны». «Сообщение о путешествии письма показалось мне убедительным», – добавляет И. Дон-Левин. Он приводит доказательства подлинности письма, исследуя бумагу, шрифт машинки и возможность пользования такой бумагой и машинкой в России, подпись Еремина. Однако, не располагая еще одним автографом Еремина на бумажной основе, он берет за источник выгравированную надпись на подарочном серебряном кувшинчике, который предоставил И. Дон-Левину бывший генерал-майор Корпуса жандармов А. И. Спиридович. Практически И. Дон-Левин имел не настоящую подпись Еремина, а подпись, сделанную гравером в подражание Еремину. Так как документ был на бумажной основе, «не фотокопия», – как пишет И. Дон-Левин, то он решил, что это письмо подлинное. В данном случае хочется отметить, что И. Дон-Левин стоял на правильном пути, считая, что, если письмо было подлинное, то оно пришло из Сибири и могло храниться в тех архивах на местах, куда было послано.

Возникает еще один вопрос: мог ли Еремин, крупный специалист по поли-

тическому розыску, чрезвычайно ценимый и МВД за свой профессионализм, призванный П. А. Столыпиным в Департамент полиции ещё в годы революции для поднятия работы Департамента по политическому розыску, автор ряда инструкций по ведению агентуры, в том числе и о правилах переписки, так открыто, без шифра писать о своем агенте, даже и в «совершенно секретном документе».

У З. И. Перегудовой вызвала сомнение подпись Еремина. В его подписи чрезвычайно специфическое написание буквы «Е» и «Р». Для тех сотрудников архива, кто часто сталкивается с материалами Еремина, его резолюциями, подписями, совершенно очевидно, что подпись Еремина подделана. Почерковедческая экспертиза, проведенная кандидатом юридических наук Д. П. Потаповым, крупным специалистом в этой области, доцентом кафедры криминалистики юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, однозначно указала, что «имеющиеся различия признаков и подлинных автографов Еремина и в подписи от имени Еремина» в письме, датированном 12 июля 1913 г., указывают на то, что подпись «выполнена не Ереминым, а другим лицом». Экспертиза была проведена по ксерокопии, сделанной с книги И. Дон-Левина²⁵. В итоге З. И. Перегудова сделала вывод о том, что «подпись от имени Еремина в исследуемом документе выполнена Руссияновым»²⁶.

Если такая версия убедительна для З. И. Перегудовой, то она не устраивает нас. Зачем жандармскому офицеру летом 1913 г. подделывать письмо своего коллеги, якобы изобличающее И. В. Сталина в связях с охранкой? Во-первых, В. Н. Руссиянов не мог не знать, что такое служебный подлог. Во-вторых, по мнению З. И. Перегудовой, тогда жандармы не идентифицировали И. В. Джугашвили и И. В. Сталина как одно лицо. В-третьих, никто тогда не мог знать, кем через несколько лет станет этот ссыльный.

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 21. Л. 29; Перегудова З. И. Политический сыск России 1890–1917. М., 2000. С. 137.

² ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 21. Л. 11.

³ Романов Сергей Александрович // Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны. М., 2011. С. 458.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 21. Л. 23.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 21. Л. 13.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 30. Л. 29.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–2; там же. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 2. Л. 295.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 21. Л. 21.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 3. Л. 189; там же. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 21. Л. 15.

¹² Правительственный вестник (Омск). 1919. 19 июля.

- ¹³ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 10. Д. 10А. Л. 3.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 10. Д. 20. Л. 107–107 об.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 10. Д. 20. Л. 129.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 9. Д. 6. Л. 22.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 21. Л. 42–43.
- ¹⁸ Никитин А. Н. Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. М., 1995. С. 36.
- ¹⁹ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 184.
- ²⁰ Румянцев Михаил Алексеевич // Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны. М., 2011. С. 465.
- ²¹ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 21. Л. 30.
- ²² Государственный архив Забайкальского края (далее – ГАЗК). Ф. Р-334. Оп. 2. Д. 356. Л. 410; Василевский В. И. Забайкальская белая государственность в 1918–1920 годах: краткие очерки истории. Чита, 2000. С. 182.
- ²³ Хисамутдинов А. А. Руссиян Виктор Николаевич // Хисамутдинов А. А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: библиографический словарь. Владивосток, 2000. С. 77; См. например: Руссиян В. Н. Работа охранных отделений в России // Hoover Institution Archives. Collection V. Moravcsii. Box 3. Folder 35. Папка № 317.
- ²⁴ Ван Чжичэн история русской эмиграции в Шанхае / пер. с кит. Пань Чэнлонга, Сяо Хуэйжуна, Лю Юйцинь, Бэй Вэнли, Л. П. Черниковой. М., 2008.
- ²⁵ Don-Levin I. Stalin's Great Secret. New-York, 1956.
- ²⁶ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 137, 254, 255, 261.

Т. В. КАИНДИНА (Омск),
Исторический архив Омской области

ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И УСТАНОВЛЕНИЮ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ФОНДАХ БЫВШЕГО ОМСКОГО ОБЛПАРТАРХИВА

Большая часть документов (в первую очередь, официального характера) по истории Гражданской войны и установлению советской власти в Сибири и в Омском Прииртышье, которая сохранилась после событий того периода и после вывоза их в последующие годы в Москву, находилась в Государственном архиве Омской области, созданном в 1941 г. на базе слияния двух архивов: Октябрьской революции и Омского губернского архива. Документы Омского облпартархива (с 1991 г. – ЦДНИОО, ныне вместе с ГАОО – Исторический архив Омской области) по данной теме были сосредоточены в трех фондах: Омского Истпарта, Омского отделения Общества старых большевиков и Сибирского землячества участников Гражданской войны. Эти организации существовали

в 1920-е – первой половине 1930-х гг. и занимались сбором документов личного характера – анкет, автобиографий, воспоминаний, фотографий участников революционных событий и Гражданской войны, – которые и отложились в вышеназванных фондах. Ценность их заключается в том, что, во-первых, как уже говорилось, многие документы того времени были утрачены и слабо отражены в официальных документах, а документы личного характера, при определенном критическом подходе к ним, дополняли, конкретизировали уже имеющуюся информацию о событиях тех лет; во-вторых, собранные воспоминания относились к началу 1930-х гг., когда так называемая политика «стерильности» (исторической и идеологической) еще не достигла своего апогея, и, следовательно, описание фактов и мнения авторов зачастую расходилось с официальными.

Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и РКП (б), или Истпарт, была создана в 1920 г., на местах создавались местные отделения Истпарта. В результате их деятельности был собран значительный комплекс документов по самым разным историческим темам, большая часть которых в последующем была передана в губернские архивы. Оставшиеся документы, в первую очередь личного происхождения ветеранов партии, участников Гражданской войны и установления советской власти, после ликвидации Истпартов были переданы в партийные архивы. В фонд Омского Истпарта (П-19) вошли документы о работе самой организации, типографские экземпляры стенограмм заседаний, постановлений, резолюций, отчетов Сибкрайкома, Омского губкома и окружкома партии, а также разрозненные экземпляры таких периодических изданий, как «Бюллетень Омского губисполкома», «Известия Омского губкома РКП(б)», «Известия Сибкрайкома ВКП(б)», издание Омского губернского бюро РКП(б) «Красный Путь» и др. В фонде находится более 120 воспоминаний ветеранов партии, которые освещают революционные события в Омске и установление здесь первой советской власти, чехословацкий мятеж и Марьяновские бои, приход к власти Колчака и работу в подполье, а также многие другие события периода Гражданской войны. Кроме того, в данном фонде имеются копии документов по вышеназванной теме из центральных архивов и Новосибирского партийного архива.

В 1922 г. при Истпарте было создано Всесоюзное общество старых большевиков (так называли членов партии, примкнувшим к большевикам до революции 1905 г.). В 1929 г. при музее РККА в Москве были созданы землячества, в том числе и Сибирское (эти общества объединяли участников революции и Гражданской войны, уехавших из регионов в Москву и Ленинград). Эти организации тесно сотрудничали с Истпартом и друг с другом: их члены помогали работникам местных Истпартов получать копии документов из центральных архивов, уточнять сведения, рецензировать рукописи, выпускали совместные с Истпартом публикации.

Фонды Омского отделения Общества старых большевиков (ф. П-21) и Сибирское землячество участников Гражданской войны (ф. П-20) по объему небольшие – 12 и 40 дел соответственно. Это документы, которые в первую очередь отражают деятельность самих обществ: протоколы заседаний, планы, отчеты о работе, помимо этого здесь имеются анкеты, автобиографии ветеранов партии. В фонд Сибирского землячества вошли не только документы о работе Омской группы, но и других – Алтайской, Енисейской, Иркутской, Томской.

Одним из направлений деятельности землячества было проведение вечеров воспоминаний, стенографии которых представляют несомненный интерес для исследователей. В них помимо основного доклада фиксировались выступления выступающих в прениях, которые зачастую шли в разрез с официальным докладом. Так, при обсуждении доклада о деятельности омских профсоюзов утверждалось, что здесь очень длительное время исключительное положение занимала группа работников, представлявших собой руководящую часть партии интернационалистов¹; при обсуждении темы о роли партии в партизанском движении некоторые члены общества говорили о роли не партии, а отдельных личностей в организации партизанских отрядов, об эсеровском влиянии на партизанское движение и др. Выступающие были заинтересованы в наиболее правильном освещении событий: «...Из выступления некоторых товарищей получается, что население было настолько сознательно, что под влиянием большевистской агитации самостоятельно повело борьбу против колчаковщины. Я думаю, не надо кидаться из одной крайности в другую. На собраниях крестьяне говорили – свергнем Колчака, не будем ни от кого зависеть, никто не будет нас трогать. Было несколько основных отрядов, но помимо этого существовали и местные отряды, которые имели целью не только охрану селений, но и проводили стычки с остатками белогвардейцев, карательными отрядами, которые набирались не из регулярных частей, а из дружин. Ни одно село не было пассивно, в каждом имелась партизанская группа...»² или: «...Жестокость по отношению к нам проявляли обе стороны, не только белые, но и партизаны, возмущенные нашими поступками...»³. Интересен доклад о подготовке побега из Александровского централа в Иркутской губернии, где, несмотря на жесткий режим, заключенным разрешалось ставить театральные постановки («Ревизор», «Бесприданница»), что и дало возможность совершить побег⁴, а также описание дороги до тюрьмы: «...Когда проезжали через станцию Тяжин, крестьяне организовали целый обоз подвод, приехав с продуктами к нашему эшелону. Мы питались этими продуктами в течение нескольких дней. Дело в том, что с группой политзаключенных ехали четыре колчаковских солдата, осужденных на 12 лет каторжных работ за участие в выступлениях в Томске в марте 1919 г. Они были родом с этих мест, и поэтому охрана эшелона разрешила крестьянам передать продукты заключенным. Одновременно с таким

сочувственным отношением всех политзаключенных пропускали через строй анненковских отрядов, которые были расположены от Ачинска до Канска⁵.

Используя стенографии вечеров, воспоминания ветеранов Гражданской войны как исторический источник, можно существенно дополнить уже имеющиеся факты по тому или иному событию. Например, в докладе о подготовке вооруженного восстания омских рабочих 22 декабря 1918 г. говорилось: «После 2-й Всероссийской конференции (Томск, ноябрь 1918 г.) началась плановая работа к вооруженному восстанию, развернутая Омским комитетом. За этот период удалось охватить весь гарнизон Омска, были организованы полковые комитеты. Силы, которыми располагал Реввоенштаб: три полка пехоты и отдельные части с 18-ю орудиями разных калибров с небольшим запасом снарядов, около 10 000 военнопленных в концлагерях. Весь гарнизон Омска составлял 20 000 штыков, не включая полицию и охрану, имелось всего в гарнизоне и на складах 43 000 винтовок и 18 000 бомб разного калибра. Таким образом, соотношение сил и при этом революционное настроение всей рабочей и солдатской массы давало предпосылки для полного успеха над врагом...»⁶. В вышеуказанных фондах имеются также и подлинные документы периода Гражданской войны. Например, рапорт командира 6-го Сибирского Мариинского полка начальнику 2-й Сибирской стрелковой дивизии о взятии села Верхняя Талача (Забайкалье) и аресте командиров Красной Гвардии, документы дознания о принадлежности к Красной Гвардии⁷ и другие документы, в том числе листовки. Правда, таких документов очень мало.

После создания на базе Омского облпартархива ЦДНИОО и интеграции партийных документов в систему государственных архивов был выделен ряд личных фондов ветеранов партии, в которых также имеются документы, в том числе и фотографии, по истории революционных событий и Гражданской войне в Сибири. Здесь можно назвать фонд З. Винцкович-Лигети, жены К. Лигети, с ее воспоминаниями о муже, ее замечания к книге Колмогорова о венграх – участниках Гражданской войны. В фонде М. Долбежкина имеются его рецензии на книги В. Молотова «Большевики Сибири в период Гражданской войны» и М. Юрасовой «Омск: очерки по истории города», в которых он указывает на неточности в освещении деятельности подпольной партийной организации в период колчаковщины⁸.

Конечно, документы личного происхождения, как уже говорилось, являются довольно специфическим источником – они субъективно оценивают события и свое участие в них. Так, ветеран партии И. Г. Залепин в письме своему товарищу по революционной деятельности Карлову писал: «Сколько вранья помещают (речь идет о воспоминаниях, посвященных периоду Гражданской войны), но нельзя сказать, что и в твоих материалах все так чисто и гладко, тоже в некоторых местах катаешься на предположениях, а они не совпадают с действительностью»⁹.

Таким образом, документы по Гражданской войне и установлению советской власти в Сибири, находящиеся в фондах бывшего Омского облпартархива, несмотря на то, что большинство их – это документы личного происхождения, при критическом подходе к ним имеют важное для историков значение в деле изучения того периода.

¹ Исторический архив Омской области. Ф. П-20. Оп. 1. Д. 15.

² Там же. Д. 14. Л. 16.

³ Там же. Д. 14. Л. 15.

⁴ Там же. Д. 15.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Д. 11.

⁷ Там же. Ф. П-21. Оп. 1. Д. 7. Л. 55.

⁸ Там же. Ф. П-637. Оп. 1. Д. 36, 37.

⁹ Там же. Ф. П-633. Оп. 1. Д. 31. Л. 39.

Е. Н. КАЛАШНИКОВ (Марьяновка),

Администрация Марьяновского муниципального района Омской области

МАРЬЯНОВСКИЕ БОИ: ВЗГЛЯД ПО ТУ СТОРОНУ ФРОНТА

96 лет прошло с момента Марьяновских боёв, но эта страница истории нашего поселка по-прежнему волнует каждого, кто к ней соприкасается. Многие из наших земляков помнят, с каким размахом праздновалось 70-летие Марьяновских боев в 1988 г.: открылся музей, на стадионе разворачивались постановочные бои. Спустя четверть века, изучая зарубежные источники о Первой мировой войне, в поисках сведений о пересылочных лагерях для военнопленных австро-венгерской армии были обнаружены статьи о Чехословацком корпусе, воевавшем как на полях сражений Первой мировой, так и по всей линии Транссибирской магистрали в годы Гражданской войны. В мае – июне 1918 г. корпус оказался у Марьяновки. За прошедшие годы отношение к самим марьяновским боям и к сторонам-участникам сражения значительно изменилось. Сегодня бойцов Чехословацкого корпуса уже почти перестали именовать белочехами, перейдя на безэмоциональное «чехословацкие легионеры». В свою очередь, бывшие когда-то «бандиты атамана Анненкова», стали «партизанами».

Наиболее полное исследование марьяновских боев провел писатель-краевед Михаил Иванович Саньков и посвятил им главу в книге «Марьяновский меридиан». Однако нам показалось интересным взглянуть на происходившие события глазами чехословацких легионеров. Благодаря сотруднику Сла-

вянской национальной библиотеки в Праге Юрию Вацеку удалось перевести с чешского языка отдельные главы книги Адольфа Кубичека «Ганацы в революции. Хроника 6-го Ганацкого стрелкового полка». Сопоставление полученной информации с фактами из ранее упомянутой книги М.И. Санькова дало следующие результаты.

С началом Первой мировой войны в надежде добиться национальной независимости значительное число чехословаков, проживавших в Российской империи, были готовы с оружием в руках сражаться за свободу своей родины. Чехословацкая дружина была сформирована 30 июля 1914 г. для борьбы с немцами в составе Русской армии. В легионе было принято присваивать подразделениям дополнительные названия. Так, 6-й полк, который наиболее известен нам в связи с его участием в марьяновских боях, называли Ганацким, по названию реки Ганы, что в Моравии. Корпус сначала использовался российскими властями для борьбы с немецкими войсками на Восточном фронте, но в 1918 г. оказался втянут в вооруженную борьбу с советской властью. Попытки выявить причины выступления Чехословацкого корпуса против советской власти, послужившего, по утверждению советских историков, сигналом к началу вооруженной борьбы, предпринимались начиная с 1918 г. И если первоначально советские историки всецело расценивали чехословаков как виновников начала Гражданской войны, то затем их подход к этой проблеме стал более взвешенным.

Сегодня все больше и больше историков приходят к мнению, что Чехословацкий корпус в России весной 1918 г. стал жертвой сложившихся обстоятельств и был втянут в военные действия против советской власти. Фактически чехословацкие легионеры были спровоцированы на выступление, и они были вынуждены выступить для того, чтобы пробивать себе оружием дорогу домой – через Дальний Восток. Весной 1918 г. чехи мечтали только поскорее выбраться из России и попасть во Францию. Недовольство в чехословацком корпусе возрастало по мере продвижения на восток ввиду мелких инцидентов с местными советами, встреч с эшелонами немецко-австрийских военнопленных, наличия австрийцев и венгров в составе красногвардейцев.

К маю 1918 г. эшелоны чехословацкого корпуса продвигались на восток крайне медленно. Адольф Кубичек, участник тех событий и будущий историограф 6-го Ганацкого полка, а впоследствии профессор Пражского университета, пишет, что «23 мая два батальона вышли из Челябинска, неожиданно легко прошли все опасные станции, в том числе город Курган, и 24 мая прибыли в Петропавловск, где по-прежнему располагались третий батальон и штабной поезд 6-го полка. Ранее, 20 мая, эшелон с первым батальоном 6-го полка, стоявший на станции Исилькуль, пошел на восток, прошел Омск, откупившись там частью вооружений, и в это время уже слился с эшелонами седьмого полка перед Ново-Николаевском»¹.

Через несколько дней восточнее Омска 2-я, 3-я и 4-я роты 1-го батальона 6-го Ганацкого полка примут участие в боях под станцией Барабинск. Как мы уже знаем, другим частям 6-го полка не удастся так легко пройти до Ново-Николаевска. 24 мая по приказу командира 6-го полка, штабс-капитана Отакара Гануша, штабной поезд 6-го полка покинул Петропавловск. За ним последовал хорошо вооруженный эшелон второго батальона. К ночи оба поезда прибыли на станцию Исылкуль. Там был получен новый приказ – поезд № 33 (то есть поезд второго батальона 6-го полка) незамедлительно направить на Омск. Далее А. Кубичек напишет: «Видимо, там уже красные подготовили “встречу”. Намного позже, после падения Омска, стало известно, что поезд должен был быть направлен в тупик, где из пулеметов все солдаты в вагонах должны были быть расстреляны»².

На первый взгляд, подобное утверждение выглядит абсурдным. Однако, опираясь на данные с «советской стороны», М. И. Саньков подтверждает: чешские эшелоны действительно должны были быть загнаны в тупик и разоружены. Учитывая содержание приказа Льва Троцкого, нетрудно представить, каким образом развивались бы события при отказе легионеров разоружаться добровольно.

Чешские эшелоны приказу не подчинились, и первым в Омск пошел штабной поезд. Хотя А. Кубичек не указывает причину такого решения, вероятно, чехи верили в возможность убедить «красных» пропустить эшелоны через Омск. К 12 часам 25 мая 1918 г. штабной поезд прибыл на станцию Куломзино. Так чешские источники позволили нам установить время начала переговоров – 12 часов дня 25 мая 1918 г.

Далее А. Кубичек пишет: «Поезд останавливается на станции, и русские железнодорожники, возможно, по приказу и под давлением большевистского комиссара оставляют локомотив. Но как раз вовремя их заменили наши собственные солдаты-железнодорожники»³. По Кубичеку получается, что железнодорожники исчезли сами, и еще до начала переговоров, и чехи не заставляли их покидать локомотивы. Прибывший представитель советской власти потребовал от начальника поезда разрешения осмотреть поезд и сдать все оружие. Чехи согласны были сдать 20 винтовок и выполнить тем самым условия Пензенских договоренностей. Согласно им предполагалось, что при движении эшелонов в каждом из них будет одна рота в количестве 168 человек, вооруженных винтовками и одним пулеметом, количество патронов из расчёта 300 на винтовку и 1205 – на пулемёт. Но переговоры были безуспешными. Чехи решили ехать обратно.

Чтобы избежать ненужного кровопролития, штабной поезд, не дожидаясь атаки, пускается в обратный путь. На первой же остановке он встретился с поездом 2-го батальона и проинформировал его о ситуации. Оба поезда возвращаются. Как указывает А. Кубичек, «от станции направили угрожающую теле-

грамму в Омск, в которой требовали не препятствовать в движении чешским поездам»⁴. Оба поезда продолжили отступление, но тут произошла заминка, которая оказала хорошую службу чехословакам. Из-за небрежности машиниста поезда 2-го батальона порвалась сцепка одного из вагонов, и потребовалось некоторое время, чтобы продолжить движение.

Здесь следует обратить внимание на следующие обстоятельства: 1) Поездом управляли чешские солдаты-железнодорожники, и такой инцидент вполне мог произойти; 2) В результате заминки замыкающим оказался именно поезд с хорошо вооруженными солдатами второго батальона, которые и обнаружили, что их преследуют два воинских эшелона большевиков.

Теперь самое время обратиться к страницам книги «Марьяновский меридиан». Там указывается, что красногвардейцы у Куломзино и Лузино видели вагоны чешского эшелона, двигавшегося задним ходом⁵. Далее цитируем А. Кубичека: «Тем временем штабной поезд прибыл на станцию Марьяновка, на которой командир полка планировал сосредоточить весь полк, а оттуда “с позиции силы” заставить большевиков в Омске дать разрешение на свободный проход поездов Чехословацкого легиона. Никто не думал, что сами большевики против нас, и начнут действовать так быстро, поэтому полковой оркестр, едва поезд остановился на станции, вышел у вокзала и начал беззаботно музицировать, чтобы рассеять подавленное настроение. Как обычно, все скопились вокруг оркестра, забыв о серьезности ситуации...»⁶.

На сайте курганских краеведов удалось найти сведения об этом оркестре. Там сообщалось, что курганцы питали искреннюю симпатию к солдатам 6-го стрелкового полка. Он, а вероятнее всего отдельные его подразделения, прибыли на станцию весной 1918 г., и находились там до июля 1919 г. Капельмейстером в этом полку служил известный в Европе композитор Вилем Ваксман. В Кургане капитан Восковец, под чьим именем выступал В. Ваксман, организовал духовой оркестр⁷. Таким образом, и этот источник подтверждает факт существования оркестра, появление которого на небольшой станции Марьяновка в начале прошлого века не могло не вызвать интереса у жителей.

Вот как описывает А. Кубичек случившееся потом: «Через несколько минут приблизился поезд 2-го батальона, солдаты уже издали размахивали руками, указывали за себя. Поезд въезжает на станцию, как по команде, все стали выпрыгивать и образовывать цепи, окликом лишь предупредив солдат из штабного поезда, тупо уставившихся на них, что они находятся в опасности. Даже тогда, однако, из-за грохота поезда их не понимают, хотя все, кто находился на станции, почувствовали, что что-то происходит, что-то серьезное. Только свист пуль сразу прояснил ситуацию. Это их догнали большевистские поезда... и едва остановились, как из них застучали пулеметы. Ужас и смятение. Все бегут к поездам, но уже выпрыгивают отдельные стрелки, офицеры с оружием в руках разбегаются по обе стороны от дороги. В ту минуту дополнены цепи, обра-

зованные стрелками второго батальона, и начинается атака на большевистские поезда»⁸.

Точной стрельбой из пулеметов чехи быстро подавили неприятельский огонь и не позволили красногвардейцам ни развернуться в цепи, ни даже удалиться от поездов. Атакой с двух сторон исход боя был решен. Воспоминания чешского историка позволяют нам уточнить время боя: «Близился вечер, — пишет он, — когда преследователи напали на наши поезда, а с наступлением сумерек битва закончилась. Через 40 минут боя оба неприятельских поезда были захвачены»⁹. По оценке победителей, потери красногвардейцев составили около 250 человек убитыми, «другие были захвачены (128) или рассеяны в лесу»¹⁰.

Здесь в завершение первого марьяновского боя происходит эпизод, которые обе противоборствующие стороны оценивают по-своему. Чешский историк пишет: «Перед завершением боя им (большевикам) подоспела помощь с артиллерией, однако поезд с ней из осторожности остановился далеко сзади. Дважды артиллерия ударила по нашим поездам, но выстрелы в них не попали, и поезд с артиллерией начал двигаться назад. И как раз вовремя, потому что в это время 6-я рота обходным маневром пыталась не дать ему возможности отступить. Вот так он спасся и избежал судьбы, постигшей два предыдущих поезда»¹¹. И далее: «Собрав мертвых, насколько это было возможно в наступившей темноте, и оказав медицинскую помощь раненым, мы садимся в поезда, которые еще в тот же вечер отправляются назад, чтобы быть ближе к нашим остальным поездам, и проводим ночь на станции Москаленки, выставив часовых на случай, если большевики начнут готовить новое нападение»¹².

Иная картина складывается из рассказа Звездова: орудиями из поезда, следовавшего на выручку эшелонам, был начат обстрел с расстояния пять вёрст. Три снаряда попали в чешские эшелоны, и те спешно отступили. Странно, но при этом красноармейцы действительно не стали наступать дальше. Звездов говорит о том, что красноармейцы вступили в Марьяновку утром следующего дня (то есть 26 мая 1918 г.)¹³.

В результате боя чехи захватили 12 пулеметов разных систем, в том числе несколько вообще не бывших в употреблении, несколько сот винтовок с достаточным запасом патронов и много ручных гранат. Потери чехов составили 18 человек убитыми и 15 ранеными. Павшие были похоронены в Москаленках, в братской могиле к югу от железнодорожного полотна. Данные о потерях у чехов значительно разнятся. По воспоминаниям С. А. Шудина, которые проводит в своей книге М. И. Саньков, в Москаленках было похоронено 22 человека¹⁴. На сайте Министерства обороны Чешской республики¹⁵, где ведется реестр воинских захоронений, поименно перечислены только 11 легионеров, захороненных в этой братской могиле. Десять из них значатся как погибшие в бою под Марьяновкой, один — погибший в результате несчастного случая

в Исилькуле. Так завершился первый марьяновский бой. Наступило перемирие, которое продолжится менее двух недель. Всё это время, понимая, что кровопролития не избежать, стороны будут готовиться к новому бою.

¹ Kubíček Adolf: Hanáci v revoluci. Kronika 6 střeleckého pluku Hanáckého. Olomouc, M. Lužný, 1928. С. 130.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 131.

⁵ Саньков М. И. Марьяновский меридиан. Омск, 1994. С. 84.

⁶ Kubíček Adolf: Hanáci v revoluci... С. 132.

⁷ Кузьмин А. Чехословацкий легион, 1919 // Курган и курганцы. 2008. 3 февраля.

⁸ Kubíček Adolf: Hanáci v revoluci... С. 132.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Kubíček Adolf: Hanáci v revoluci... С. 133.

¹³ Саньков М. И. Марьяновский меридиан. Омск, 1994. С. 89.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Учёт военных захоронений. Проект «Легионы 100» // Министерство обороны Чехии. Официальный сайт. Режим доступа: http://valecnehroby.army.cz/htm/ru/r_3_0.html.

Л. Г. КАПУСТИН (Муром),
независимый исследователь

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА БЕЛОЙ СИБИРИ: ПОДПОРУЧИК С. Н. ЛИКАОНСКИЙ

За последние годы изучение антибольшевистских вооруженных формирований на востоке России поднялось на качественно новый уровень, поскольку все чаще в центре внимания исследователей оказываются не только структура, численный социальный, национальный состав подразделений, но и судьбы отдельных людей, составлявших не только высший и старший командный состав этих частей (а потому оставивших достаточно заметный след в истории), но и младших офицеров и нижних чинов, о которых сегодня нам известно крайне мало. Между тем восстановление по крупицам их судеб позволяет более полно судить о белой армии на Востоке страны в целом и об отдельных ее формированиях в частности.

Одним из тысяч тех, чье имя (причем в прямом смысле слова) было забыто, является подпоручик Сергей Николаевич Ликаонский. Имя С.Н. Ликаонского в силу ряда причин связано с событиями на одном из самых малоизвестных

фронтов Гражданской войны в Сибири – Ленско-Витимском (располагавшемся на территории тогдашней Иркутской губернии). До недавнего времени упоминание об этом офицере встречалось лишь в иркутской прессе того времени, а также в работах современных исследователей П. А. Новикова и Д. Г. Симонова¹.

Однако советских историков-краеведов по понятным причинам фигуры из лагеря противников народной власти интересовали мало, а современные исследователи, упоминая о действиях Ликаонского в 1918 г., не смогли, к сожалению, установить даже его даты рождения.

После выступления Чехословацкого корпуса в конце мая 1918 г. антибольшевистские подпольные организации по всему востоку России, от Волги до Тихого океана, постепенно включались в боевые действия, на ходу формируя местные отряды, которые затем объединялись в более крупные части, ставшие основой белой Сибирской армии.

Одним из первых добровольческих формирований Сибирской армии стал Томский партизанский отряд² под командованием местного офицера – прапорщика Сергея Николаевича Ликаонского. Сергей Николаевич Ликаонский родился 26 сентября 1891 г., а 8 октября того же года – крещён. Восприемниками при крещении были титулярный советник Иван Георгиевич Молофенко и жена коллежского асессора Татьяна Илларионовна Тузлукова. Таинство святого крещения совершил священник Феофан Смыкалов³.

Отец Сергея Николаевича, Николай Федорович Ликаонский, был коллежским секретарем, младшим землемером Амурской области; мать – Александра Алексеевна Венецкая – дочерью чиновника. С 1896 г. отец С. Н. Ликаонского занял до того вакантное место землемера на о. Сахалин, поселившись в поселке Александровском; здесь рос Сергей Николаевич и его братья и сестры. Кроме Сергея в семье были еще два брата: Евгений (1893 г.р.) и Федор (1904 г.р.), а также две сестры – Валентина (1890 г.р.) и Сусанна (1900 г.р.). В 1905 г. семья переселилась в Томск, где отец С. Н. Ликаонского, к тому времени дослужившийся до чина надворного советника, в 1909 г. умер.

Сергей Николаевич поступил в Томский технологический институт на горное отделение и стал горным инженером. Незадолго до Первой мировой войны он женился на Варваре Евлампиевне Пучеглазовой, а в 1913 г. у них родилась дочь Людмила. Но спокойную жизнь семьи нарушила война. В 1917 г. Сергей Ликаонский поступил в Иркутское военное училище, а 1 августа 1917 г. окончил его и получил чин прапорщика. В том же году умерла от тифа его жена Варвара Евлампиевна.

После прихода к власти большевиков С. Н. Ликаонский, очевидно, находился в подпольной офицерской организации Томска, а с началом гражданского противостояния в Сибири возглавил небольшой партизанский отряд. После взятия Омска 7 июня 1918 г. боевые действия разделились на два главных направления – на восток от Омска – к Байкалу и далее к Тихому океану; на запад

от города – к Уральскому хребту. Соответственно оформились и силы, действовавшие на этих направлениях, – 1-й Средне-Сибирский армейский корпус и 2-й Степной Сибирский армейский корпус. Томский партизанский отряд прапорщика Ликаонского (на 29 июня 1918 г. он насчитывал 50 штыков и 1 пулемёт) в числе прочих мелких отрядов вошёл к началу июля 1918 г. в один из полков Сибирской армии – 1-й (впоследствии – 3-й) Барнаульский⁴. 1-й Барнаульский стрелковый полк был включён в состав 1-го Средне-Сибирского корпуса полковника А. Н. Пепеляева⁵ и принял активное участие в операции по овладению Иркутском, наступая по Александровскому тракту в колонне полковника А. Н. Пепеляева вместе с 3-м Томским полком и отрядом есаула И. Н. Красильникова⁶, завершившейся взятием города 11 июля 1918 г.

Ситуация, сложившаяся на территории Иркутской губернии после взятия белыми губернского центра, была достаточно сложна. С одной стороны, продолжалось успешное наступление на восток, вдоль Транссибирской магистрали, частей Сибирской армии; с другой стороны, значительная часть губернии севернее линии железной дороги – огромная труднопроходимая территория, на которой располагались места золотодобычи, продолжала оставаться под контролем большевистских органов власти. Вместе с тем еще до подхода белых к Иркутску здесь сложилось несколько подпольных организаций, не способных самостоятельно взять под контроль всю территорию Приленского края, но ждавших подхода белых, чтобы выступить и свергнуть большевистскую власть.

В ночь на 2 июля 1918 г. вторая попытка⁷ подпольщиков в г. Киренске свергнуть советскую власть увенчалась успехом. Были арестованы, а вскоре расстреляны главные активисты Киренского совета. Военное руководство возглавил подполковник Бострем⁸, а один из активных участников подполья прапорщик И. Рубцов⁹ стал комендантом военного гарнизона города.

В некоторых работах иркутского исследователя П. А. Новикова¹⁰ упоминается, что Киренск освобождался «местным эсэро-офицерским подпольем во главе с поручиком Ликаонским»¹¹. Следует уточнить, что главную роль в свержении советской власти в городе действительно, как уже было сказано выше, сыграло местное подполье, однако Ликаонский не был его участником (тем более одним из руководителей), так как подошел к городу уже после захвата его восставшими со своим отрядом, после занятия Сибирской армией Иркутска, чтобы помочь удержать подпольщикам город до подхода основных сил. Его возможная интерпретация как главы подполья, вероятно, связана с тем, что он был фактическим представителем «белого» Иркутска и Сибирской армии в регионе и возглавил оборону города от подошедших красных. Одна из иркутских газет писала: «Отряд войскового старшины Красильникова... 10 августа достиг Киренска, где... ликвидировал банды красных, обложивших город с его храбрыми немногочисленными защитниками под командованием поручика Ликаонского»¹².

Возможно, в глазах современников именно С. Н. Ликаонский, командовавший отрядом, не позволившим решиться красным на штурм города и игравший наиболее активную роль, стал главным героем событий. В прессе того времени С. Н. Ликаонский называется иногда поручиком¹³, а иногда встречается упоминание «отряда Ликаонского» (вообще без указания звания)¹⁴. Возможно, это просто ошибка газет, поскольку только чин подпоручика Ликаонский получит согласно приказу по Сибирской армии от 20 сентября 1918 г. со старшинством с 28 августа 1918 г.¹⁵ Любопытно, что дата старшинства совпадает с окончанием кампании в Приленском крае. Ошибка тем более возможна, что иногда фамилия в прессе, очевидно с опечаткой, указана как «Ликажский» или «Леконский». Конечно, можно предположить, что упоминаемый в иркутских газетах августа 1918 г. поручик С. Н. Ликаонский – это другой офицер, никогда не командовавший партизанским отрядом в Томской губернии, например, один из братьев Сергея Николаевича, также томич, тем более что во всех упоминаниях в газетах его фамилия стоит без единого инициала. Например, средний брат, Евгений Николаевич, подходящий по возрасту (1893 г.р.), окончивший 2-ю Иркутскую школу прапорщиков 22 декабря 1915 г., служивший в белой армии в Перми, а после Гражданской войны проживавший в том же городе, так как средний брат – Федор (1904 г.р.) был в 1918 г. 14-летним подростком.

Однако из списков о производстве в следующий чин (публиковавшихся регулярно в сибирских газетах) известно, что именно прапорщик *Сергей* Ликаонский был командиром Томского партизанского отряда, что исключает и его брата и других офицеров военного времени с той же фамилией (а такой был лишь один) из кандидатов на роль командира отряда на Приленском фронте в 1918 г. Вероятность того, что в это время в районе Киренска находился еще какой-то Томский партизанский отряд, упоминаемый в газетах, мала.

Картина событий вокруг Киренска после падения там большевистской власти с учетом всего вышесказанного представляется следующим образом. Вскоре о мятеже в Киренске узнает отряд А. Рыздинского¹⁶, на тот момент представлявший собой единственную реальную силу красных в регионе, и направляется по реке Лене к городу на пароходах. Пытаясь задержать продвижение красных и не имея возможности отразить десант в открытом бою, мятежники идут на любые средства. Так, если верить прессе того времени, «в ночь на 25 июля два большевистских парохода напоролись в 20 верстах ниже Киренска на подводные заграждения белых и затонули»¹⁷.

Тем не менее киренские подпольщики, имея, видимо, крайне небольшие силы, «просят спешно помощи»¹⁸. К тому времени Иркутск уже заняли части Сибирской армии и местные подпольщики, и еще до выдвижения основных сил в Приленский край для овладения этим регионом на помощь Киренску был выдвинут отряд Ликаонского (вероятно, посылались и другие мелкие отряды). В мемуарах А. Рыздинского и других воспоминаниях участников событий со

стороны красных, а также в советских краеведческих работах часто упоминается «отряд Ростомашвили». Однако сличение по хронологии действий этого отряда с действиями отряда Ликаонского дает полное совпадение. Кроме того, телеграмма иркутскому губернскому комиссару из Ичеры о действиях Томского партизанского отряда, напечатанная в иркутской газете «Свободный край»¹⁹, подписана именем Ростомашвили. Все это с достаточной долей уверенности позволяет говорить о том, что это один и тот же отряд. Вероятно, Ростомашвили, командовавшей иркутской эсеровской дружиной после взятия Иркутска частями Сибирской армии, влился в отряд Ликаонского, отправленный на помощь к Киренску, возможно, заменяя Ликаонского в какие-то моменты. Красному отряду А. Рыдзинского, к тому же усиленному отрядом Т. Алымова²⁰ из Бодайбо, удалось занять деревни Алексеевское и Змеиново рядом с городом, разбив повстанцев.

Очевидно, отряд Ликаонского-Ростомашвили сначала действовал рядом с городом, а после блокирования последнего красными вошел в состав гарнизона, так как в одних источниках он упоминается около города, в других уже в городе. Однако, подойдя к Киренску, они так и не решились на штурм города, учитывая его выгодное оборонительное островное положение, а взяли его в осаду, вырыв вокруг окопы. Однако, не получив подкрепления для штурма из Бодайбо и не имея плавсредств для переправы через реку, а также испытывая недостаток вооружения, вели себя в целом пассивно, что выразилось в том, что боевые действия свелись в основном к мелким стычкам с перестрелками. А вскоре осада была снята подошедшим из Иркутска к 10 августа отрядом полковника Красильникова. Учитывая, что «Томский партизанский отряд выдержал бой и двенадцатидневную осаду в Киренске»,²¹ можно предположить, что отряд прибыл к городу примерно 29 июля 1918 г.

После снятия осады Киренска отряд Ликаонского, соединившись с отрядом Красильникова, «на захваченных пароходах продолжает безостановочно продвигаться вперед»²² и участвует в завершении кампании, взятии Бодайбо 15 августа 1918 г., на что прямо указывает заметка иркутской газеты: «И только за несколько дней до прихода в Бодайбо отрядов Ликаонского и Красильникова была объявлена национализация Ленского товарищества»²³.

Вероятно, Ликаонский с отрядом оставался до конца лета в Приленском крае для окончательного наведения порядка в регионе, на что косвенно указывает и дата старшинства звания Ликаонского – 28 августа – дата окончания кампании на севере Иркутской губернии, о чем уже упоминалось выше. Вовремя подошедший к Киренску отряд Ликаонского сумел задержать и остановить продвижение красных к городу. Он принял на себя основной удар у пригородных деревень, организовал оборону, являясь не только костяком сил восставших, но и организуя новые силы, поднял боевой дух подпольщиков. Все это позволило, в конечном счёте, продержаться до прихода основных сил из Ир-

кутска, а разгром здесь же отряда А. Рыдзинского фактически предопределил успех всей кампании белых по овладению Приленским краем.

Дальнейшая судьба Томского партизанского отряда неизвестна, вероятно, он был влит в одну из частей Сибирской армии в Иркутске или вернулся в состав Барнаульского полка. Сам С. Н. Ликаонский, получив звание подпоручика, был направлен на Пермское направление, поскольку известно, что осенью 1918 г. он командовал 2-й штурмовой ротой 2-й Сибирской стрелковой дивизии²⁴. Достаточно сложно пока сказать, как сложилась судьба Ликаонского после 1918 г. Наиболее вероятной представляется версия его гибели во время Гражданской войны. Потомки офицера сегодня проживают в Новосибирске, Челябинске, Хабаровске.

Автор сердечно благодарит Л. Фляйшер и В. Федорова за помощь в подготовке статьи.

¹ Новиков П. Боевые действия на Южном берегу Байкала // Земля иркутская. 2003. № 2–3; Его же. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2004.; Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010.

² Такое название отряда встречается в иркутской газете «Свободный край» в августе 1918 г.; вероятно, такое название отряд носил изначально.

³ Документ из личного архива семьи Утгоф-Фляйшер.

⁴ Симонов Д. Г. Указ. соч. С. 189.

⁵ Пепеляев Анатолий Николаевич (1891–1938), подполковник (1917). Окончил Сибирский кадетский корпус и Павловское военное училище (1910). Служил в 42-м Сибирском стрелковом полку. Награжден орденом Святого Георгия 4-й ст. (1917) и Георгиевским оружием (1916). В феврале – мае 1918 г. – один из руководителей подпольной антибольшевистской организации в Томске. Со 2 июня 1918 г. – начальник Томской дивизии. 12 июня 1918 г. назначен командиром 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса. Приказом по Сибирской армии от 2 июля 1918 г. произведен в полковники, приказом от 10 сентября 1918 г. – в генерал-майоры. По удостоверению Георгиевской Думы при штабе Восточного фронта награжден орденом Святого Георгия 3-й ст. Приказом адмирала А. В. Колчака от 31 января 1919 г. произведен в генерал-лейтенанты со старшинством с 24 декабря 1918 г. С апреля 1919 г. – командующий Южной группой Сибирской армии. 14 июля назначен командующим 1-й Сибирской армией. В 1922–1923 гг. командовал Сибирской добровольческой дружиной. Судом военного трибунала 5-й Красной Армии приговорен к смертной казни, замененной на 10 лет заключения. Отбывал наказание в Ярославле. После освобождения в августе 1936 г. работал помощником начальника конного депо Воронежторга в Воронеже. Арестован 21 августа 1937 г. по обвинению в «контрреволюционной кадетско-монархической деятельности», 7 декабря 1937 г. тройкой УНКВД по Новосибирской области приговорен к ВМН. Расстрелян 14 января 1938 г.

⁶ Красильников Иван Николаевич (1888–1920), есаул. Окончил Симбирский кадетский корпус (1907) и Александровское военное училище по 2-му разряду (1909). Служил в 1-м Сибирском казачьем Ермака Тимофеевича полку. Участник Первой мировой войны (Кавказский фронт). Командир 5-й сотни 1-го Сибирского Ермака Тимофеева казачьего

полка (1916 г.). С июня 1918 г. — командир отдельного партизанского отряда. За взятие Иркутска приказом по Сибирской армии от 13 июля 1918 г. произведен в войсковые старшины со старшинством с 11 июля 1918 г. Один из главных участников государственного переворота в Омске 18 ноября 1918 г. Приказом А. В. Колчака от 19 ноября 1918 г. произведен в полковники. В 1919 г. — начальник Канского военного района, командующий Отдельной егерской бригадой. За отличия в боях приказом адмирала А. В. Колчака от 17 августа 1919 г. произведен в генерал-майоры со старшинством с 17 июня 1919 г. Умер от сыпного тифа в Иркутске в январе 1920 г.

⁷ Первое восстание в Киренске в начале июня 1918 г. провалилось.

⁸ Бострем Евгений Эмильевич, окончил пехотное юнкерское училище (1896), капитан 108-го Саратовского пехотного полка, на 1918 г. — подполковник, глава подпольной офицерской организации в Киренске. После освобождения города возглавлял одну из тыловых частей.

⁹ Рубцов Илья, прапорщик, один из активных членов подпольной офицерской организации Киренска, после освобождения города назначен комендантом Киренского военного гарнизона. В 1919 г. арестован большевиками, дальнейшая судьба неизвестна.

¹⁰ Новиков П. Боевые действия на Южном берегу Байкала // Земля иркутская. 2003. № 2–3.

¹¹ Там же.

¹² Свободный край (Иркутск). 1918. 13 августа. С. 2.

¹³ Свободный край (Иркутск). 1918. 13 августа. С. 2; Сибирская жизнь (Томск), 1918. 15 августа. С. 1.

¹⁴ Наше дело (Иркутск) 1919. 30 января. С. 2.

¹⁵ Симонов Д. Г. Указ. соч. С. 466.

¹⁶ Рыдзинский Аполинарий Станиславович (1880–1960) родился в Варшаве в семье рабочего. В 1905 г. член военно-революционного комитета в Севастополе, участник революционного движения. В 1918 г. по постановлению Центросибири возглавил интернациональный отряд Красной Гвардии. В июне 1918 г. его отряд захватил Якутск, а затем действовал на Киренском фронте. Попал в плен в 1918 г. и до января 1920 г. был в Иркутской тюрьме. После войны занимал ряд постов в торговле.

¹⁷ Свободный край (Иркутск) 1918. 30 июля. С. 2.

¹⁸ Сибирь (Иркутск). 1918. С. 2.

¹⁹ Свободный край (Иркутск). 1918. 17 августа. С. 2.

²⁰ Алымов Т. М., учитель, командир отряда Красной Гвардии из Бодайбо, с отрядом участвовал в захвате Якутска, в боях на Киренском фронте. При отступлении попал в плен и был расстрелян в селе Половинка, под Киренском 19 августа 1918 г. В 1920 г. село переименовано в Алымовку.

²¹ Свободный край (Иркутск). 1918. 17 августа. С. 2.

²² Свободный край (Иркутск). 1918. 13 августа. С. 2.

²³ Наше дело (Иркутск). 1919. 30 января. С. 2.

²⁴ Симонов Д. Г. Указ. соч. С. 466.

**ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ
РУССКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(НА ОСНОВЕ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА)**

Интерес к теме, позволяющей в несколько ином ключе взглянуть на события Первой мировой войны, были обусловлены следующими моментами: недостаточность разработки и отсутствие специальных комплексных исследований о влиянии Первой мировой войны на массовое сознание и поведение её участников.

Таким образом, основным моментом предстоящего исследования является поиск новых подходов, методов и приемов. Принимая во внимание мнение ряда современников о причинах складывания революционной ситуации 1917 г. и последующем развале русской армии, мы можем предположить, что эти события были во многом предопределены не только внутренним состоянием солдат и офицеров, но и сменой их внешнего облика.

Основной целью статьи выступает стремление показать при помощи применения новых, более современных методик смену облика различных представителей русской армии. Для анализа фотографического материала и решения поставленной исследовательской задачи нами использовался метод контент-анализа, который позволяет выявить существенные черты визуальных образов по заранее заданным параметрам. Основная цель использования контент-анализа в рамках настоящего исследования заключается в том, чтобы определить существенные изменения в образах представителей русской императорской армии на протяжении Первой мировой войны за период 1914–1917 гг. и таким образом выявить психологические основания складывания революционной ситуации в России и последующего развала армии.

Научным предположением в данном случае стала мысль о том, что постепенное «выгорание» армии в моральном и психологическом аспекте, а также ее физическая усталость и истощение привели к тому, что к 1917 г. внешний облик, как солдата, так и офицера, изменился в сторону проявления девиантного, а иногда преступного поведения.

Объектом являются фотографии военнослужащих русской императорской армии периода 1914–1917 гг., предметом – соответственно изображенные на снимках образы. Для анализа использовались фотодокументы солдат и офицеров 43-го Сибирского стрелкового полка, обнаруженные в фондах Омского историко-краеведческого музея¹. Категория анализа: фотографический снимок; единица анализа: фотографический образ; единица счета: отдельные элементы образа, представленные на снимке.

Понятие образа достаточно многогранно. Нами это понятие используется с точки зрения психологии, следовательно, нами образ понимается как непосредственное или опосредованное отражение реальности в форме целостной невербальной структуры.

В соответствии с протоколом кодирования каждой фотографии были присвоены установленные категории и получены следующие результаты: гендерное отношение – на большинстве снимков изображены мужчины (только на 4 фотографиях присутствуют образы женщин); по социальному статусу в отношении «солдат – офицер» снимки делятся поровну; в возрастном отношении присутствует преобладание лиц призывного возраста (21–43 лет). Однако по большинству снимков судить достоверно о возрасте нельзя.

При анализе фотографического материала образов как солдат, так и офицеров необходимо учитывать авторство и цели снимков. Поскольку фотография в тот период была достоянием образованных слоев российского общества, то авторы всех снимков являлись офицерами того соединения, где они проходили службу (для фотографий, отражающих повседневный быт), а также профессиональными фотографами (для студийных фотографий). Целью снимков являлось запечатление в памяти и трансляция образов войны, образа человека и своих сослуживцев. Об этом свидетельствуют не только образы на фотографиях, но также и подписи к ним, в большинстве своем характер подписей заключал в себе следующую информацию: место, год съемки, информацию об изображенных людях, то есть фамилию, имя, воинское звание. Существенной деталью в снимках 43-го Сибирского стрелкового полка является преобладание, если можно так выразиться, фронтового изображения, то есть данные снимки ни в коем случае нельзя считать постановочными и подвергнутыми какой-либо специальной обработке (ретушированию, подкрашиванию и т. д.).

Большое значение в восприятии фотографии имеет фон, окружающий образ. Он является носителем знаков – указателей на социальное, экономическое, культурное, психологическое положение центральных образов, запечатленных на фотографиях. В результате произведенных подсчетов было выявлено, что в большинстве случаев, фоном выступает какое-либо строение (дом, блиндаж, землянка и т. д.) кроме этого фоном являлись и различные транспортные средства (повозка, вагон, поезд и т. д.), оружие; для студийных фотографий применялся типичный фон фотоателье, причем существенным элементом складывания образа являлось присутствие какой-либо мебели. Исходя из вышесказанного окружающий фон носил в себе определенные психологические и смысловые установки для трансляции символов и образов войны.

Также было исследовано количество образов, запечатленных на фотографиях, так как их количество может усиливать или ослаблять их восприятие. В результате подсчета было выявлено, что большинство снимков являются

групповыми. Портретные снимки относятся к группе студийных фотографий, что характерно для передачи образа офицера, отправляющегося в действующую армию. В целом, если сочетаются несколько образов, то в большинстве случаев это группы солдат и офицеров одной воинской части, что говорит не об отождествлении офицеров и солдат, а, наоборот, о тесном единстве и фронтовом братстве.

При анализе фотографий, на которых запечатлены несколько образов, было выявлено, что во всех случаях между ними наблюдается близкая зона дистанции, что говорит об их взаимосвязи и единстве при восприятии адресатом.

На восприятие фотографий также оказывает влияние близость расположения образа на снимке к его получателю. Были определены следующие зоны дистанции расположения образа на фотографии: интимная – крупным планом голова и лицо (характерна для портретных снимков, 20% от всей выборки); личная – голова и плечи (40% от всей выборки); социальная – человек в полный рост (40%). Особенностью фронтовой фотографии является стремление автора запечатлеть не только людей или человека, но и окружающую его действительность. Преобладание личной и социальной зон близости персонажа к зрителям создает ощущение единства, доверия и близости.

В ходе анализа учитывались и позы образов. Открытая поза человека воспринимается как символ доверия, согласия, доброжелательности, психологического комфорта, а в закрытой позе читается несогласие, противодействие, недоверие и критика. Анализ на предмет открытости образа показал, что степень открытости напрямую зависела от времени пребывания военнослужащих на фронте, а также от происходивших на нём событий.

Восприятие образа на фотографии также формирует выражение его лица. Для распознавания определенной эмоции на лице с фотографического снимка нами использовалась таблица мимических кодов эмоциональных состояний В.А. Лабунской².

В результате подсчета было выявлено, что на фронтовых снимках военнослужащих 43-го Сибирского стрелкового полка изображены люди, выражающие презрение, страдание, гнев (частота появления 33 раза). Основными показателями в данном случае выступили плотно сжатые губы, сдвинутые к переносице брови, потускневшие глаза. Достаточно часто яркая эмоция на лице образа отсутствует.

Проявление негативных эмоциональных состояний в русской армии особенно сильно проявилось в результате великого отступления 1915 г. Эмоциональное состояние стало проявляться в обострении девиантного поведения солдат и офицеров. Братание, дезертирство и добровольная сдача в плен, явившиеся результатом идеологических промахов государства и разрушения его идеологии, привели не столько к массовому оттоку солдат, сколько к их психологическому, а иногда и физическому самоустранению от участия в бессмысленной войне.

Вместе с этим, начиная с 1915 г., в русскую армию хлынул поток некомпетентных и ненадежных кадров – солдат, но прежде всего – офицеров.

Таким образом, выявленные структурные элементы образов солдат и офицеров русской армии говорят о том, что к 1917 г. существенно меняются те ценностные установки, которые закладывались на протяжении всего довоенного периода, меняется сам облик представителей вооруженных сил, что было вызвано целым рядом объективных причин (убылью личного состава, истощением кадрового потенциала армии, призывом в армию ополченцев и новобранцев более поздних сроков призыва), что сказалось на моральном и психологическом состоянии армии в целом. Общим становится и отношение к войне, которое запечатлено на изображениях персонажей снимков, постепенно эйфория 1914 г. приводит к апатии 1917 г., что объясняется общей усталостью от войны.

¹ Омский государственный историко-краеведческий музей. Ф. 73. Оп. 9.

² Измайлова М. А. Невербальные средства общения: кинесика // Элитариум. 2011. № 7.

И. В. КОЛОМБЕТ (Исилькуль),
Архивный сектор Администрации
Исилькульского муниципального района

КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ИСИЛЬКУЛЬСКОМ РАЙОНЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (1917–1922)

Время все дальше и дальше отдаляет нас от событий Гражданской войны, уже не осталось в живых ни участников войны, ни очевидцев. Но по-прежнему сохраняется интерес к событиям того времени. Во многом это обусловлено однобоким ее освещением на протяжении долгого времени. Если обращаться к истории Исилькульского района Омской области в те годы, то основная часть источников, воспоминаний, исторических работ, сохранившихся до нашего времени, освещают этот вопрос с большевистских позиций. История Исилькульского района времен Гражданской войны представлена в основном описаниями борьбы с колчаковщиной, продразверстки; совершенно вне поля зрения остались описания повседневной, культурной и духовной жизни общества. И если политические изменения в жизни города хоть как-то отразились в работах исследователей, то история образования и культуры в комплексе всех ее составляющих очень скудна. В данной работе постараемся, насколько это возможно, представить культурную и духовную жизнь исилькульцев в годы Гражданской войны.

Система образования в Исылкульском районе начала складываться задолго до революции 1917 г. Первые школы стали появляться в конце XIX века, переселенцы Исылкуля и других поселков были настойчивы в открытии школ для своих детей, так, в Украинской волости в 1913 г. из семи поселков, основанных в 1895–1896 гг., школы работали в шести¹. К 1917 г. на территории города и района насчитывалось до 20 школ, с числом учащихся до 800–900 человек². Школы в селах нередко становились центром общественной жизни, в них проводились сходы селян, а позже – собрания колхозников, праздничные мероприятия, здесь «крутили кино», летом возле школы проводили танцы, она была избирательным участком и местом, где вершилось «правосудие» в годы Гражданской войны. «При отступлении колчаковцев к Омску они остановились в Павловке, по доносу арестовали шестерых активистов, в школе был скорый суд, а затем их расстреляли у здания железнодорожной казармы...» – пишет в своей книге Н. В. Скляр³.

Дореволюционная деревня не имела клубов. Их роль выполняли церкви, где прихожане встречались на службах, обменивались новостями. При Исылкульской и Украинской церквях, при молитвенных домах Аполлоновки, Маргенау существовали хоры⁴.

Свержение самодержавия, смена государственной власти в России изменили социально-правовое положение населения: в первых числах марта 1917 г. только что созданное Временное правительство декларировало свободу слова, печати, союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнотружущих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями: отмену всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений. Новое правительство стремилось внести изменения во все сферы жизни общества. Одним из направлений политики новой власти стала работа по ликвидации неграмотности среди населения. Накануне октября 1917 г. примерно 3/4 всего взрослого населения России не умели ни читать, ни писать. Особенно много неграмотных было в сельской местности⁵.

В октябре 1918 г. с утверждением ВЦИКом «Положения о единой трудовой школе РСФСР» началась реорганизация системы народного образования. Ликвидировались реальные училища, церковноприходские и земские школы. На их месте создавались так называемые трудовые школы 1-й и 2-й ступеней, «Положение» узаконивало бесплатное, совместное обучение всех детей школьного возраста⁶. Однако распространение этого законодательного акта в Сибири из-за событий Гражданской войны произошло гораздо позднее.

Н. Р. Иванов в воспоминаниях о событиях в Исылкуле 1917–1920 гг. пишет: «А школа? Ну конечно, была! Одна школа начальная, она ютилась в частном, непригодном помещении, которое арендовали родители, и учились только те, родители которых имели возможность внести 50 рублей за сезон, а 50 рублей – это 2 хороших лошади, или 3 коровы, или годовой бюджет про-

живания семьи в 4 человека. Таким образом, учились только человек 45–60, срок обучения ограничивался тремя классами. Земство имело высшее начальное училище со сроком обучения 4 класса, но в него было попасть намного труднее, чем в начальную школу»⁷.

Н.Р. Иванов отмечает, что в стенах высшего начального училища в начале Гражданской войны, как и у взрослых, шла «война классового содержания». Дети зажиточной части смотрели свысока на бедняков. В игры и другие дела училища они не допускали детей неимущих. Давали им презрительные клички, насмехались, а зачастую терроризировали. «Исилькуль в январе 1917 г. до жути казался тихим. В училище учителя стали ласковые, классный дядька не тыкал палцем в живот за слабость натяжки ремня. А гроза училища отец Иван выбросил из обихода единицы и двойки, казалось, ведет урок он через силу. Попечитель Филатов с начала года в училище не показывался. В конце февраля 1917 г., придя в училище, мы не нашли учителей. А сторож объявил, что занятий не будет, о начале занятий объявят. В начале 1918 г. в высшем начальном училище, переименованном в реальное, изменений не произошло. Бойскауты снова развили свою деятельность под лозунгом защиты республики, ввели строевые занятия с включением в программу училища. Зубрежка закона божия изменений не имела, несмотря на то, что были провозглашены свобода вероисповедания, совести, печати и слова. Единственным элементом, вошедшим в данный предмет, было то, что отец Иван являлся на урок пьяный и зачастую спал на уроке... Пользуясь этим, мы, группа учеников, отказались от этого урока», – вспоминает Николай Иванов⁸.

В феврале же 1920 г. циркуляр Омского губнаробраза «О внедрении в жизнь декрета об отделении школы от церкви» официально запретил лицам, принадлежащим к духовенству всех родов, всех вероисповеданий, занимать какие-то ни было должности в школах⁹.

На исходе 1917 г. в Исилькуле действовала первая подпольная революционная организация. Из небольшой группы рабочих и крестьян, партизан-красногвардейцев, находящихся в авангарде борьбы за власть Советов, образовался первый в Исилькуле орган советской власти – Совет депутатов. С самого основания Совдепа А. М. Ломов, в качестве комиссара финансов, решил прежде всего открыть в поселке Березовка первую советскую школу. В личном архиве сохранилось письмо родных сестер комиссара Ломова, работавших в Исилькуле учителями начальных классов с первых лет советской власти, пишет исилькульский краевед И. Петрицев. В письме они сообщали: «Мы помним, как наш Андрей вел борьбу с кулацкой прослойкой, наряду с другими членами Совдепа он участвовал в реквизиции хлеба, промтоваров в пользу бедняков. Андрей старался, чтобы дети бедняков учились, помогал им в приобретении обуви, одежды. Добираться до школы приходилось долго, так как находилась она в селе Городище, тогда-то он твердо сказал – будет школа в Березовке».

Так с помощью сестер Анны Михайловны и Клавдии Михайловны и учителя С.И. Сократова была открыта начальная школа в доме купцов Мусориных, бежавших с колчаковцами на восток. Позднее в этом здании был открыт ликбез¹⁰.

Декрет Совета Народных Комиссаров «О ликвидации безграмотности» предписывал органам народного комиссариата для просвещения использовать народные дома, церкви, клубы, частные дома и т. п.¹¹

19 декабря 1919 г. Омский губревком вынес постановление о ликвидации неграмотности в губернии. «Массовая безграмотность является общественным бедствием, подрезая крылья творчеству новой жизни», – говорилось в постановлении ревкома. К борьбе с неграмотностью привлекались учителя, которые освобождались от мобилизации, школьники старших классов, работники учреждений культпросвета¹². Несмотря на активную политику просвещения, все же учебой была охвачена лишь незначительная часть детей в районе. Так, по переписи 1920 г., в Украинской волости из 6673 мужчин грамотными были 2410, из 6953 женщин – 864. Среди лиц в возрасте 10–19 лет грамотными были 1366 человек из 3291. По Лосевской волости и того меньше¹³. 26 декабря 1919 г. Совнаркомом принят декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», декрет обязывал всех граждан в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющих писать и читать, обучаться грамоте на родном или русском языке¹⁴. После принятия декрета в Исылкулье стали приниматься экстренные меры для его реализации. В клубе имени Маркса были образованы две группы ликбеза под руководством учителей-энтузиастов Ивана Ивановича и Марии Ивановны Харитоновых. Две группы занимались в железнодорожной школе. Действовавший при Исылкульском ревкоме отдел народного образования осуществлял восстановление школ в восьми волостях. Однако имело место отсутствие средств и нехватка учительских кадров, особенные трудности возникли с прекращением централизованного финансирования, ведь многие сельсоветы не имели средств на оплату труда учителей и обеспечение школ топливом.

Наиболее ясно описывает состояние школ района доклад заведующего районобразом П. И. Синтюрина, в котором говорилось, что от прежнего общества унаследована крайне скудная и нищая школьная сеть. Половина помещений арендована, большинство не отремонтированы по многу лет, учебники и учебные пособия отсутствуют. Нет топлива и керосина. «Вместо классных досок мы пишем на стенах, мел заменяем древесным углем, а тетради дощечками. С наступлением холодов более половины детей прекратили занятия из-за отсутствия обуви и одежды», – рассказывал П.И. Синтюрин на съезде учителей, состоявшемся 11 января 1921 г. Омская газета «Рабочий путь» 12 августа 1922 г. писала: «По всему Исылкульскому району замечается стремление работников просвещения уйти в те учреждения, где материальное положение обеспечивается хоть немного лучше, чем положение учительского персонала. Быть или не быть просвещению? Вот какой вопрос ставится перед исылкульцами. И они

пытаются как-то решить его. Горисполком пытается это сделать. Он уже сдал подряд на ремонт школьного здания, а теперь через профбюро поднимает вопрос об устройстве «двухнедельника школы». В этом двухнедельнике должны большое участие принять и хозорганы»¹⁵.

О дальнейшем развитии народного образования в нашем городе вспоминает И. М. Лозовских: «До 1922 года в Исилькуле были только начальные школы. В 1922 году я учился в третьей группе второй смены Исилькульской железнодорожной начальной школы, которая находилась у водоразборной будки, рядом с вокзалом. Учил нас И. Ф. Барышников. В то же время начала строиться двухэтажная школа, ноябрьские праздники 1923 г. мы встречали в новом здании железнодорожной школы, получившей название фабрично-заводской семилетки. Первым ее заведующим стала филолог и общественник Вера Афанасьевна Здравосмыслова. Под ее руководством трудились учителя-предметники биолог Л. А. Грачев, математики И. А. Бубнов и М. Н. Кузнецов, историк И. С. Зотьев, трудовики М. Ф. Бухановский и С. Г. Волков»¹⁶.

Спецификой становления культуры в Сибири в целом, и в нашем районе в частности, стала разорванность этого процесса, имеется в виду временная победа контрреволюции, как пример можно привести отрывок из воспоминаний Н. Р. Иванова: «В Исиль-Куль 12 июля 1918 г. приехали высокие чины офицерства. Чешским командованием был устроен бал. Не имея большого помещения, чехи использовали один из складов товарной станции... накануне туда пригнали рабочих, мужчин и женщин, которые с раннего утра до позднего вечера делали уборку, украшали хвоей, травой. Устроили помост (сцену) и скамьи... мы, дети, проскользнув мимо часовых, пристроились кто где у щелей и у маленьких окон с решетками, глазели на невиданное зрелище. Кончились речи, объявили о начале концерта духового оркестра чехов, в котором было больше ста человек. Исполнялись русские, украинские и чешские песни, вальсы и т. д. В последующие вечера чехи устраивали танцы»¹⁷.

Становление же советских культурно-просветительских учреждений района – клубов, библиотек, изб-читален приходится на 1920-е гг. Из резолюции по докладу секретаря Сиббюро ЦК РКП(б) И. И. Ходорковского на совещании секретарей губкомов о задачах политико-просветительской работы в деревне: «Для роли очага политико-просветительской работы в деревне более всего подходит изба-читальня, совмещающая в себе элементы библиотечной и клубной работы... В силу этого она должна не только организовать выдачу книг и громкое чтение, но и всеми силами стремиться к обрастанию целым рядом кружков»¹⁸. Эти учреждения, как и школы, находились в ведении района, в его штате содержался районный избач. В избах-читальнях, клубах, библиотеках люди получали информацию о событиях в стране и районе, видели выступление самодеятельных артистов. В 1919 г. по приказу ревкома в Исилькуле магазин купца Ефимова был переоборудован под народный дом-клуб, получивший

название имени Маркса. Руководителем клуба стал Петр Субач. Из активистов самодеятельности была создана агитбригада, называвшаяся «показательной группой Всерабиса». Помимо выступлений в Исылкуле эта группа выезжала с концертами и на село. Все массовые мероприятия, проводимые ревкомом, проходили в клубе, ставились классические пьесы и инсценировки, написанные местными авторами. Костюмов для игры, грима актеры не имели, но всё же «живые» журналы – инсценировки на социально-политические и бытовые темы – привлекали молодежь и взрослых¹⁹.

«Мы, молодые, видели по-своему, что происходило на наших глазах, в чем мы участвовали сами. Центр молодежной жизни райкома комсомола с каждым днем обрстал активом... Спектакли, концерты тогда были не только средством воспитания, а просто неотъемлемой частью жизни людей. Они проходили всегда в переполненных избах-читальнях и клубах. Чувствуя, как это необходимо, мы, культармейцы, не считались ни с чем. Наметим концерт в Ночках и пешком туда», – вспоминала К. Ф. Колесникова²⁰.

Общей в развитии культуры и образования стала проблема финансирования, несмотря на то, что снабжающим органам предписывалось удовлетворять запросы учреждений, имеющих целью ликвидацию неграмотности, преимущественно перед другими учреждениями. Органы народного образования и культуры искали источники обеспечения. Например, в школах практиковалось использование учебных мастерских, засев полей и огородов для нужд школы²¹. В области культуры предписывалось часть содержания культпросветучреждений переложить на население путем организации сборов и регулярного самообложения деньгами и натурой на приобретение книг, газет, журналов и пр. Пропагандировалась идея шефства, по которой каждое шефствующее учреждение или организация содержала бы избу-читальню. В докладе на совещании секретарей губкомов о задачах политико-просветительной работы в деревне секретарь Сиббюро ЦК РКП (б) И. И. Ходорковский говорил: «В значительном количестве селений до сих пор сохранились еще местные драматические кружки... финансово-хозяйственная сторона работы таких кружков в новых условиях волей-неволей должна будет строиться на принципе платности»²².

Подводя итог, можно сказать, что в 1919–1922 гг. в районе резко увеличилась сеть культурных учреждений всех типов. Восстанавливались и строились новые школьные здания, началась перестройка школьной жизни. Росло число читален, клубов, драмкружков.

¹⁹ Исылкульский муниципальный архив (далее – ИМА). Ф. 33. Оп. 1. Д. 8. Л. 36.

²⁰ ИМА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 90. Л. 190.

²¹ Скляр Н. В. Кабы не было зимы. Исылкуль, 2012. С. 40.

²² Колесников А. Д., Машкарин М. И., Полканов В. Д., Огородникова Л. И., Хроменко-ва Н. И. Исылкуль на Транссибирской магистрали. Омск, 1995. С. 88.

⁵ <http://znanie.podelise.ru>.

⁶ Там же.

⁷ ИМА. Воспоминания Н. Иванова, 1971. С. 7.

⁸ Там же. С. 26–27.

⁹ Культурное строительство в Сибири 1919–1941. Новосибирск, 1979. С. 96.

¹⁰ ИМА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 146. Л. 10–11.

¹¹ Культурное строительство в Сибири... С. 58.

¹² Юрасова М. К. Омск: Очерки истории города. Омск, 1964. С. 188.

¹³ Колесников А. Д. и др. Указ. соч. С. 86.

¹⁴ Александрова Е. В., Галин С. А. Уничтожение и разграбление культурного достояния России после октября 1917 г. // www.cultoboz.ru.

¹⁵ Колесников А. Д. и др. Указ. соч. С. 86–87.

¹⁶ ИМА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 146. Л. 11–12.

¹⁷ ИМА. Воспоминания Н. Иванова, 1971. С. 49.

¹⁸ Культурное строительство в Сибири... С. 69.

¹⁹ Колесников А. Д. и др. Указ. соч. С. 89.

²⁰ ИМА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 55. Л. 5.

²¹ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 4. Л., 1968. С. 256.

²² Культурное строительство в Сибири... С. 71.

М. В. КРотова (Санкт-Петербург),

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

**«НИКТО НЕ МОГ ОТВРАТИТЬ НЕМИНУЕМУЮ ГИБЕЛЬ,
НА КОТОРУЮ БЫЛО ОБРЕЧЕНО БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ»:
ЭМИГРАНТЫ В МАНЬЧЖУРИИ О ПРИЧИНАХ ПОРАЖЕНИЯ
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ**

В 1920-х гг. после отступления белых армий в Маньчжурии образовалась значительная эмигрантская колония, среди которой было немало людей, которые пытались осмыслить события Гражданской войны, ответить на вечные вопросы: «что делать?» и «кто виноват?». Как и Гражданская война, которая разделила общество, анализ событий прошедшей войны также расколол эмиграцию.

Н. В. Устрялов, профессор права, работавший в Русском бюро печати «омского» правительства, был одним из первых, кто поставил под сомнение «белую идею». В своих дневниках он еще в 1919 г. пытался разрешить вопросы, которые до сих пор волнуют историков: за кем была правда? В чем были причины победы большевиков? Восхищаясь А. В. Колчаком – «величайшим человеком современности» – и противопоставляя его Ленину, Устрялов вместе с тем сомневался в успехе его дела: «Слишком честен, слишком тонок, слишком “хрупок”»

адмирал Колчак для “героя” истории»¹. Поражение Колчака стало переломным моментом в сознании Устрялова. Разочаровавшись в белой идее, он признавался себе (запись в дневнике от 19 декабря 1919 г.): «Нет веры в дело. <...> Ошибались, приняли судороги умирания за трепет рождения, а трепет рождения за конвульсии болезни. Вот и расплата. И глупое чувство стыда, ложного самолюбия мешает сознаться в ошибке»². И далее запись в дневнике от 3 января 1920 г.: «Большевизм побеждает, победит – я, по крайней мере, в этом почти не сомневаюсь. Он объединит Россию – честь ему и слава! Боже, как глубоко все ошибались, ничего не поняли!»³. Н. В. Устрялов, уже в эмиграции в Харбине, выступив с идеей признания власти большевиков, отвечавшей, по его мнению, историческому моменту, считал, что белое движение проиграло потому, что не предложило никакой программы для истерзанной страны. В переписке с княгиней Л. В. Голицыной в 1921 г. он утверждал: «Москва сильна не армией, а идеей. Эта идея – ложная, но она все-таки идея»⁴.

Анализируя причины поражения в Гражданской войне, разные люди сходились в том, что «белые» пользовались слабой поддержкой народа, лозунги их были расплывчаты. Большинство крестьян, рабочих и солдат враждебно относились к белой армии, так как опасались, что «белые» лишат крестьян недавно обретенной земли, вернут капиталистов, а главное, позволят иностранцам управлять Россией. Так, генерал В. Д. Космин видел причину враждебного отношения населения к «белым» в «незавидном прошлом», когда «белая власть зарекомендовала себя в глазах населения с самой отрицательной стороны». В письме П. А. Кусонскому из Харбина в Париж 8 мая 1925 г. он замечал: «Нужды населения во внимание принимались чрезвычайно редко. <...> Борьба носила характер завоевания собственной территории, собственного народа, что и предредило ее исход»⁵. Он считал, что нужно было сначала «убедить население, что мы боремся во имя идей национального возрождения Родины, а не для возвращения себе власти и прошлого положения “господ”» путем пропаганды, личных взаимоотношений, моральной поддержки: «Сильная власть, уверенная в себе, не должна мстить, ибо насилие вызовет вновь насилие, а мы уже достаточно купались в крови. Жестокостью теперь никого запугать нельзя, добрым же отношением можно достичь много. <...> Этим только путём мы сможем привлечь в свои ряды как многочисленное офицерство, находящееся в Красной Армии, так и всю массу красноармейцев, из которых, в сущности, и должна состоять наша армия, так как своих людей у нас мало»⁶.

В окружении генерала Д. Л. Хорвата бывшие офицеры в 1920-х гг. анализировали ошибки «белых» в Гражданской войне, чтобы учесть их при возможном военном вторжении на советский Дальний Восток. Существовал проект организации власти на Дальнем Востоке с заместителем во главе, в котором анонимный автор, говоря о создании русских вооруженных сил на «освобожденном» Дальнем Востоке, вместо мобилизации предлагал вербовку не только русских,

но и иностранцев – «сербов, итальянцев, китайцев, монгол, японцев, корейцев и др.»⁷. При сохранении войск, подчеркивал автор проекта, главное внимание необходимо было обратить на установление строжайшей дисциплины и надлежющего обучения: «Не следует забывать, что противник по сравнению с нами не так уж плох, как это рисуют себе некоторые: в самом деле, большая часть его солдат искренне верит в законность и понимает выгоду большевизма, а остальные получают хорошее содержание и могут грабить сколько угодно, следовательно, сильно ошибается тот, кто считает, что наш противник не одушевлен и не понимает, за что он дерется. Одушевление большевистских масс чрезвычайно велико, они хорошо понимают, что их поражение грозит им *обращением в первобытное состояние из положения господствующих, в котором они сейчас находятся* (курсив – М. К.). Следует ожидать упорного сопротивления. Среди большевистских войск имеются фанатики и агитаторы, которые сумеют в нужные минуты из их банд сделать храбрых упорных врагов.<...> Отсюда только один вывод: необходимо подавляющей численности противопоставить качество не в смысле одушевления и прочих хороших чувств, а в смысле дисциплины, организации и обучения, доведенного до степени дрессировки, а также снабжения новейшими техническими средствами»⁸.

И. С. Ильин, полковник, воевавший на Восточном фронте, в своем дневнике, хранящемся в ГАРФ, постоянно возвращался к теме Гражданской войны. Еще в июле 1918 г. он записал: «Все мы русские, все мы виновны и все мы носим дурные черты в себе русского характера»⁹. Он же заметил 10 апреля 1919 г. о белом движении: «Впечатление, будто собрались игроки, но ни у кого нет денег, и все играют на мелок, а так как на мелок играть легко, то и дуются вовсю, делают вид, что “по-настоящему”, записи растут, а результатов-то никаких. Такой Омск, еще более такой Семипалатинск, и вообще видим такое всё Белое движение. <...> Белые ли, красные ли, черные ли – все русские люди одной закваски и одного духовного и морального склада»¹⁰.

Оказавшись в эмиграции в Харбине, он продолжал размышлять о причинах гибели «белого дела». 28 февраля 1921 г. Ильин записал в дневнике: «В Россию мы – мое поколение – не попадем, я в этом глубоко убежден, и придется нам найти упокоение тут, на этой самой маньчжурской земле. Все разговоры о восстаниях, переворотах и пр. – сущий вздор. Вне всякого сомнения, что власть опирается на какие-то основы, находит оправдание в своем существовании, отвечает каким-то сторонам народной психики. Большевизм русское дело, и его гениально, как пророк, видел и предсказал Достоевский»¹¹. И дальше запись от 14 мая 1922 г.: «Белого движения фактически нет. Что же есть и с кем идти? Сидеть вечным эмигрантом и вечно отрицать то, что происходит, – умно ли и правильно ли? ... Может быть, не следовало никому бежать и белое движение напрасно? Может быть, совсем другое бы случилось, если бы все остались на своих местах?»¹²

В рассуждениях Ильина центральное место занимали отличительные черты русской ментальности, приведшие к катастрофе 1917 г. и Гражданской войне. Он много размышлял о «потере чести и совести и с той, и с другой стороны», отсутствии сплоченности среди русских, «разрозненности, подлости»: «Вот тут-то и сказывается беда революции: на смену прогневшим, выродившимся дрянным людям приходит такая мразь, такие преступники, что вся прежняя дрянь начинает казаться чуть ли не героями»¹³.

Ильин заметил, что в большинстве своем в военной среде Харбина был распространен определенный взгляд на причины поражения «белого» движения: «Нас “предали” и англичане, и французы, и подло поступил Вильсон и т. д. Не будь союзников, не было бы большевиков и т. п.». Эту логику он считал порочной (запись в дневнике 15 марта 1930 г.): «У русских есть черта – все виноваты, кроме них самих. Черта дурная и вредная»¹⁴.

Вс. Н. Иванов в книге «Огни в тумане. Думы о русском опыте», изданной в 1932 г. в Харбине, анализируя причины революции и поражения белой армии, также склонен был искать причины в русском менталитете. В очерке «Дева Победа и Дева Обида», написанном в августе 1928 г., он замечал: «При всей удачливости, смелости и предприимчивости отдельных русских людей их усилия бесплодны из-за внутренних раздоров. Предательство и крамолы проникают русское общество сверху и донизу. <...> И если над рыцарством Европы летит на пышных крыльях Дева Победа, на долю русских достается лишь плачущая Дева Обида, жалующаяся на самих же русских людей. И разве в наше время мы не слышим этих обидных рыданий над Русской землей и все по тому же поводу?»¹⁵

В статье «Адмирал Колчак» (1928) Иванов писал о последствиях революции, расколе общества, о «неугасимом пламени злобы, факелом вспыхнувшем в душе русского народа»: «Русский русскому стал врагом; русский русскому стал волком, – а если одна стая волков истребит другую стаю, то ведь останутся не ангелы – откуда ангелам взяться? – а останутся те же волки. <...> Для преодоления революции нужна была совесть, а совести-то и не было. Ни в красном, ни в белом стане»¹⁶.

Эмигранты продолжали размышлять о причинах поражения в Гражданской войне и после выезда из Китая в 1950-х гг. в СССР, страны Европы и США. Подполковник Н. А. Мартынов, «каппелевец» и активный антибольшевик, переехав из Китая в Бельгию, записал в своём дневнике в 1953 г. замечание о белом движении: «Если закваска плохая, то и все тесто пропадет». И далее: «Белые, боровшиеся против коммунистов, тоже были сильно заражены отсутствием правды и искренности»¹⁷.

Профессор М. П. Головачев, один из лидеров сибирского областнического движения, в своей работе «Сибирское движение и коммунизм», написанной в США в 1952 г., считал, что одной из главных причин поражения в Граждан-

ской войне был «белый» человеческий материал. Среди других отрицательных черт он называл амбиции лидеров белого движения, вражда между ними и различными политическими группировками, претендовавшими на власть, отсутствие субординации, ответственности людей за свои действия, наличие в рядах белого движения людей авантюристического склада, людей без принципов, легко переходивших в противоположный лагерь. В числе других факторов поражения он называл корыстные интересы сибирской, в частности омской, буржуазии, которую составляли, по его мнению, дельцы, «люди без традиций, нувориши», составившие себе крупное состояние во время Первой мировой войны, неразборчивые в средствах и рассчитывавшие пожить на казенных поставках, подрядах и пр. омского правительства¹⁸.

Эмигрант В. А. Морозов в своих воспоминаниях, написанных после репатриации в СССР уже в 1960-е годы, много размышлял о белом движении и причинах его поражения: «Для того чтобы бороться с большевизмом, нужна была большая идея и вождь, могущий повести за собой на борьбу за эту идею. Ни того, ни другого не было. Были политически не воспитанные, растерявшиеся люди, влекущие антибольшевистскую повозку каждый в свою сторону, были атаманы и прожектеры, политиканствующие генералы и полковники, нелепые эсеры, все еще продолжавшие славить “солнышко революции”, “светлую зарю новой жизни”, были суды и пересуды, планы и прожекты – и никакого дела, никакого реального плана, никакой ведущей идеи. Был, правда, честный человек – адмирал Колчак, но и у него не хватало знаний и умения справиться с тягчайшей исторической задачей, павшей на его плечи. Да и окружение у него было бездарное, бестолковое, беспутное. Откровенно говоря, все мы, и большие, и маленькие, в то время потеряли голову и безропотно плыли туда, куда влек нас бурный и мутный поток событий. [Никто] не мог отвести неминуемую гибель, на которую было обречено белое движение»¹⁹.

Вопрос о причинах поражения белого движения в Гражданской войне до сих пор волнует историков, пытающихся разобраться в глубинных факторах разложения и гибели белого движения. Поэтому мнение людей, находившихся «по ту сторону баррикад», является сегодня ценным источником для предотвращения мифологизации Гражданской войны. Примечательно, что оценка эмигрантами причин поражения в войне по отдельным позициям – отсутствие программы и идеи, поддержки народа, особые черты русского характера, непонимание лидерами белого движения сути русской истории и потребностей страны – совпадает с мнением большинства историков. Привлечение и анализ новых источников по истории Гражданской войны позволит сделать картину второй русской смуты более объемной, расширит представления о восприятии ее разными слоями общества.

¹ Устрялов Н. В. Белый Омск (дневник колчаковца) // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 305.

² Там же. С. 318.

³ Там же. С. 324.

⁴ «Не остановиться ли?» Из переписки Н. В. Устрялова с кн. Л. В. Голицыной // Грани. 1999. № 192. С. 218.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 136. Л. 111.

⁶ Там же. Л. 114.

⁷ Государственный музей-заповедник (ГМЗ) «Петергоф». Фонд архива музея семьи Бенау. ПДМБ 5075-ар. Проект организации власти на Дальнем Востоке. (Харбин, б/д, б/п). Л. 6.

⁸ Там же. Л. 7.

⁹ Ильин И. С. Белая Одиссея. Из дневников // Октябрь. 2014. № 3. С. 134.

¹⁰ Там же. С. 144.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 8. Л. 83.

¹² Там же. Л. 157.

¹³ Там же. Л. 228.

¹⁴ Там же. Д. 10. Л. 132.

¹⁵ Иванов Вс. Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М., 1991. С. 141.

¹⁶ Там же. С. 167.

¹⁷ Мартынов Н. А. Дневник (Collection of N. A. Martynov. Box #1. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (BAR).

¹⁸ Головачев М. П. Рукопись «Сибирское движение и коммунизм» (Golovachev Collection. Box #1. BAR).

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 10. Л. 74 об.–75.

А. М. ЛОСУНОВ (Омск),
Сибирский казачий юридический колледж

Г. К. ЧУКРЕЕВ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И БЕЛОМ ОМСКЕ

Интерес к событиям Гражданской войны на сегодняшний день в российском обществе продолжает оставаться высоким. Источниковая база исследования белого движения весьма обширна и далеко не исчерпана в научно-исследовательском плане. Наряду с документальными материалами продолжают публиковаться дневники и воспоминания участников и свидетелей тех далеких событий. В связи с этим видятся актуальными воспоминания одного из очевидцев жизни событий 1918–1919 гг. в Омске Г. К. Чукреева.

Георгий Константинович Чукреев (6 мая 1904 г., Тюмень – май 1993 г., Омск). Участник двух мировых и Гражданской войн. В 1914 г. он, убежав на фронт, стал воспитанником 3-го разведывательного взвода 2-й сотни 10-го Отдельного добровольческого Сибирского казачьего полка, воевавшего на Юго-западном фронте. О своем участии в Первой мировой войне Георгий Константинович рассказывал автору данной статьи следующее: «Моё детство прошло в Тюмени. Отец мой работал плотником, а мать стирала белье. Жили мы во флигеле дома купца Бояркина, который стоял на Большой разъездной улице. Здесь я пошел в школу, затем работал на пароходе. Убежать на фронт меня сманил боярский сын Федька. В то время ему было 15 лет, а закрепившаяся за ним кличка была «Федька большой дурак». У его отца были магазины не только в Тюмени, но и на Урале, поэтому он каждый месяц баловал сына 30 рублями золотом. На скопленные деньги мы купили оружие (Федька – револьвер, а я – пугач) и билеты на поезд. Поезд оказался пассажирским, простым и останавливался на каждой станции. Одетый в гимназическую форму Федька практически на каждой остановке бегал покупать продукты. Но при этом часть золотых монет из скопленного им капитала Федька передал на хранение мне. Вот так, заняв верхние полки, мы и прибыли в Екатеринбург. Здесь неожиданно в наш вагон зашли жандармы и схватили Федьку Бояркина. Мне же удалось убежать в туалет, а оттуда вылезти в окно, порезав при этом руку и живот. С железнодорожной станции я убежал в город, где провел оставшиеся полдня и устроился на ночлег в кустах какого-то сада. Утром ужасно захотел есть. Боясь быть пойманным, золотые деньги разменивать не решился. Поискав у себя в карманах, я нашел 25 копеек, на которые купил фунт колбасы и французскую булку. Не знаю как, но вскоре я очутился на воинской площадке. В это время на второй путь прибыл воинский эшелон. В его составе было два классных офицерских вагона. Из одного простого вагона вышел казак, который пошел прикуривать. Я юркнул в оставленную им открытую дверь. В вагоне находилось несколько лошадей, среди которых я и спрятался. Ночью казак меня обнаружил спящим, разбудил и стал ругать на чем свет стоит. Утром он меня доставил в штабной вагон, в котором нелюбимый казаками офицер устроил мне допрос. Я наврал, что я сирота и что у меня нет родителей. В это время в вагон зашел командир 2-й сотни Анисий Александрович Лаврентьев (по другим сведениям, его фамилия была Лавренев). Он-то и выпросил меня у сурового полковника во взвод разведки. После зачисления меня в сыны полка я получил обмундирование, шашку и карабин. Особое восхищение вызвали у меня шаровары с лампасами. Федькины же золотые монеты я отдал А. А. Лаврентьеву. Помню и первое боевое дело, в котором я участвовал. Это было в Карпатах. По приказу сотника Алексея Никитина (выпускник Сибирского кадетского корпуса, убит под Луцком) я облачился в рванье и, играя роль пастуха, погоняя хворостиной тощую корову, отправился на разведку. Пройдя три километра, я увидел деревню. Во-

йдя в неё, возле колодца, мною были замечены немцы. Бросив корову на произвол судьбы, я со всех ног бросился к своим. Опираясь на сообщенные мною данные, казаки устроили засаду. Пропустив немецкую разведку, они после того как ординарец Никитина Цыганков каркнул, стремительно вылетели из засады и принялись рубить немцев. Впервые в жизни увидев рубку людей, мне сделалось плохо, меня вырвало, после чего я потерял сознание. Очнулся я уже в своем отряде. За это, как тогда говорили, «дело» я получил звание младшего урядника, а Никитин был удостоен ордена Святой Анны II степени. А вскоре мой благодетель и покровитель А. А. Лаврентьев (Лавренив) был отравлен немцами под Луцком газами и ранен в левое плечо. Вначале он лежал в лазарете и в полевом госпитале, а затем в сопровождении меня был отправлен долечиваться в Николаев. После этого мы поехали с ним в Омск, куда прибыли в 1916 г. Так впервые я попал в Омск, где мне было суждено прожить яркую и интересную жизнь. Первоначально я жил в семье подполковника Лаврентьева (Лавренива) на Баронской улице (ныне – Октябрьская). Деревянный дом на кирпичном фундаменте (3-й или 4-й от угла на Тобольской улице (ныне – Орджоникидзе), расположенный по правой стороне) принадлежал какому-то нотариусу. Анисий Александрович жил в нем с сестрой. До войны он был женат, но жена, видимо не дождавшись его, вышла замуж за другого. А. А. Лаврентьев (Лавренив) не только подарил мне маузер и серебряный клинок, но и учил меня грамоте. Какое-то время он занимал должность начальника штаба, преподавал тактику и военную топографию в старших классах местного кадетского корпуса. Имел в услужении денщика Петра Панчина (казак станицы Боровое; после 1917 г. уехал в Петропавловск, слесарил на железной дороге, участвовал в боях против чехов на станции Марьяновка; в составе 5-й армии участвовал в разгроме колчаковских войск, в бою на реке Тоболе был смертельно ранен). В 1917 г. мой покровитель и благодетель скончался. Похоронили подполковника Лаврентьева (Лавренива) на Казачьем кладбище. Помню, что на его могиле стояли мраморный памятник и оградка. На всю жизнь у меня в памяти запечатлелся его образ как человека серьезного, но в то же время и доброго»¹.

За первую половину 1920-х гг. Г. К. Чукреев умудрился побывать безработным, извозчиком, курсантом 24-й среднего комсостава военной школы, студентом. Сотрудничество с ОГПУ у него началось с 1926 г., поскольку 8 ноября того же года он стал заведующим секретным делопроизводством спирто-водочного завода Центроспирта². Затем, с 1930 по 1934, и в 1935–1936 гг. он официально состоял на работе в Омском оперативном секторе НКВД. Возглавлял спецотделы на Сибзаводе, в Облсельхозбанке, Городском совете. С началом Великой Отечественной войны ушёл на фронт. Был ранен, после госпиталя вновь встал в строй. После контузии и вторичного ранения в позвонок, полученных 4 марта 1944 г., Г. К. Чукреева демобилизовали. С 1946 по 1964 гг. он находился на административно-хозяйственной работе. Член РКСМ (с 1919 г.) и ВКП (б) (по-

сле 1938 г.). В 1967–1968 гг. председатель Омского совета ветеранов. Выйдя на пенсию в 1964 г., активно занимался моржеванием³.

В своей анкете, заполненной 17 марта 1938 г., Георгий Константинович по понятным причинам ни одним словом не упомянул о своих боевых подвигах. Получалось, что он жил в Тюмени, в 1914–1916 гг., учился в Ильинской церковно-приходской школе, после окончания двух классов которой вместе с матерью переехал в Омск, где окончил 19-ю смешанную школу, а затем и три класса Высшего начального городского училища. Зато в графе о местонахождении при власти белых он записал: «Отец, мать и я жили на территории Колчака вплоть до прихода Красных войск, отец работал в качестве плотника, а мать была прачкой, а я учился в школе. Это было в гор.[оде] Омске, т. к. мы жили с матерью с 1916 г., а отец был в Омске с 1914 г.»⁴.

Какой же запомнилась белая столица четырнадцатилетнему подростку? «В центре города, там где сегодня стоит Торговый центр, находилась барахолка (позднее там еще был Центральный рынок). На ней стояли временные сарайчики и лари. Тут можно было купить абсолютно всё: обувь, мебель, материю, масло, пряники, конфеты, сушки и даже живых зайцев и поросят. Нередко можно было наблюдать такую картину. Идет чешский офицер со своим ординарцем, ординарец тащит на плече мешок, который извивается и верещит на всю улицу. Идут довольные, смеются. Готовятся встретить Рождество. После провозглашения Верховным правителем Колчак поселился в доме, принадлежавшем купцу Батюшкину. Ходили слухи, что он занимался добычей золота, а после разгрома белого адмирала бежал в Харбин. Особняк хорошо охранялся. При входе в него возле ворот ограды стояли солдаты-киргизы, а во дворе, возле главного входа, находились военнослужащие в военной форме. Напротив ворот, во дворе, помимо самого особняка находились две хозяйственные постройки: склады и здание, в котором наряду с жилым помещением помещались ещё прачечная и кухня. С южной стороны особняка находилась открытая веранда, застеклена она была уже позже, по-моему, чуть ли не в 1960-х гг. Напротив особняка, на Иртыше, в летнее время стояла на приколе баржа с оружием и несколькими пулемётами. Так что Верховный Правитель охранялся очень хорошо.

Главным рестораном в летнее время в Омске был ресторан городского сада «Аквариум», который располагался на правой стороне Оми от железного моста до ТЭЦ. Летними днями из сада «Аквариум» лились звуки большого оркестра. Нарядная гуляющая публика заполняла тенистые аллеи, а дамы демонстрировали перед своими кавалерами платья и шляпки. Наверху кинотеатра «Гигант» находился буфет, где играла музыка. В период Колчака кинотеатром управлял Моисей Каплун, который убежал вместе с белыми. С этим кинотеатром у меня связаны не очень хорошие воспоминания. В 1946–1947 гг. я был заседателем от общественности на закрытом суде по делу о массовом убийстве детей в этом кинотеатре. Организатором убийств был парень 17 лет с длинными руками.

Под предлогом бесплатного просмотра фильмов он и его подельники заманивали ребятишек на чердак, душили, снимали с них одежду и продавали на барахолке. В чердачной засыпке пожарники обнаружили более десятка детских тел. Эта же преступная группа убивала детей и за городом. После огласки этих событий на закрытом судебном процессе участь «Гиганта» была предreshена. В скором времени его сломали, так как народ перестал массово посещать данный кинотеатр. Но это к слову. Помимо «Гиганта» в городе было немало кинотеатров: «Сфинкс», «Кристалл-Палас» и «Одеон», «Саргон», электротeatр «Прогресс» и др. Их рекламные афиши были расклеены по всему городу и ежедневно печатались в газетах. Зрители валом валили в кинотеатры, и это несмотря на то, что за вход на зрелищные мероприятия был введен так называемый военный налог. Весело всегда было и в цирке.

На Любинском проспекте и Дворцовой улице при гостиницах «Россия» и «Европа» были рестораны с музыкой и дорогими закусками. Много было в городе и погребков. Высокие военные чины были постоянными завсегдатаями в летнем и зимнем ресторанах в загородной роще, куда приезжали со своими дамами на казённых автомобилях. Праздной, веселящейся толпой были заполнены омские улицы, где бойко торговали мороженым и цветами, особенно Любинский проспект. Торговля здесь шла бойко. На главной улице мне почему-то очень хорошо запомнился магазин богатого еврея «Феттер и Гинкель». Помимо инструментов и других металлических изделий в нём продавали прекрасные коньки.

В Омске тогда было очень тяжело с жильём. Кварты строили дорого. Гостиницы «Европа», «Россия», «Бристоль», «Париж», «Ялта», «Русь», «Деловой двор» были забиты постояльцами до отказа. Церкви всегда были полны народом, но вместо торжественных молебнов в них чаще служили панихиды по убиенным. Омские кладбища росли. Особенно хорошо и отчётливо помню Шепелевское кладбище. Вход на него был с левой стороны улицы Тюремной (ныне – 5-й армии). Ворота были кирпичные. На них – кованые створки. Хотя само кладбище было без изгороди, но оно по периметру было обнесено валом и рвом. На погосте была каменная церковь во имя Павла Обнорского, которая действовала вплоть до 1922/23 гг. Казачье же кладбище было огорожено полукаменной оградой с решеткой. В 1918–1919 гг. именно на нём почему-то хоронили чешских легионеров.

Вышедшие из госпиталей раненные и инвалиды становились жителями Омска. Для инвалидов было открыто три общежития: на Любинском проспекте, на Втором Взвозе и в Никольском училище. Много было детей-сирот. В основном они содержались в Ольгинском приюте.

Возле железного моста, напротив Серафимо-Алексеевской часовни, на той стороне, где был магазин Левина, стоял на улице большой портрет Верховного правителя адмирала А. В. Колчака. Кстати, во время его правления функционировали две пристани: на реке Оми и Иртыше.

Все лучшие здания в городе были заняты многочисленными учреждениями и организациями. Там, где сегодня располагается кинотеатр «Художественный», при Колчаке был кинематограф. До революции здесь был бар. На месте уборных была кухня. В простенках стояло три трюмо, а на сцене танцевали полуголые шансонетки. На моих глазах здесь в 1918 или 1919 гг. один колчаковский офицер поругался с Антоном Сорокиным. Оба были вдрызг пьяные и еле стояли на ногах. Но к тому времени, когда на сеанс прозвенел звонок, они помирились и пошли допивать в ресторан гостиницы «Россия». Сегодня кое-кто причисляет Антона Сорокина к великим писателям. Не писатель он, а чудака на букву «М». До революции наблюдался у психиатра, имел заверенную справку о своей невменяемости, поэтому ни колчаковская контрразведка, ни ЧК к нему серьёзно не относились.

В Доме Учителя в годы Гражданской войны квартировали военные миссии, а до революции здесь были номера, которые, кстати, соединялись переходом с кинотеатром «Художественный». В здании Акмолинского областного правления (ранее там помещалось Главное управление Западной Сибири) наряду с учреждением квартировала казачья сотня. В сельхозинституте помимо госпиталя размещались американские и английские солдаты. Стояло британское воинское формирование и в здании Первой женской гимназии. В нынешнем училище Шебалина тогда разместилась одна из военных миссий. И в дореволюционное время, и в 1930-е годы здесь были номера, куда обычно уставшие после трудового дня мужчины шли на ночь развлекаться с женщинами легкого поведения.

В здании нынешнего Музея воинской славы омичей также стояло одно из казачьих формирований. После вступления красных в Омск в нём разместился дивизион 27-й дивизии. Его комиссаром был Василий Петухов. В составе именно этого дивизиона служил Пётр Петрович Зутис, с которым я тогда и познакомился. В то время он сдавал дела в особом отделе дивизиона, чтобы перейти на работу в ЧК. После этого мы до организации Совета ветеранов с ним не встречались, хотя я слышал, что, уйдя из органов, он работал городским архитектором. В Совете ветеранов он был членом президиума. В 1960-х гг. нам вместе довелось выступать с лекцией перед омичами в ДК им. Баранова. Я рассказывал о дореволюционном Омске и о периоде Гражданской войны, П.П. Зутис – об архитектуре, а тогдашний городской архитектор – о будущем Омска, в 1980-е гг. В последний раз, незадолго до смерти, я увидел Петра Петровича на Казачьем базаре, где он покупал керосин. Видно было, что он сильно сдал и был уже плохеньким. С горечью поведал он мне, что просил у городских властей благоустроенную квартиру, но те ему отказали. Так и умер он в своём частном доме № 41 по улице Красных Зорь. А ведь он на тот момент был одним из старейших членов партии, по-моему, с 1917 или 1918 г. Но хватит о Зутисе. Возвращаюсь к дивизиону. В 1919 г. я вступил в его состав и принял свой первый бой с колчаковцами и уланами возле деревни Карташово. После заверше-

ния операции мы вернулись в Омск и опять разместились всё в том же здании. Удивительно, но в нашей части было много сибирских казаков. А вскоре наш дивизион влился в состав ВОХР (Внутренней охраны Республики). Часто в те годы по долгу службы мне приходилось бывать у военного коменданта, который, как и при Колчаке, занимал второй этаж здания гауптвахты, в крепости.

События Гражданской войны имели свои отголоски в 1920-е и даже в 1930-е гг. Приведу два случая. После установления советской власти бывший казачий офицер Подкорытов собрал отряд для борьбы с новой властью. Его казаки грабили обозы, жгли хлеб, снимали приводные ремни с мельниц. Под Марьяновкой у Подкорытова было имение. Оно было неплохо благоустроено: каменный дом, паровая мельница, хозяйственные постройки. В июне 1920 г. мы с пулеметным расчётом устроили засаду под Марьяновкой. Отряд напоролся на нас. Мы врзали по ним из пулемёта. В результате сам Подкорытов был ранен, его отряд потерял 20 человек, а у нас было всего двое убитых и трое раненых. В 1932 г. к нам в органы поступил сигнал о том, что в одной из омских церквей (точно не помню, какой это был храм, Свято-Троицкий, или Ильинский) при отступлении колчаковских войск, один богач закопал золото. В одну из ночей наша оперативная группа выехала на место. Пригласили священника и церковного старосту. В их присутствии стали вскрывать деревянный пол. Каково же было наше удивление, когда в центре храма, под полом, вместо золота мы обнаружили разобранный пулемет, несколько цинков и штук 10–11 винтовок «Арисака». Явный подарок из 1919 года! И, хотя священнослужители к ответственности привлечены не были, поступил приказ обследовать все церкви. Выполняя его, я побывал во многих омских церквях. В Успенском кафедральном соборе спускался в склепы, которые находились под полом (вход в них вёл от главных дверей). Осмотрел Воскресенский собор (в нём был тогда спортивный зал). Затем пошёл в Братскую церковь. Она была огорожена деревянной изгородью, но уже не действовала. Помнится, богослужения в ней шли ещё в 1922–1923 гг. Пришлось наведаться и в монастыри. Вспоминаю, что Казанский женский монастырь был обнесён каменным забором, за которым был разбит хороший сад и росла очень большая и вкусная малина. Посетил я и подворье женского монастыря, находившегося по улицам Красный Путь и 5-й армии, в районе Сибзавода. В 1926–1927 гг. его закрыли. С 1930 г. обитель уже не действовала и находилась в запустении. Здесь держали коней, которые участвовали в пробеге Омск – Калачинск. Вначале я осмотрел каменную церковь, а затем направился в два двухэтажных деревянных дома. На верхних их этажах размещались келии, внизу были мастерские. На территории монастырского подворья, огороженной деревянным забором, имелись также сад и амбар. Однако больше оружия мною обнаружено не было»⁵.

Приведенные выше воспоминания имеют одну особенность. Они были записаны нами в ходе двух бесед с Г. К. Чукреевым. По мере рассказа старожилу

задавалась масса уточняющих и наводящих вопросов, что делает данные воспоминания более информативными, нежели если бы их записал сам ветеран. Кстати, машинописный экземпляр мемуаров имелся тогда, в конце 1980-х гг., на руках у Чукреева, но его поиски пока безрезультатны.

К тому же не следует забывать, что детская и юношеская память наиболее восприимчивы и фиксирует моменты, на которые зрелые люди не обращают внимания. Не следует сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что герой нашего повествования работал в последующие годы в органах и обладал оперативной информацией, недоступной широкому кругу. Всё это, на наш взгляд, делает воспоминания Г.К. Чукреева ценным источником в изучении омской повседневности времён Гражданской войны и периода восстановления советской власти.

Автор благодарит сотрудников отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области Н.В. Дмитриеву, Т.В. Каиндину и Н.С. Храпову за помощь, оказанную при работе над данной публикацией.

¹ Беседа с Г.К. Чукреевым. Сентябрь 1988 и 28 февраля 1989 г. Рукопись // Личный архив автора.

² Исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. Р-235. Оп. 6. Д. 152. Л. 4.

³ Золотарев В.А. В борьбе за претворение в жизнь заветов великого вождя 1920–1925 гг. Кн. 2. Новосибирск, 1978. С. 293.

⁴ ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 6. Д. 152. Л. 1 об.

⁵ Беседа с Г.К. Чукреевым. Сентябрь 1988 и 28 февраля 1989 г. Рукопись // Личный архив автора.

И. А. МАХНАНОВА (Омск),

Омский государственный литературный музей им. Ф. М. Достоевского

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В НАСЛЕДИИ ОМСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ (ИЗ ЛИЧНЫХ ФОНДОВ Ф. А. БЕРЕЗОВСКОГО, Э. Г. ШИКА, М. К. ЮРАСОВОЙ)

В течение долгого времени Гражданская война в отечественной историографии трактовалась как форма борьбы между диктатурой пролетариата и контрреволюционными силами. В эмигрантской литературе те же события 1917–1920 гг. представлялись как «Русская смута», «потеря Россией Бога» (мемуарные очерки генералов А.И. Деникина, П.Н. Краснова). Во второй половине 1980-х гг. происходит изменение взглядов, осознание национального значения. Появилась «устойчивая тенденция понимания Гражданской войны

как народной трагедии, в которой не было и не могло быть настоящих победителей, ибо проиграли все»¹.

К документальным источникам, в том числе и периода Гражданской войны, которые можно рассматривать как малоизученный ресурс, следует отнести историко-литературное наследие писателей, публицистов, краеведов, а также периодические издания, выпускаемые в изучаемый период.

Сибирские писатели одни из первых активно проявили гражданскую позицию, своим творчеством участвуя в сохранении исторической памяти. Так, в истории советской литературы высокую оценку получили работы В. Зазубрина, Ис. Гольдберга, Ф. Березовского. Произведения писателей-сибиряков «представляют большой интерес для истории нашей литературы, так как в них показана эпоха Гражданской войны в Сибири»².

В фондах музея хранится объемный архив Феоктиста Алексеевича Березовского. Писатель, начиная с 1904 г., был участником революционных событий в Сибири, «его произведения имеют не только художественную, но и историческую ценность»³. В годы Гражданской войны писателем созданы автобиографическая повесть «В плену», очерки «Тасжные застрельщики», «Февральское мифотворчество», «Окровавленный Арарат», которые представляют своеобразную летопись свидетеля революционных событий. В повести «Мать» (1923) раскрывается тема народной борьбы с армией Колчака, в романе «В степных просторах» – Гражданской войны в Казахстане (1924). В музее хранится экземпляр с авторскими правками первого издания романа. Архив писателя интересен редкими документами. Музейная папка «Суд над Незнамовско-Базаровской контрреволюционной организацией» (ОЛМ 17/24-31) относится к последнему периоду (шестому этапу) Гражданской войны. Детали дела историкам известны, отмечу некоторые сведения, которые касаются музейных единиц хранения.

Документы, подписанные председателем Новониколаевского губернского суда С. Чудновским, извещают товарища Березовского, что дело будет рассматриваться 21 апреля 1923 г. В прилагаемом судебном определении от 16 апреля указано, что «...Новониколаевский губернский суд, по Уголовному отделению... рассмотрев вопрос о допущении обвинения и защиты по делу Базаровско-Незнамовской контрреволюционной организации, определил допустить в качестве обвинителей...» в том числе и Ф.А. Березовского (в указанный период члена коллегии Военно-кооперативного управления Сибири и Урала – *И.М.*). Феоктисту Алексеевичу поручалось быть обвинителем 30 участников. В блокнотах писателя есть записи (в том числе конспективные), которые сделаны по материалам дела, а также, вероятно, непосредственно из зала суда. Основные положения дела излагает информационная справка, направленная заведующим канцелярией Сиббюро ЦК РКП Ф.А. Березовскому «для ознакомления при решении этого вопроса на заседании 19 апреля в 3 часа дня в кабинете Секретаря Сиббюро, на каковое просьба прибыть». Подробно

факты дела излагаются в издании прокурора Сибири 1923 г. на 55 страницах «Обвинительного заключения по делу о Незнамовско-Базаровской контрреволюционной организации». На указанном экземпляре есть рукописная запись: «Ф. А. Березовский был общественным обвинителем в суде по делу этой организации (я была на суде)».

Как следует из обвинительного заключения, «эта контрреволюционная организация, охватившая Западную Сибирь и часть Урала, была результатом объединившихся в январе 1922 г. двух параллельных независимо друг от друга существовавших организаций, формально возглавляемых первая Базаровым, вторая Незнамовым». Документ содержит список и краткое изложение показаний 95 лиц, привлеченных к следствию в качестве обвиняемых и подлежащих вызову в судебное заседание, признавших и не признавших свою вину, на основании показаний которых суд принимал решение.

В одном из сохранившихся блокнотов писателя отдельным перечнем даны фамилии, с указанием возраста, образования и рода занятий каждого из обвиняемых. Показания Базарова изложены подробно на десяти страницах, вероятно дословно переписаны из письменного источника: «Я надеюсь, что справедливый пролетарский суд разберется беспристрастно в этом деле как историк», «...на вооруженный конфликт я не пошел бы». Через несколько страниц читаем: «Колпаков и Иванов подтверждают, что Базаров говорил о необходимости вооруженного восстания».

Об этой странице периода Гражданской войны мы узнаем в работах историков Л. И. Боженко, Л. А. Гильди, Н. М. Кучемко, Ю. А. Щетинова, публикации А. В. Добровольского⁴, более подробно тема раскрыта в монографиях Д. Л. Голинкова, П. А. Подболотова. В научных публикациях отмечается, что «Базаровско-Незнамовское дело даже в начале XXI в. не было пересмотрено»⁵. Возможно, документы из личного архива писателя Ф. А. Березовского заинтересуют современных исследователей.

Литературный музей в октябре 2014 г. получил в дар архив Эдмунда Генриховича Шика, литературоведа, театрального критика, учёного, профессора Омского педагогического университета. Это многочисленное наследие нам предстоит внимательно изучить, но уже сегодня можно сказать, что полученный архив позволил нам восполнить многие пробелы, получить ценные сведения, в том числе и по периоду истории литературы Гражданской войны. Э. Г. Шик был членом редколлегии и одним из авторов академического издания Сибирского отделения Академии наук СССР – «Очерков русской литературы Сибири». Среди нескольких подготовленных Э. Г. Шиком и опубликованных глав в этом коллективном труде глава «Идейная борьба и размежевание сибирских писателей в годы революции и Гражданской войны. Литературный Омск» также написана им. Ученый очень хорошо знал этот период. Его первое диссертационное исследование посвящено роману Вл. Зазубрина «Два мира»,

отражающему события периода Гражданской войны, происходящие в лагере белой гвардии. Исследовательские материалы, газетные вырезки, относящиеся к данной теме, аккуратно сохранились в архиве учёного.

Следует добавить, что архив учёного содержит многочисленный каталог, переписку, полные комплекты и отдельные номера периодических изданий, диссертацию доктора филологических наук «Историзм современной советской прозы (1960–70-е гг.)», изложенную в двух машинописных томах (свыше 600 страниц), что также может заинтересовать историков и литературоведов.

В архиве Марии Климентьевны Юрасовой – писательницы, краеведа, хранятся редкие книги, рукописные документы, которые отражают интерес автора к событиям Гражданской войны. Это рукописные тетради, в которых собраны сведения об адмирале А.В. Колчаке, атамане Б.В. Анненкове. В музее находится папка с несколькими рабочими тетрадями и машинописная рукопись статьи о Ф.А. Березовском, в том числе о его творчестве и уже названных произведениях. Интересна и тетрадь, подписанная «Папин очерк о Березовском», принадлежащая отцу М. Юрасовой – К. Иоффе.

В архиве М.К. Юрасовой сохранилась переписка с родными Кароя Лигети, венгерского революционера-интернационалиста, в том числе с его женой З.Л. Венцкович-Лигети. Марией Климентьевной написана повесть «Если ты хочешь жить» о судьбе К. Лигети, казненного белогвардейцами в Омске в 1919 г. Письма родных, рабочие материалы раскрывают и эту трагическую страницу истории Гражданской войны.

В архиве писателя – редкое издание Н.И. Анова «Интервенция в Омске», а также исторические работы И. Субботовского и Е. Якушкина, посвященные интервенции. Редкие документы, отражающие реалии Гражданской войны, – это журналы и газеты, возможно сохранившиеся только в архивных, библиотечных и музейных хранилищах Омска. К примеру, в фондах Омского государственного литературного музея им. Ф.М. Достоевского хранятся номера газет «Заря», «Вечерняя звезда», «Дело революции», «Красный воин», «Красноярский рабочий», «Дальневосточная республика», «Советская Сибирь», барнаульское издание 1921 г., сборник алтайского ЛИТО в пользу голодающих Поволжья «Сноп», три номера газеты «Терентий» (май – июнь 1923 г.) – приложение к газетам «Уральский рабочий» (Екатеринбург), «Звезда» (Пермь), «Советская Правда» (Челябинск), «Трудовой Набат» (Тюмень). В фондах Музея городского быта хранится номер газеты «Русская армия» от 5 ноября 1919 г. В библиотеке им. А.С. Пушкина в зале редкой книги можно познакомиться с сохранившимися номерами за 1918–1919 гг. журналов, издаваемых в Омске, – «Единая Россия», «Возрождение», «Иртыш», «Вестник Совета Всесибирских кооперативных съездов», «Промышленность Западной Сибири», «Трудовая Сибирь», «Заря трудовой школы». Отдельные издания оцифрованы. Ряд периодических изданий указанного периода представлен также в оцифро-

ванном виде в Центре изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области.

Подобные раритеты ценны. Это необходимо как для изучения истории Гражданской войны, так и истории литературы, в том числе сибирской. Создание полнотекстовых баз периодических изданий осуществляется в рамках главного библиотечного проекта государства – подготовки к открытию Национальной электронной библиотеки и введению унифицированного читательского билета (<http://www.rsl.ru/ru/s410/rslneb>; <http://нэб.рф>), а также межрегионального ресурса «Электронная Сибирь» (<http://elib.ngonb.ru/jspui>). Важно, чтобы периодические издания, имеющиеся в распоряжении омских учреждений культуры, при решении соответствующих технических и организационных вопросов, стали доступны для российских исследователей.

¹ Амелина В. В., Юрова В. Н. Отечественная история. Новосибирск, 2005. С. 189.

² Шик Э. Г. Феоктист Березовский // Сибирские огни. 1961. № 8. С. 177.

³ Там же.

⁴ Добровольский А. В. Базаровско-Незнамовский заговор 1922 года: авантюра, интрига или провокация? // Исторический опыт социально-экономического и культурного развития. Куйбышев, 1997. С. 25.

⁵ Тепляков А. Г. «Базаровско-Незнамовское дело» 1923 г.: технология фальсификации и пропагандистского обеспечения // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сравнительный анализ механизмов и практик проведения. Новосибирск, 2010. С. 100–110.

С. В. НОВИКОВ (Омск),

Омский государственный педагогический университет

**НА ИЗЛОМЕ ВЕЧНОСТИ:
ОТЗЫВ НА РУКОПИСЬ КНИГИ А. А. ШТЫРБУЛА
«ДОЖИТЬ ДО СЕНТЯБРЯ: СУДЬБА ПОЭТА ЮРИЯ СОПОВА»**

В современной сибирской научной, научно-популярной литературе и даже в исторической беллетристике жанр биографии так и не обрёл своего достойного места. Немногочисленные исключения, такие как книга в прошлом советского писателя-деревенщика, а в новейшей истории автора повести о губернаторе Омской области Леониде Полежаеве М. С. Шангина, думается, не войдут в число «нетленок» и не обессмертят имена ни руководителя субъекта Федерации, в одночасье ставшего литературным героем, ни автора¹.

На данном фоне монография А. А. Штырбула, посвященная событиям Гражданской войны в Омском Прииртышье, вызывает несомненный интерес.

А. А. Штырбул известен научному сообществу как глубокий исследователь проблем революционного движения в Сибири в первой четверти XX в., специалист по истории организации самоуправления трудящихся, один из знатоков истории классовых противостояний и гражданских войн, как в России, так и за её пределами.

В последние годы исследователь продуктивно работает в жанре политической биографии. Его перу принадлежат исследования, посвящённые первому ректору Омского государственного аграрного университета (в 1920-е гг. – Сибсельхозакадемия, сокращённо «Сибака»), общественному и политическому деятелю Сибири, «Красному губернатору» Омской области (февраль – июнь 1918 г.) Н. Е. Ишмаеву и первому ректору ОмГПУ (с 1932 по 90-е гг. – Омский государственный педагогический институт), революционеру, педагогу, учёному-философу А. С. Сливко. На страницах обеих книг красной нитью проходят события Гражданской войны².

Особенностью представленного исследования является то, что события Гражданской войны представлены как бы в преломлении короткой и трагической судьбы замечательного омского поэта Юрия Сопова, трагически погибшего при взрыве в омской резиденции Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака 25 августа 1919 г.

В представленном к рецензированию тексте монографии автор практически продолжает исследование вопросов и проблем, поднятых им в предыдущей монографии «Покушение на Колчака. Историческое расследование»³, получившей широкий отклик и положительные отзывы читателей, в том числе и профессиональных историков. Думается, что в преддверии приближающегося 100-летия двух революций 1917 г. и последующей за ними Гражданской войны выход планируемой монографии явится актуальным событием научной жизни региона.

Своеобразной особенностью представленного исторического исследования является то, что оно выполнено на стыке истории и литературоведения. С помощью литературоведческих приемов и сюжетов А. А. Штырбул пытался, и у него это вышло, полнее и глубже раскрыть ту непростую историческую эпоху и ее судьбоносные события, происходившие как в России в целом, так и в Омске и Среднем Прииртышье.

Теперь несколько замечаний о городе Омске и его обитателях, оказавшихся, что называется «на изломе вечности». Описание Омска периода Гражданской войны представляет несомненный интерес. Читателю предстоит увидеть Омск в то время, когда политическая ситуация на востоке страны, подконтрольном белогвардейцам, резко, хотя и вполне ожидаемо, изменилась: была установлена военная диктатура. Случилось то, о чем так мечтали и что так старательно готовили реакционные финансовые и военные круги. Так, во главе одной из борющихся сторон в России оказался А. В. Колчак, морской офицер, кавалер

многих наград, участник Российско-японской и Первой мировой войн, исследователь-полярник, ученый-океанограф.

Как и некоторые другие молодые представители среднего класса, герой книги А. А. Штырбула Юрий Сопов пережил в ноябре – начале декабря 1918 г. своеобразную волну восторга, вызванного личностью А. В. Колчака. Эту «магию Верховного правителя» сумел несколько позднее передать Леонид Мартынов в стихотворении «Воздушные фрегаты» (1922):

Померк багряный свет заката,
Громада туч росла вдали,
Когда воздушные фрегаты
Над самым городом прошли.

Сначала шли они как будто
Причудливые облака,
Но вот поворотили круто –
Вела их властная рука.

Еще при Временном Сибирском правительстве и Директории, накануне прихода к власти А. В. Колчака, Омск, уже ставший столицей «белой» России, приобрел совершенно удивительный – пестрый, несколько аляповатый, в общем, псевдостоличный вид. Вот как это лаконично, но емко отразил поэт Алексей Воцакин:

Прикрыв лицо степного зверства
Культурной беженскою пленкой,
Такою хрупкою и тонкой –
Возникли в Омске министерства.
И Любинский – Тверская словно.

По свидетельству писателя Н. И. Анова, «на Любинском проспекте вперемежку с интервентами сновали толпы москвичей, петроградцев, самарцев. Много было чехов, англичан, американцев, французов, сербов, поляков. Сибирская столица жила шумной веселой жизнью. В городе открывались всё новые и новые кафешантаны, фешенебельные кабаки, рестораны с зазывными экзотическими названиями: «Люкс», «Буфалло», «Золотой якорь», «Зеленый попугай». Росло количество и домов терпимости».

В столице «Колчакии» заметно развивался кинематограф. В городе было немало кинотеатров: «Гигант», «Сфинкс», «Кристал-Палас», «Одеон», «Саргон» и другие, электротeatр «Прогресс». Их зазывные афиши были расклеены по всему городу, ежедневно печатались в газетах: «Роскошный фильм с участием красавицы Барабановой!»; «Вера Холодная в незабвенном шедевре “Последнее танго”!»; «Долгожданный боевик “Обрыв” с участием Мозжухина!»;

«Кровавый вихрь, или Безумие ревности!»; «Великолепная современная драма “Не для меня придет весна”». Так в маленьких душных залах эйфория чужой любви и чужого счастья помогали людям забыться, уйти на время от собственных нужд, забот, бед и страданий.

Английские френчи, галифе, казацьи лампасы, золото и серебро новеньких погон, кавказские черески придавали своеобразный облик проспекту, украшенному сибирскими бело-зелеными флагами.

В колчаковском Омске, на фоне ключом бившей политической жизни, развивалась белогвардейская политическая мысль. За столиками ресторанов в гостиницах «Европа» (в советское время – «Сибирь», ныне «Ибис-Сибирь-Омск»), «Россия» (в советское время «Октябрь», затем снова «Россия») и других политические интеллектуалы из колчаковского окружения Ю.В. Ключников, Н.В. Устрялов и другие развивали и генерировали идеи. Именно здесь родились ростки тех идейно-политических систем, которые позднее в эмиграции назовут сменовеховством, национал-большевизмом, евразийством, русским фашизмом.

Из-за огромного наплыва беженцев, а также из-за столичного статуса со всеми вытекающими из этого последствиями население Омска значительно выросло: в несколько раз (со 140 тысяч в 1917 г. – до 600 тысяч в 1919 г.).

Естественно, никуда не исчезли голодные рабочие предместья города, где активно работало революционное подполье...

Как следствие, в городе действовало несколько контрразведок – чешская, английская, французская, итальянская и даже китайская, также пункты (филиалы) колчаковской контрразведки. Адреса некоторых из них были известны, и горожане обходили эти дома десятой дорогой. Служить в колчаковскую контрразведку подбирались и шли те, кто был готов и способен пытаться и убивать. Практиковались пытки с применением игл, плетей, шомполов, раскаленного железа...

В то же время в Омске выходили 6 газет и 10 журналов. Однако периодическая печать, особенно склонная к оппозиционности, подвергалась многообразной цензуре (военной, гражданской, иностранной союзной), и большинство сибирских газет выходили со зримыми свидетельствами работы цензоров – белыми пятнами снятых материалов.

В городе активно проводились различные вечера и празднования в честь тех или иных знаменательных событий или просто на благотворительные цели. Военные, религиозные, общественные организации и ведомства устраивали концерты, музыкальные вечера, танцы, спектакли. Был отмечен в Литературно-научном кружке Тургеневский юбилей, проходили вечера былин, «вечер о России»; отмечали день Георгиевских кавалеров с парадом, обедом и спектаклем; 25 января 1919 г. был отмечен Татьянин день. 7 июня парадом союзных и русских войск, торжественными заседаниями и концертами была отмечена годовщина освобождения Омска от советской власти.

Действовал в городе и литературный кружок «короля Сибирских писателей» А.С. Сорокина. К нему на заседания приходил и молодой солдат Юрий Сопов. Его стихи печатались во многих газетах. Одет он был по-солдатски: френч защитного цвета, на ногах башмаки с обмотками – подарок английского правительства солдатам Колчака. Голос у него был тихий и мягкий. Юра служил в команде, охранявшей дом Колчака. Эта служба избавляла его от фронта. Возможно, образ именно Юрия Сопова запечатлен в поэме Л. Мартынова «Адмиральский час»:

Вот юноша (неловок он
В шинели длинной, офицерской),
Насилует здоровый сон
Он по ночам в таверне мерзкой.
Но юноша идет туда
Не пить и не забавы ради –
Поэтов сонных череда
Там проплывает по эстраде.

Никто и предвидеть не мог, что жить этому мальчику в солдатской шинели и сложившемуся русскому/сибирскому поэту осталось считанные недели. А.А. Штырбул пишет, что в судьбе Юрия Сопова, как в зеркале, отразилась трагическая судьба российского народа в целом и, особо, его интеллигенции в один из самых страшных периодов российской истории...

Итак, рукопись книги перед нами. Автор постарался включить в неё всю, до мельчайших крупинок, выявленную на сегодня информацию о поэте.

И все же до обидного мало известно нам пока о Юрии Сопове, как, впрочем, и об Алексее Ачаире (Грызове) и многих других персонажах региональной истории. Остается надеяться на то, что со временем нам станет больше известно о прошлом.

Как гениально заметил древнегреческий мудрец, время всеильно, потому что оно открывает тайны. Пройдут годы и десятилетия, новый максимум информации о новых героях ушедшего в вечность времени (и тоже по крупным) будет собран. И новые исследователи, на новом уровне знаний и с позиций новой исторической реальности, напишут новые книги. Но мы живем в наше время, и читатель-современник узнает о судьбе Юрия Сопова из книги А.А. Штырбула, которую в скором времени он будет держать в руках.

Завершая размышления о книге, её герое и времени, канувшем в вечность, нельзя не поддержать пожелание автора исследования – А.А. Штырбула. Действительно на месте трагической гибели Юрия Сопова, на стене этого печального дома, следовало бы установить мемориальную плиту в память о безвременно и трагически ушедшем поэте. И на здании, где помещалось Землемерное училище, в котором учился Юрий, мемориальная плита была бы нелишней...

Хочется верить, что, несмотря на отсутствие мемориальных досок, благодаря новому исследованию Юрий Сопов будет жить в памяти грядущих поколений, и значит – будет жить среди людей.

Ведь поэты не умирают.
Потому что они – бессмертны.

К слову сказать, региональная история, если её рассматривать через призму пожелания об увековечивании памяти Ю. Сопова, мягко говоря, вообще обделена вниманием. Многих и многих памятников, малых скульптурных форм и мемориальных досок не досчитывается наш город... Боюсь, что его 300-летие ситуацию не исправит.

Однако вернёмся к книге. Одно из бесспорных её достоинств – сочетание высокого академического уровня научного исследования с доступностью и занимательностью изложения материала.

Представленное исследование является важным шагом в изучении проблем отечественной истории и литературы судьбоносного и переломного для российской цивилизации периода. Работа вносит весомый вклад в развитие как омского краеведения, так и сибирского регионоведения.

-
1. Шангин М. С. И не только характер... Омск, 2002.
 2. Штырбул А. А. Никита Ефимович Ишмаев: историко-биографическое исследование. Омск, 2009; Его же. Александр Сергеевич Сливко: первый ректор ОмГПИ: историко-биографическое исследование. Омск, 2009.
 3. Штырбул А. А. Покушение на Колчака: историческое расследование. Омск, 2012.

Л. И. ОГОРОДНИКОВА (Омск),
Исторический архив Омской области

ОБЗОР РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО (ИСТОРИЧЕСКОГО) АРХИВА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ С ДОКУМЕНТАМИ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Омский губернский архив был создан в феврале 1920 г. Но еще до его создания в 1918 г. сбором и спасением архивных документов занимался ЗСОРГО. Его председатель А. Н. Седельников писал в Омский областной Совет народных комиссаров, что омские архивы заслуживают особо бережного отношения к себе, так как хранят в себе неоценимые материалы о прошлом Западной Сибири. В «белый» период и ЗСОРГО, и Министерство народного просвещения

Российского правительства также занимались сбором архивных материалов. 12 октября 1918 г. при ЗСОРГО была создана комиссия, получившая название «Архив войны». Её главной задачей был сбор документов периода Первой мировой войны, советской власти, текущего периода. Собирались документы, фотографии, дневники, листовки. В сентябре 1919 г. весь собранный материал был передан в Особый отдел Управления делами Верховного правителя и Совета Министров.

В ноябре 1919 г. часть из них была подготовлена к эвакуации, часть осталась в Омске и попала в созданный Омский губернский архив, значительная часть документов была утрачена. В июне 1919 г. МВД Российского правительства направило циркуляр всем управляющим губерниями и областями Сибири о приведении архивов в порядок и запрещении уничтожения каких-либо дел, в том числе и текущего делопроизводства. Но события Гражданской войны привели к массовому уничтожению документов – были разгромлены архивы Омского военно-окружного суда, штаба Омского военного округа, тюремные архивы и др. В результате эвакуации часть омских архивов осела в городах Сибири. Главной задачей созданного Омского губернского архива стало спасение документов от гибели и утраты. Это было на данном этапе основной целью. Документы белого Омска были в основном не описаны, но обращения в архив потребовали их приоритетного и быстрее разбора, описания.

Уже в 1920 г. архивисты участвовали в подготовке материалов об убытках, причиненных хозяйству и населению Омской губернии в период колчаковщины, часть документов была использована во время судебного процесса над колчаковскими министрами. Началась подготовка документов этого периода для передачи в Москву по указанию Центрархива, который признал их имеющими общегосударственное значение. Таковые должны были храниться в Москве. После переезда Сибархива в Ново-Николаевск (Новосибирск) с 1 января 1924 г. документы сначала отправлялись туда, большая часть из них отправлялась в Москву. Не столь важные, по мнению специалистов, документы возвращались в Омск. 8 вагонов с документами белого Омска были отправлены в Москву. В Омске осталось более 50 фондов.

В этот период (1922–1923) в штате архива работало три сотрудника, и ни одного с высшим образованием.

В соответствии с циркуляром Центрархива РСФСР от 2 июня 1924 г. документы с февраля 1917 г., независимо от их содержания, включались в политическую секцию (так называемый архив Октябрьской революции). К десятой годовщине Октября совместно с краевым музеем была подготовлена выставка документов периода Октябрьской революции и Гражданской войны. В последующий период продолжалось описание и использование документов.

В 1938 г. архивные органы были переданы в ведение НКВД, где находились до 1961 г. Архивисты были вынуждены исключить из научного оборота

большие комплексы документов. Значительная их часть, в том числе фонды периода Гражданской войны и первых лет советской власти, были засекречены, резко был ограничен доступ исследователей в архивы.

В годы Великой Отечественной войны основной для омских архивистов была работа с документами Гражданской войны. По указанию ГАУ СССР от 9 августа 1941 г. государственными архивами производилось выявление документов о борьбе населения в этот период. Омскими архивистами был сделан акцент на документы, описывающие участие сибиряков в борьбе с колчаковцами. Архивисты выступали на эту тему с лекциями перед трудовыми коллективами, делали многочисленные выставки, омская периодическая печать охотно помещала статьи сотрудников архива Ярошенко, Котюкова, Сыромятникова на эту тему. В 1943 г. для оперативного использования органами УНКВД и НКГБ были составлены обзоры-справки по документам периода Гражданской войны. Выставки экспонировались в Омском гарнизонном доме офицеров, Доме политпросвещения. За годы войны по этой тематике было составлено около 30 тысяч тематических карточек.

В 1940–1950-е гг. проходил интенсивный обмен фондов по территориальному принципу между архивами. Так, в 1947 г. из Омска были переданы дела периода Гражданской войны в Центральный архив Красной Армии, архивы Казахстана, Сибири. А в последующем 1948 г. Омск получил фонды Омского окружного суда, Прокурора Омского окружного суда из государственных архивов Иркутской и Томской областей.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. по заданию Главного архивного управления СССР все архивы страны занимались каталогизацией секретных фондов. Создавались картотеки на так называемых лишенцев – лиц, лишённых избирательных прав. Занимался этой работой и Государственный архив Омской области. Составлялись именные карточки на шпионов, секретных сотрудников, служащих, членов министерств Временного Сибирского и колчаковского правительств, служащих учреждений белого Омска, осужденных Омским губревтрибуналом за контрреволюционные выступления, белых офицеров, членов антисоветских партий, кулаков, дезертиров РККА, иностранных подданных, военнопленных Первой мировой войны, служителей религиозного культа с указанием номеров фондов, дел и листов. В 1956 г. в этой картотеке отдела секретных фондов значилось 118 514 карточек, систематизированных по алфавиту¹. В 1957 г. в нее были влиты 7100 карточек, составленных по газетам колчаковского периода на тех же лиц². В конце 1980-х гг., когда в архиве проходило массовое рассекречивание документов, эта картотека стала доступна для всех сотрудников архива. Была приведена в порядок её систематизация, сотрудники архива активно использовали ее при исполнении различных запросов, подготовке научных работ и публикаций документов.

В 2013 г. сотрудники Центра изучения истории Гражданской войны начали составление электронной картотеки на участников белого движения из массива этой картотеки.

Параллельно с этой работой в советское время составлялись алфавиты на политических арестованных и расстрелянных при Колчаке³. В 1948 г. сотрудники архива составляли тематическую картотеку «Освобождение Сибири от белых и установление Советской власти». В 1954 г. в связи с большим количеством запросов на бывших партизан и красногвардейцев были составлены алфавиты на 7484 фамилии. Целенаправленно проходила в архиве каталогизация документов этого периода⁴.

В 1950-е гг. изменившаяся обстановка в стране активизировала публикационную работу архивов. Эти годы для омского архива были отмечены взлетом публикационной деятельности. Вышел ряд сборников и брошюр по истории революции, Гражданской войны – «Омск в дни Октября и установления Советской власти 1917–1919 гг.», «Омские большевики в борьбе за власть Советов 1917–1920 гг.», «Омские большевики в период Октябрьской революции и упрочения Советской власти 1917–1918 гг.», «В огне революции и Гражданской войны», «В борьбе с контрреволюцией». И хотя подбор документов был тенденциозным, но в ряд сборников были включены документы белого движения – впервые они включались в научный оборот. Были включены в некоторые сборники документы из фондов ГАОО и ЦГАОР СССР. И это было для архивистов и историков шагом вперед.

В 1950-е гг. омское радио периодически передавало в эфир тексты статей омских архивистов на эти темы. В 1957 г. статья «Венгерские коммунисты в борьбе за Советскую власть в Омске» Главным управлением радиовещания была передана для радиослушателей Венгерской народной республики. Публиковались статьи Н.В. Горбаня (первым в Омске получившего учёную степень кандидата исторических наук), В.И. Стрельского, Н.С. Колмогорова в центральной и региональной прессе.

Старший научный сотрудник Николай Сергеевич Колмогоров первый в Омске выявил документы о красных мадьярах и их участии в Октябрьской революции и Гражданской войне, разыскал некоторых из оставшихся в живых. С него началось общество советско-венгерской дружбы.

В 1957 г. Омское отделение Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР издало его работу «Восстание омских рабочих против Колчака 22 декабря 1918 года», а через год – брошюру «Венгерские военнопленные в борьбе за власть Советов в Омске». Он собрал богатый материал для книги «Красные мадьяры», закончить которую не успел из-за трагического несчастного случая в 1965 г. Её завершил его коллега Владимир Семенович Познанский – будущий доктор исторических наук. В результате общественной деятельности Н.С. Колмогорова были установлены мемориальные доски, по-

священные К. Лигети, редакции венгерской газеты «Форрадалом», штабу венгерских коммунистов в Омске.

В 1960-е гг. работа с документами периода Гражданской войны продолжалась. В 1960 г. по заданию Главархива СССР был составлен и направлен в его адрес перечень документов об участии иностранных граждан в период Гражданской войны⁵. В 1963 г. проходила каталогизация документов о партизанском движении⁶.

В конце 1980-х гг. в архивах страны началось массовое рассекречивание документов. В ГАОО были рассекречены все фонды белого периода.

В 2000 г. архивом был выигран грант Фонда Сороса на подготовку сайта в Интернете «Белый Омск». Им стал справочник-путеводитель по фондам белого периода Государственного архива Омской области. Более 50 этих фондов, оставшихся на хранении в Омске, газетный фонд были просмотрены, в справочник включены статьи на эти фонды, фотодокументы, списки фондов, переданных из Омска, и другой научно-справочный аппарат. Здесь был размещен и тематический обзор документов «Гражданская война в Сибири», составленный в период рассекречивания сотрудником отдела использования и публикации документов Н.Г. Линчевской.

В последующий период интерес к документам на данную тему немного ослаб. В читальном зале немногие исследователи использовали документы белого периода. Но образование Центра изучения истории Гражданской войны на базе Исторического архива Омской области, создание постоянных и временных экспозиций, работа по комплектованию архива новыми документами значительно повысили интерес к данной теме. Из многих архивов страны поступили копии документов периода Гражданской войны, воспоминания ее участников. Были сформированы и пополняются ныне коллекция документов об адмирале Колчаке, коллекции документов участников Гражданской войны, а также о событиях Гражданской войны.

¹ Исторический архив Омской области. Ф. Р-715. Оп. 1. Д. 252. Л. 9.

² Там же.

³ Там же. Д. 267. Л. 4.

⁴ Там же. Д. 228. Л. 4 об.

⁵ Там же. Д. 301. Л. 2.

⁶ Там же. Д. 326. Л. 1.

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ В ТРЕТЬЕЙ СТОЛИЦЕ. 1919 Г. СТРАНИЦА БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА

Начавшиеся в последнее десятилетие изучение сибирской биографии Всеволода Вячеславовича Иванова и публикация его ранней прозы и публицистики, написанной в 1916–1919 гг.¹, открыли дорогу исследованию лучших произведений писателя. Творчество Иванова, имя которого в 1920-е гг. в советской России и за ее пределами было овеяно заслуженной славой, в конце XX в. оказалось сброшенным с «парохода современности». Сейчас, когда стали доступны многие архивные документы и когда трагические периоды истории России, к которым относится Гражданская война, перестали оценивать однозначно, произведения Иванова, освобожденные от купюр и исправлений, сделанных в угоду тем или иным идеологическим моментам, прочитываются и понимаются по-новому.

Это касается и самой известной повести (1921) и одноименной пьесы (1927) «Бронепоезд 14-69», с успехом шедшей на протяжении многих лет в театрах советской России и за ее пределами. Мало кто знает, что текст пьесы на протяжении многих лет подвергался редакторской, режиссерской и вынужденной авторской правке и в том виде, в котором известен современному читателю, далек от оригинала. Среди рецензий на премьерный спектакль (8 ноября 1927 г.) во МХАТе были такие, которые могут сейчас вызвать удивление. Так, Н. Павлов в статье «Два поколения» отмечал, что симпатии зрителей в мхатовском спектакле неминуемо должны вызвать «чистенькие», «интеллигентные», «истеричные, но обаятельные «белые», очень напоминающие героев пьесы М. А. Булгакова «Дни Турбиных», а не народный вождь Вершинин, «расслабленный старый студент» – председатель ревкома Пеклеванов и прочие «красные» персонажи². Исследователь творчества Иванова М. В. Минокин, в 1960-е гг. обнаруживший в Историческом архиве Омской области фрагменты неизвестной повести Иванова «Фарфоровая избушка», написанной в 1920 г. и отразившей впечатления писателя от жизни интеллигенции в Третьей столице, считал, что материал этого никогда не публиковавшегося произведения частично вошел в повесть «Бронепоезд 14-69», в те ее части, где речь идет о белом капитане Незеласове. Иванов «хорошо показал переживания интеллигентов, очутившихся между молотом и наковальней <...>, как говорится, “изнутри” изобразил стан белогвардейщины, начиная с представителей высшего командования и кончая самарскими беженцами...»³. Понятно, что в 1960–1980-е гг. исследования в этом направлении по идеологическим причинам не приветствовались.

На сегодняшний день мы располагаем большим количеством разных материалов, обнаруженных в сибирских архивах и региональной периодике, из

которых следует, что Иванов в 1919 г. в Омске посещал разные литературные кружки, печатался в белогвардейской прессе, был близко знаком с поэтами и писателями из «стана Колчака», редакторами центральных изданий, политиками и военными. Реалии столичной жизни, а также жизни белой армии, которую Иванов видел во время своей поездки на фронт в сентябре – ноябре 1919 г. в качестве корреспондента газеты Сибирского казачьего войска «Сибирский казак», нашли отражение в его прозе и драматургии конца 1910–1920-х гг. Попробуем восстановить отношение писателя к людям, с которыми он общался тогда, и начнем с «высшего командования» – Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака.

Известен рассказ Иванова о том, как он в начале 1919 г. встретил Колчака в доме писателя А. С. Сорокина и имел с ним беседу о литературе, в ходе которой адмирал, отдавая должное таланту А. Блока и М. Горького, предполагал повесить их, «когда возьмем Москву»⁴.

Правда это или вымысел, до сих пор ответа на этот вопрос нет. Поэт Л. Мартынов, хорошо знавший склонность Сорокина к мистификациям, предположил, что это был «один из сорокинских трюков»: «Полагаю, что Антон Семенович, издеваясь над Всеволодом Вячеславовичем, выдал какого-нибудь шутника за адмирала Колчака. <...> Позже, в двадцатых годах, мне нередко приходилось “встречать” у Сорокина известных поэтов и писателей, которые никогда не были в Омске...»⁵. Другой сибирский писатель, также живший в Омске в 1919 г. и близко друживший с Ивановым, Н. Анов, напротив, считал, что рассказ о встрече с Колчаком сочинил сам писатель. В письме литературоведу Н. Яновскому от 8 декабря 1971 г., написанном после публикации в 1965 г. в сибирской периодике воспоминаний писателей К. Урманова и Г. Дружинина, содержащих, как утверждал Анов, «небылицы», которые «пятнают крупное литературное имя Иванова», он отмечал: «Всеволод Вячеславович, разумеется, сам виноват в первую очередь. Подвела его неудержимая фантазия. <...> С Колчаком он никогда не встречался. В чем-чем, а в уме и образованности Колчаку нельзя отказать. Пообещать повесить Блока, как только белые войдут в Петроград, – это чушь!»⁶. Анов вообще в своих опубликованных и неопубликованных воспоминаниях и в романе «Интервенция в Омске», защищая Иванова, представлял его чуть ли не большевиком, чего никогда не было на самом деле. Так, комментируя воспоминания Г. Дружинина, в которых тот писал об участии Иванова в поездке адмирала Колчака на фронт и его очерке, опубликованном после поездки, Анов утверждал, что это «ни в коем случае не мог быть» Всеволод Вячеславович, «хотя бы по той простой причине, что любая охрана не допустила бы его на пароход, на котором Колчак отправлялся в инспекционную поездку. У Всеволода была единственная замызанная суконная рубашка»⁷. Ответственность за очерк возлагалась на писателя Вс. Ник. Иванова. Сейчас уже документировано, что Иванов ездил на

белый фронт, правда, не сопровождая адмирала, и писал об этом («У черты. Очерки фронта»)⁸.

Воспоминания Мартынова и Анова, безусловно, заслуживают доверия, но надо иметь в виду, что они были написаны уже в 1960–1970-е гг. В 1932 г. оба писателя были арестованы и проходили по делу № 122613 «Сибирской бригады», и им были предъявлены обвинения в участии в антисоветской группе «Памир», пропаганде антисоветских идей через художественные произведения и апологетике адмирала А. В. Колчака⁹. Имя Вс. Иванова на допросах не упоминалось, хотя, работая рядом с Ановым в редакции журнала «Красная новь» и поддерживая тесные дружеские отношения, он мог знать о существовании группы. Можно предположить, исходя из вышесказанного, что в воспоминаниях об Иванове Мартынов и Анов далеко не все рассказали о нем.

Что касается отношения Иванова в 1919 г. к Верховному Правителю, здесь мы встречаем в мемуарах самые противоречивые указания. А. Сорокин в воспоминаниях-доносах, которые он посылал в 1920-е гг. в редакции советских периодических изданий и писательские организации, утверждал, что Иванов, работая в колчаковской газете «Вперед», непосредственно общался и с адмиралом, и с казачьими атаманами, и с союзниками: «...я устраиваю Иванова в передвижную газету <...> Нужно упомянуть, что редактор передвижной газеты на самом деле был главным фактическим помощником Колчака, и в его вагоне собирался весь махровый цвет контрреволюции, разные Дутовы, Анненковы, Красильниковы, Гайды и прочие, все посланники и представители иностранных миссий. Там я разговаривал с Танакой, Жаненом, профессором Устряловым, Ключниковым, Ноксом и один раз с Колчаком <...>. Конечно, Иванова вначале, как наборщика, не пускали в этот вагон, но вскоре талантливые рассказы против пролетариата внушили доверие»¹⁰. Поэт Г. Дружинин, вспоминая, как они с Ивановым проходили в 1919 г. мимо личной резиденции адмирала Колчака, приводит такие слова писателя: «Сатрап! – злобно прошептал Вс. Иванов, озираясь на окна адмирала. – Когда только черт унесет его отсюда. Вот с кем не хотел бы свидеться!»¹¹ А К. Урманов, провожавший Иванова на вокзале на восток в ноябре 1919 г., вслед за отступающей армией, в черновике своей статьи «Наша юность. Страницы воспоминаний» (Сибирские огни. 1965. № 2) цитирует высказывание друга, в котором прочитывается другое отношение: «Путешественники намечают только маршрут, а что случается с ними, люди узнают после, когда будут написаны мемории... Колчак сказал: “Я буду отступать с армией...”»¹²

Когда мы восстанавливаем отношение писателя к тому или иному историческому лицу или событию, думается, прежде всего следует обращаться не к воспоминаниям, авторы которых могли или не помнить того, что было сорок лет назад, или руководствоваться своими причинами, восстанавливая те или иные слова, а к его собственному творчеству.

В известных на сегодняшний момент прозе и публицистике Вс. Иванова 1919 г. имя А.В. Колчака нигде не называется. Написанная в 1921 г. повесть «Партизаны» передает восприятие крестьян. Старая крестьянка в «Партизанах» толком не знает, кто такой Колчак: «Все не русские какие-то. Чехи, говорят, поставили, из австрияков. Пленный он, что ли?.. <...> Я морокую, из пленных в Германскую войну. В Расееи так там царица». Описывая разговор с плотником Кубдей, Иванов вкладывает в его слова народный взгляд: «Ну, а воюют-то почто? Вот из-за царства и воюют. Тут-то Толчак самый, а там Кумыния... Не поделили что-то, а крестьяне отдувайся...»¹³

В пьесе «Бронепоезд 14-69», как нам представляется, передан и другой взгляд – взгляд писателя Вс. Иванова, наблюдавшего в Омске весь период управления Омского правительства и видевшего завершившую его трагедию эвакуации и отступления. В воспоминаниях «История моих книг» Иванов давал характеристику капитану белого бронепоезда капитану Незеласову: «...поставил командиром его умного, влиятельного, волевого, хотя и измученного войной белогвардейца»¹⁴.

В тексте первой редакции пьесы, которая никогда не ставилась на сцене и напечатана только в одном издании в 1931 г., есть сюжетный поворот, не вошедший ни в какие последующие варианты и редакции и, как нам представляется, отсылающий к политической биографии Верховного правителя А.В. Колчака. Видимо, эта сюжетная линия, как и «крестьянский» эпилог, были исключены из пьесы еще до ее постановки, на стадии согласования с Главреперткомом. Известно, что летом 1927 г. пьесы Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» и М. Булгакова «Дни Турбиных» не допускались Главреперткомом к постановке¹⁵. Среди действующих лиц пьесы назван «представитель японского командования»¹⁶, по имени Танака Муцци. В первом действии он, полный «любви к русскому народу», сообщает Незеласову, что японцы отомстили красным партизанам за гибель своего отряда и сожгли крестьянские селения. Но, как правильно понимает Незеласов, японское командование боится партизан в тайге и под предлогом «предотвратить пролитие лишней крови» хочет направить его бронепоезд против них, «чтобы безопасно вывезти генералов». Незеласов не соглашается: «Мой бронепоезд защищает семью» (с. 20). В ответ Танака обещает: «Японско-американское командование берет вашу семью под свою защиту» (там же). За словами Танаки, видимо, скрывается символический смысл, ибо трудно предположить, что союзные силы будут защищать семью беженца из Самары, хотя бы и командира бронепоезда. В ходе действия ни о какой поддержке японского и американского командования речи не идет. В последнем действии пьесы, уже после смерти Незеласова и перехода бронепоезда к красным, тот же представитель японского командования, упоминая о своей любви к русской литературе, заявляет командиру партизан Вершинину, что «в борьбе русских армий за овладение городом оно решило соблюдать нейтралитет» (с. 68). Вер-

шинин удивлен, партизан Васька Окорок запевает известную частушку: «Табак английский, / Мундир российский, / Погон японский, / Правитель Омский...» В других вариантах и редакциях пьесы персонажа с именем Танака Муцци нет, весь мотив предательства иностранных союзников отсутствует, а решение Незеласова вести бронепоезд в тайгу мотивировано его личным честолюбием и по сути является предательством Родины. «Саша! Ты на пороге счастья! – говорит капитану его невеста Варя. – Союзники вспомнили твои подвиги. Разве генерал Спасский посылает тебя в тайгу? Американцы. Сибирь будет принадлежать не генералу Спасскому, а американцам. Помогите им раздавить партизан»¹⁷. В полубезумных словах Незеласова в финале пьесы мотив предательства подтверждается: «...я отдаю Россию американцам в колонию! Нет больше России. И не нужна она никому! <...> А сейчас я открою дверь и во тьме и в тишине проберусь по насыпи к американцам»¹⁸. Сравним заключительную сцену в первой редакции пьесы:

Обаб. Больно тихо. Боязно.

Незеласов. Люди... Люди и должны бояться. Всего должны бояться. Бога, родины, своих близких, самого себя. И темноты, темноты тоже... <...>

Обаб. Александр Николаевич, разрешите... Я сам поведу поезд...

Незеласов (*подходя к нему вплотную*). Вы поведете... Вы?.. Ведите, ведите, Обаб. Послушайте, Обаб, но вы весь тоже в жару... Пощупайте стену, а затем свою голову. <...> Щенка за окно выкинули – и наступила тишина. (*Становится на колени.*) Встань со мной рядом, прапорщик Обаб. Поблагодарим за тишину... Низко... (с. 65–66).

Это последние слова Незеласова в пьесе 1927 г. В тексте повести они были другими и подвергались авторской правке. В журнальном варианте Незеласов вспоминал перед смертью «котлеты из свиного мяса» в ресторане «Олимпия», а в варианте, вошедшем через несколько лет в собрание сочинений, говорил: «Благодарю тебя, Россия... мир... все славянство... за тишину»¹⁹. О России Незеласов думает и в первой редакции пьесы. После слов о спасении России: «Я могу объявить себя диктатором и спасти Россию... Мы недоступны! Мы разгромим...» (с. 46) капитан хватается за голову и опускается на скамейку. Далее в пьесе практически повторяется текст повести: в ответ на реплику Обаба: «Лечиться надо, Александр Николаевич...», Незеласов отвечает: «Сталь не лечат. Я всю жизнь убежден был! И ошибся, оказывается. А об ошибке-то хорошо перед смертью, в старости догадаться...» (там же). Во второй редакции пьесы слова об ошибке отсутствуют.

Примеры изменения и сокращения текста пьесы Иванова «Бронепоезд 14-69», направленного на создание образа «озлобленного врага народа», можно было бы умножить. В результате всех правок герой из человека, любящего Родину,

совершившего трагическую ошибку и преданного теми, кому он поверил, превращается во «внутренне опустошенного, растленного человека», лишенного «самого святого – чувства Родины»²⁰. Мы не беремся утверждать, что адмирал А.В. Колчак был прямым прототипом капитана Незеласова, скорее, Иванов создавал собирательный образ русского интеллигента, ставшего заложником истории, но, думается, представленный материал проливает некоторый свет на отношение писателя к трагическим событиям начала XX в., свидетелем которых он оказался.

¹ См.: Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества. М., 2010. С. 8–169; Папкина Е. А. Сибирская биография Всеволода Иванова // Москва. 2013. № 12. С. 124–144.

² Новый зритель. 1927. № 47. С. 4–6.

³ Минокин М. В. Путь Всеволода Иванова к роману. 20-е годы. Орел, 1966. С. 30–31.

⁴ Впервые: Звезда Прииртышья (Павлодар) 1964. 25, 28, 29, 31 января и 4 февраля. Цит. по: Иванов Вс. Собр. соч. В. 8 т. Т. 8. М., 1978. С. 291.

⁵ Мартынов Л. История одной вражды // Всеволод Иванов – писатель и человек. М., 1975. С. 78.

⁶ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-272. Оп. 1. Д. 140. Л. 22–23.

⁷ Анов Н. Сколько было Всеволодов Ивановичей // Там же. Ф. 272. Оп. 1. Д. 210. Л. 7.

⁸ См.: Папкина Е. А. Сибирская биография Всеволода Иванова. С. 139–142.

⁹ См. об этом: Поварцов С. Вакансия поэта // Сын Гиперборея (книга о поэте). Омск, 1997. С. 59–62.

¹⁰ Сорокин А. От корыта до устриц и шампанского // ГИАОО. Ф. Р-1073. Оп. 1. Д. 368. Л. 3.

¹¹ Дружинин Г. Его молодость // Простор (Алма-Ата). 1965. № 3. С. 48.

¹² Центр истории Новосибирской книги. ПФ-КУ. Оп. 5. № 9.

¹³ Иванов Вс. Партизаны. М., 1922. С. 12.

¹⁴ Иванов Вс. История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 144.

¹⁵ См. об этом: Папкина Е. А. Книга Всеволода Иванова «Тайное тайных»: На перекрестке советской идеологии и национальной традиции. М., 2012. С. 302–303.

¹⁶ Иванов Вс. Собр. соч. В 7 т. Т. 6. М., 1931. С. 19. Далее в тексте статьи даются ссылки на это издание с указанием страниц в скобках.

¹⁷ Иванов Вс. Бронепоезд 14-69. Пьеса в 4 д. Новая редакция. М., 1952. С. 13.

¹⁸ Там же. С. 50.

¹⁹ Иванов Вс. Собр. соч. Т. 1. М.–Л., 1928. С. 88.

²⁰ Судаков И. Режиссерский комментарий к пьесе Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» // Иванов Вс. Бронепоезд 14-69. Новая редакция. С. 75.

РОЛЬ КАЗАЧЕСТВА В ПОДАВЛЕНИИ ПОВСТАНЧЕСКОГО И ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

В тяжелые годы Гражданской войны Верховный правитель адмирал А. В. Колчак высоко оценивал вклад казачества в дело борьбы «с разрушителями Русского государственного дела – большевиками...»¹. За отличие в боях при подавлении восстания в Енисейской губернии отрядом правительственных войск, в состав которого входил 1-й Енисейский казачий полк, уполномоченный Верховного правителя генерал-лейтенант С. Н. Розанов получил следующую телеграмму, подписанную в Омске 30 июня 1919 г. А. В. Колчаком: «Благодарю Вас всех начальников, офицеров, стрелков, казаков за отлично выполненную работу»².

Енисейская губерния была регионом, где восстания и мятежи вспыхивали постоянно. Первым наиболее массовым было минусинское крестьянское восстание, начавшееся в конце 1918 г. В советское время о нём было опубликовано немало воспоминаний, документов и статей. Новые архивные документы и эмигрантские источники позволяют дополнить историю этого восстания и раскрыть роль правительственных войск и казачества в его подавлении. Для ликвидации антиправительственного выступления в Минусинском уезде в Иркутске был сформирован экспедиционный отряд под командованием забайкальского казака генерал-майора Ивана Федоровича Шильникова. В состав отряда вошли учебная команда 10-го Байкальского стрелкового полка и одноорудийная горно-конная батарея. В Минусинске к ним присоединились 1-я, 5-я сотня и учебная команда 1-го Енисейского казачьего полка, Атаманская сотня Енисейского казачьего войска (ЕКВ), Красноярская учебная команда с пулеметами и некоторые другие части³.

В станицы Таштыпскую и Монокскую Войсковым управлением ЕКВ был «послан офицер Ананий Шахматов чтобы организовать эти станицы к случаю сильного наступления противника». Выяснив ситуацию на месте, Шахматов организовал мобилизацию и отправку на помощь Минусинску из Таштыпа 40 казаков. Из Монокской и Арбатской станиц казаки остались на месте, так как «им угрожали крестьяне Иудинской и Бейской волостей»⁴.

В Минусинске «вместо растерянных отцов города власть в свои руки взял войсковой старшина Енисейского казачьего войска Сидоров. По его требованию была объявлена мобилизация благонадежных граждан»⁵.

Как сообщил 22 ноября 1918 г. из Минусинска по телефону временно исполняющий обязанности атамана А. Н. Тялшинский председателю войскового управления С. А. Шахматову, «...противник имел нахальство наступать на го-

род...»⁶ Наступающими была открыта «интенсивная» стрельба из охотничьих ружей, винтовок и обзоров по защитникам города. У обороняющихся правительственных войск «появилось 5-6 раненых, что вероятно подбодрило красных, они начали пытаться перейти в атаку с криком “ура”. Обороняющиеся части, которых было в несколько раз меньше, начали отходить к городу», несмотря на то, что у них имелась пушка, из которой «открылась довольно частая стрельба», но снаряды быстро закончились⁷.

Генерал Шильников, который на фронте во время Первой мировой войны командовал сотней, полком, потом дивизией, приказал готовить к конной атаке 1-й Енисейский казачий полк. Генерал первым ринулся в атаку на наступавшего противника, следом за ним пошли начальник штаба есаул Бекович-Валуйский, командир полка хорунжий Розанов и часть казаков полка. В этой атаке 21 ноября 1918 г. хорунжий Розанов был контужен ударом дубиной по голове, но остался в строю. Потери енисейских казаков под Минусинском составили: был убит урядник Самарин из станицы Таштыпской, а из станицы Саянской – казак Солдатов. Бежавший противник был встречен у деревни Листвяговой Бузуновскими казаками и крестьянами Абаканской волости. По их сообщению, «они убили 300 человек, а 97 – привели в плен»⁸.

Чтобы защитить станицы от «грабительских банд», к Шильникову стали обращаться представители казачьих станиц с просьбой разрешить организацию дружин с правом носить оружие. На таком обращении председателя Таштыпской волостной земской управы А. Я. Добрачева и управляющего Абаканским железодельным заводом Д. Ю. Зеберга генерал-майор Шильников поставил визу: «начальнику района на распоряжение». А председатель войскового управления Енисейского казачьего войска С. А. Шахматов предоставил генералу И. Ф. Шильникову «список станиц со сведениями о количестве потребного для них оружия». В станицу Таштыпскую требовалось 50 винтовок и 80 шашек, а в Монокскую – 25 винтовок и 50 шашек⁹.

Вопрос о создании самоохранных станичных дружин и обеспечении станичных казаков оружием обсуждался делегатами 5-го Большого круга ЕКВ 19 февраля 1919 г. После этого часть оружия в станицы стала выдаваться из арсеналов 1-го Енисейского казачьего полка. Например, в станицу Торгашинскую передали 24 винтовки Веттерли-Витали и 750 патронов к ним.

Во время рейда экспедиционного правительственного отряда по Минусинскому уезду генерал Шильников встречался с населением и беседовал с ним. На одной из таких встреч казаки пообещали найти скрывшегося организатора восстания Кульчицкого и доставить его к генералу. В 12 верстах от села Дубенского на заимке казаки его обнаружили и доставили в Минусинск способом, который генерал Шильников не одобрил. Они надели Кульчицкому «петлю на шею, а другой конец веревки привязали к гужам хомута» и рысью погнали лошадь до Минусинска. Как вспоминал Н. А. Мартынов, «но и казаков надо по-

нять, которым Кульчицкий причинил много морального и материального расстройства... призывал к восстанию... обзывал казаков предателями, нагаечниками, чего они не могли ему простить...». Известно, что Кульчицкого «судил суд, составленный генералом Шильниковым из местных казачьих деятелей, из которых не все на это охотно пошли, но суд все же состоялся и Кульчицкий был приговорен к смертной казни...»¹⁰

«Отцами города, почтенными гражданами и купечеством» был устроен банкет в Собрании пожарного депо для командования и чинов экспедиционного отряда. В центре сидел генерал Шильников, около него городской голова г. Минусинска и уполномоченный министерства снабжения. На банкете присутствовали все чины отряда, как офицеры, так и рядовые – в том числе хорунжий Розанов и казаки его полка.

В силу того, что Енисейская губерния в годы Гражданской войны стала главным центром партизанского движения в Сибири, основной задачей енисейских казаков стала борьба с партизанами¹¹. По мнению М. Г. Тарасова, вооруженное противостояние партизан и казаков стало прямым продолжением острого земельного противостояния между казачеством и крестьянством, сложившегося еще в предреволюционное время. Политические и идеологические причины играли в данном случае второстепенную роль¹².

Казачьи сотни 1-го Енисейского казачьего полка, находящиеся в Енисейской губернии, постоянно были в командировках. По сообщению сотника Г. К. Бологова, выступившего с информацией «Полк и служба» на 5-м Большом круге ЕКВ, более двух сотен в Красноярске никогда не было. В приказах по полку за 1919 г. называют несколько фронтов против партизан: Ирбейский, Канский, Ачинский, Манский, Тасеевский и другие. Частыми были командировки в Минусинск и Урянхай. Вот только краткий перечень некоторых командировок офицеров и казаков. 21 апреля 1919 г. свыше 80 человек 1-й сотни отправились на Ирбейский фронт¹³. Туда же убыла через два дня 3-я сотня полка. 30 мая на «фронт в Канский уезд» выехало шесть офицеров пулеметной команды и с ними 61 казак. 25 июня 1919 г. с Тасеевского фронта в Красноярск вернулась 4-я сотня полка (всего 106 человек) во главе с есаулом Шабалиным¹⁴.

Офицеры 1-го Енисейского казачьего полка часто назначались командующими правительственных групп войск и отрядов, которые действовали против повстанцев и партизан. Командир полка хорунжий Василий Иванович Розанов разрешенный 28-дневный отпуск до конца не использовал и 10 апреля 1919 г. убыл на Манский фронт. С 22 апреля он был назначен командующим всеми вооруженными силами Ирбейской группы войск, в состав которой входили казаки его полка.

«В июне 1919 г. белые и интервенты уничтожили Степно-Баджейскую республику. Разбитая партизанская «армия» в ужасном морально-психологическом состоянии бежала вглубь безлюдной тайги»¹⁵.

Приказом командующего Ирбейской группы войск от 19 июня 1919 г. «за мужество и храбрость, проявленную в боях с красными при подавлении восстания в Канском уезде на Манском фронте» 34 казака 1-го Енисейского казачьего полка получили очередные воинские звания. Так, вахмистр команды связи Шошкин был переименован в подхорунжийе, а казак этой же команды Филос Шахматов – в старшие урядники¹⁶.

При подавлении Енисейско-Маклаковского восстания в феврале 1919 г. отличилась команда лыжников казачьего полка во главе с подхорунжим Михаилом Скобеевым¹⁷. А отряд под командованием подхорунжего Власова ликвидировал 4 ноября 1919 г. при помощи крестьян в районе деревни Можар крупный партизанский отряд Копылова¹⁸.

Из-за боев с партизанами и восставшими мятежниками потери личного состава 1-го Енисейского казачьего полка были постоянными. 16 июня 1919 г. на Тасеевском фронте были убиты казаки 4-й сотни из Таштыпской станицы Моргачев Вениамин Тимофеевич и Селятин Спиридон Егорович. 18 июня там же, во время боя с партизанами, были ранены казаки 4-й сотни Псарев Макар, Василевский Павел и Петров Иван. Они были эвакуированы с Тасеевского фронта на излечение в город Енисейск. 23 июня 1919 г. появились еще раненые казаки, которых отправили уже в Красноярский военный госпиталь.

Остатки войск Степно-Баджейской республики под командованием А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина, «совершив тяжелейший переход по тайге, горными тропами ушли на юг, в Минусинский уезд», где заняли Каратуз. При отходе партизанской «армии» в Урянхай казачий отряд сотника Г. К. Бологова дважды нанес им поражение – под селом Ермаковским и южнее деревни Григорьевской¹⁹. Позже в отряд вошла 6-я сотня 3-го Сибирского стрелкового полка.

В Урянхайском крае под Белоцарском в августе 1919 г. 1-й Енисейский казачий полк, входивший в отряд Бологова, понес наибольший урон за весь период борьбы против партизан. Историки (В. А. Шулдяков, А. П. Шекшеев, А. В. Мармышев и А. Г. Елисеенко), исследовавшие материалы по Белоцарскому бою, в своих работах указывают только приближенные потери, которые по разным источникам значительно отличаются. Омский ученый В. А. Шулдяков, не называя количество погибших, сообщает о 75% потере личного состава в казачьих сотнях енисейцев²⁰.

Ниже приводятся точные сведения потерь 1-го Енисейского казачьего полка в этом бою, нигде ранее не публиковавшиеся. Как передал в своем донесении командир 4-й сотни есаул И. М. Шабалин, в бою под Белоцарском 16 августа 1919 г. потери 1-й сотни: «сотник Малышев, 63 казака, 72 лошади, 67 седел, 2 пулемета Льюиса». В 4-й сотне погибли офицеры хорунжий Фон-Эзерский, прапорщик Трофимов, 62 казака, утеряны 93 лошади, 96 седел, 1 пулемет Льюиса. Из пулеметной команды погибли прапорщик Жданов, 14 казаков, а также

были утеряны 4 пулемета. В команде связи потери составили: 9 казаков, 3 лошади, 5 седел, 1 пулемет «Максим». Был ранен и сам Бологов²¹.

Войсковой атаман Енисейского казачьего войска и главный начальник Усинско-Урянхайского края Генерального штаба генерал-майор В. Л. Попов посетил в Минусинске доставленных туда раненых «при последних боях в Урянхае» и наградил Георгиевскими крестами тех из них, кто спас офицеров и кто имел полученные в рукопашных схватках штыковые раны²².

По документам, обнаруженным иркутским ученым П. А. Новиковым, кроме енисейских казаков с партизанами в районе Канска Енисейской губернии и Нижнеудинска Иркутской губернии оперировали иркутские казаки из состава Иркутского казачьего полка²³.

Казаки были основной военной силой при подавлении повстанческого и партизанского движения в Енисейской губернии. Против партизан действовали 1-й и 2-й Енисейские казачьи полки, станичные дружины самообороны енисейских казаков, 6-я сотня 3-го Сибирского казачьего полка, Иркутский казачий полк. Кроме того, казаки возглавляли группы войск и правительственные отряды, которые к середине 1919 г. подавили все имевшиеся восстания, уничтожили или вытеснили из Енисейской губернии большую часть партизанских отрядов. Роль казачества в годы Гражданской войны трудно переоценить.

¹ Грамота Российского правительства казачьим войскам // Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, 1928. С. 378.

² Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 39940. Оп. 1. Д. 9. Л. 208.

³ Там же. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 283. Л. 34.

⁴ Там же. Л. 35.

⁵ Мармышев А. В., Елисеенко А. Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008. С. 88.

⁶ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 283. Л. 34.

⁷ Мартынов Н. А. Красное коммунистическое антиправительственное движение против власти Верховного Правителя Адмирала Колчака в Енисейской губернии, начавшееся в ноябре 1918 года. Рукопись хранится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США). С. 6.

⁸ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 283. Л. 34, 35.

⁹ Там же. Л. 51–53.

¹⁰ Мартынов Н. А. Указ. соч. С. 11–12.

¹¹ Тарасов М. Г. Енисейское казачество в годы революции и Гражданской войны. 1917–1922: монография. М., 2011. С. 88.

¹² Там же. С. 89.

¹³ РГВА. Ф. 39940. Оп. 1. Д. 9. Л. 134 об., 135.

¹⁴ Там же. Л. 195.

¹⁵ Шудяков В. А. Гибель Сибирского казачьего войска. Кн. 1. М., 2004. С. 325.

¹⁶ РГВА. Ф. 39940. Оп. 1. Д. 9. Л. 198.

¹⁷ Мармышев А. В., Елисеенко А. Г. Указ. соч. С. 122, 124.

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р–149. Оп. 8. Д. 12. Л. 229; Балмасов С. С. Отряды особого назначения и борьба против партизанского движения в Сибири колчаковских правительственных структур // Белая гвардия. № 6. С. 76.

¹⁹ Шуляков В. А. Указ. соч. С. 326.

²⁰ Шуляков В. А. Сибирские казаки в Урянхайском крае (1918–1919): неизвестная страница Гражданской войны // Современные научные исследования: теория, методология, практика. Т. 3. Омск, 2008. С. 127.

²¹ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 290. Л. 82.

²² Шуляков В. А. Сибирские казаки в Урянхайском крае... С. 127.

²³ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 289. Л. 87.

Д. И. ПЕТИН, Н. А. КОНОВАЛОВА (Омск),
Исторический архив Омской области

КАПИТОН БАТЮШКИН: ДОПОЛНЯЯ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Бывшая личная резиденция Верховного правителя, где с 2012 г. расположен Центр изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, представляет собой колоритный историко-архитектурный памятник города Омска и является одним из тех мест, которые по праву можно назвать брендом региона. Среди краеведов и людей, неравнодушных к истории родного города, он знаменит не иначе как «особняк Батюшкина». Пребывание столь известной и значимой для своего времени и истории России персоны, какой был адмирал А. В. Колчак, неминуемо вызвало исследовательский интерес к личности бывшего владельца резиденции Верховного правителя – Капитона Алексеевича Батюшкина (1859–1927) – педагога, чиновника и общественного деятеля, жившего в Омске.

По причине «политической неудобности» личности Верховного правителя А. В. Колчака и всего, что с ним было связано (в том числе и бытовые аспекты его пребывания в Омске), особняк по адресу улица Береговая (ныне – Иртышская набережная), дом 9 и его владелец долгое время были в тени. Память об адмирале и доме, где он проживал в течение почти года, хранилась лишь среди омских обывателей. Только в годы «перестройки», а также в «постсоветский» период исторической науки в целом, и омского краеведения в частности, исследователи обратили свой взор на Капитона Батюшкина. Создание Центра изучения истории Гражданской войны пробудило дополнительный интерес общественности к зданию и его истории. В итоге во многом благодаря «влиянию» устной истории особняк и личность его первого владельца были овеяны многочисленными легендами, которые повествуются до сих пор.

Среди появившихся в течение последних двух десятилетий публикаций об особняке К. А. Батюшкина имеются газетные и справочные статьи, а также научные и публицистические исследования¹. Все они, в той или иной степени, добавляют свои штрихи к историческому портрету К. А. Батюшкина. Их авторы, будучи «солидарными» друг с другом во многих взглядах, дублируют или дополняют уже имеющиеся биографические сведения о Капитоне Батюшкине. Однако исследователи разошлись во мнениях о сословной принадлежности этого человека.

Так, омский краевед А. М. Лосунов, посвятивший не одну публикацию резиденции Верховного правителя и личности первого владельца особняка, приводит сведения о том, что Капитон Батюшкин происходил из купеческого сословия². А. М. Лосунов в качестве основы для реконструкции биографии К. А. Батюшкина избрал послужной список последнего за 1914 г., хранящийся в Историческом архиве Омской области в фонде Омского окружного суда. С А. М. Лосуновым согласны многие другие исследователи истории Омска³.

Другая версия о сословной принадлежности К. А. Батюшкина приводится в «Памятной книжке Омской области» за 2011 г. В статье, посвящённой особняку по адресу улица Береговая, дом 9, отмечается, что Капитон Алексеевич никогда купцом не был, а происходил из дворянского сословия⁴. Но при этом не указано, какую документальную основу имеет высказанное в издании мнение.

Авторитетный новосибирский историк В. И. Шишкин в своей работе, посвящённой взрыву в резиденции Верховного правителя 25 августа 1919 г., говоря о Капитоне Батюшкине как о первом владельце дома, никак не характеризует сословную принадлежность этого человека⁵.

Начать изучение вопроса о сословной принадлежности К. А. Батюшкина, по нашему мнению, логично будет с самого раннего документа, связанного с жизнью этого человека. Он был найден в архивном фонде Омской духовной консистории. Это актовая запись о его появлении на свет, сделанная в метрической книге Пророко-Ильинской церкви города Омска. В актовой записи указано, что К. А. Батюшкин родился в Омске 26 февраля 1859 г. (по старому стилю) в семье уволенного от службы писаря, унтер-офицера Алексея Андреевича Батюшкина (ок. 1829–1879) и его законной супруги Ульяны Тимофеевны. Крещение состоялось 13 марта (по старому стилю) того же года. Крестил младенца иерей Порфирий Дюков с пономарём Полковым. Восприемниками значатся сын омского купца третьей гильдии Михаил Тимофеевич Кузьмин и жена омского купца третьей гильдии Федосья Васильевна Терехова. Этот же документ имеет пометку, свидетельствующую о том, что 20 августа 1874 г. (по старому стилю) Капитону Батюшкину была дана метрическая выписка о рождении «для поступления в училище» (имеется в виду Омская учительская семинария – *прим. авт.*)⁶.

Подтверждает сведения из указанного выше документа другой источник, который ранее не привлекался исследователями для реконструкции биогра-

фии К. А. Батюшкина. Это его личное дело, хранящееся в фонде Омского губернского финансового отдела⁷. Основная часть документов дела представлена справками и анкетой, которые датируются 1923 г. Наибольший интерес представляет анкета, заполненная К. А. Батюшкиным 1 ноября 1923 г. при поступлении на службу в Омский губернский финансовый отдел на должность счетовода. В графе «профессия (специальность)» Капитон Батюшкин указал «учитель». О своём социальном положении и происхождении он пишет: «сын кантониста». В то же время, в актовой записи Пророко-Ильинской церкви города Омска о смерти отца Капитона – Алексея Андреевича Батюшкина – значится, что покойный, скончавшийся 26 января 1879 г. от воспаления лёгких, был купцом второй гильдии города Верного (ныне – Алма-Ата)⁸.

Таким образом, вопрос о социальном происхождении К. А. Батюшкина имеет всё же некоторую неоднозначность, поскольку в совокупности нам известны несколько документов, сообщающих разнящиеся сведения о сословной принадлежности Капитона Батюшкина. Но с чем же связано это фактическое расхождение: с ошибкой, допущенной при регистрации ребёнка, или с интерпретацией желаемого за действительное со стороны самого Капитона Алексеевича в царской России, а затем – попыткой избежать определения его к классово чуждым большевизму «буржуазным элементам» в документе, составленном в 20-е гг. XX в.?

Во многом обозначенный вопрос поясняется документом, датированным 6 мая 1880 г. Это письмо Семиреченского областного правления (город Верный) в Омское городовое полицейское управление. В документе сказано, что в связи с тем, что 25 января 1879 г. А. А. Батюшкин скончался, его вдова просит исключить своего сына Капитона из купеческого сословия, поскольку он на тот момент поступил на действительную службу учителем в Ильинское приходское училище (учебное заведение Министерства народного просвещения). Благодаря тому же письму удалось установить важные сведения – состав семьи Алексея и Ульяны Батюшкиных: у Капитона Алексеевича был брат (к 1880 г. уже умерший), а также четыре сестры – Александра, Мария, Фелицата и Анна (к 1880 г. вышла замуж). Из текста документа ясно, что ходатайство У. Т. Батюшкиной было удовлетворено. При этом незамужние дочери (до вступления в замужество) и вдова Алексея Батюшкина оставались в купеческом звании, а сыновья из него исключались. Капитон Батюшкин фактически переходил в мещанское сословие⁹.

Для уточнения также следует обратиться и к законодательству Российской империи в сфере регулирования социально-правового положения купеческого сословия. Согласно «Положению о пошлинах за право торговли и других промыслов», вступившему в силу 1 января 1863 г. (с уточнениями от 9 февраля 1865 г.), в сословное купеческое свидетельство, выдаваемое на имя мужа, могла быть внесена жена, а вот в выданное на имя жены свидетельство муж

внесен быть не мог¹⁰. Поэтому, женившись в 1891 г. на Елизавете Егоровне (Григорьевне) Тереховой, дочери купца второй гильдии Егора Екимовича Терехова¹¹, коллежский ассессор, штатный смотритель Кузнецкого уездного училища К.А. Батюшкин не смог бы автоматически получить принадлежность к купеческому сословию.

Но к моменту появления формулярного списка К.А. Батюшкина, где говорится о том, что Капитон Алексеевич имеет купеческое происхождение, произошли изменения в правовом положении купечества. Законодательные изменения значительно упрощали процесс вхождения новых лиц в это некогда закрытое сословие. В соответствии с «Положением о государственном промысловом налоге» от 8 июня 1898 г., вступившего в действие с 1 января 1899 г.¹², для занятия предпринимательской деятельностью становилось не обязательным выкупать гильдейское (купеческое) свидетельство, достаточно было приобрести промысловое свидетельство определенного разряда¹².

Промысловое свидетельство обходилось значительно дешевле. Оно позволяло приобретшему его человеку осуществлять предпринимательскую деятельность. При этом промысловое свидетельство не предоставляло сословные права, каковыми обладало купечество. Однако после проведения либеральных реформ в 60–70-х гг. XIX в. это уже не имело столь большого значения. Авторитетный историк сибирского купеческого сословия Ю.М. Гончаров отмечал, что изменение порядка налогообложения предпринимательской деятельности, в которой налогом облагался не предприниматель, а предприятие, привело к изменению социально-правового статуса купечества и к процессу размыwania этого сословия. В результате, с одной стороны, возникли так называемые «неторгующие купцы» – лица, не занимавшиеся предпринимательской деятельностью, но пользовавшиеся соответствующими сословными правами, в силу того, что выкупили гильдейское свидетельство и уплатили ежегодный промысловый налог. С другой стороны, появились так называемые «временные купцы», к числу которых относились предприниматели из других сословий на период действия приобретенного ими промыслового свидетельства¹³. Базируясь на высказанных аргументах, с определённой долей вероятности мы всё же можем высказывать предположение, что именно таким образом Капитон Батюшкин, в качестве так называемого «временного» купца, мог «вернуться» в сословие. Хотя этот эпизод жизни К.А. Батюшкина остаётся спорным.

В силу неполной сохранности документов Омской городской управы и разрозненности архивного фонда Омской казенной палаты нам не удалось найти подтверждения факта получения К.А. Батюшкиным промысловых свидетельств на право занятия предпринимательской деятельностью. Но в фонде Омской казенной палаты, в той её части, которая с 60-х гг. XX в. находится на постоянном хранении в Центральном государственном архиве Республики Казахстан, имеется дело о выборах на четырёхлетие 1903–1906 гг. городских

торговых депутатов. В деле отложилось несколько документов, связанных с Капитоном Батюшкиным. В частности, «чиновник Батюшкин» значится в списке лиц, баллотировавшихся на выборах в торговые депутаты по городу Омску, по состоянию на 16 января 1903 г. Этот документ был составлен 6 марта 1903 г. Омским городским головой Н.П. Остапенко и направлен в Омскую казённую палату. К.А. Батюшкин вместе со штабс-капитаном А.С. Александровым большинством голосов был избран в торговые депутаты по городу Омску, на основании чего 3 ноября 1903 г. получил от Омской казённой палаты соответствующий открытый лист (удостоверение), что было необходимым для осуществления должностных полномочий¹⁴. Однако спустя приблизительно месяц Капитон Батюшкин пишет письмо на имя податного инспектора Омского участка Акмолинской области, где, ссылаясь на расстроенное здоровье, просит освободить его от исполнения обязанностей торгового депутата. И уже 13 декабря 1903 г. податный инспектор обратился в Омскую казённую палату с просьбой возбуждения ходатайства перед губернатором Акмолинской области о выборах нового торгового депутата¹⁵.

Тем не менее найденные документы о К.А. Батюшкине не только проливают свет на его жизнь в дореволюционный период и сословную принадлежность, но и фрагментарно повествуют о его судьбе в советской России.

К.А. Батюшкина не миновала участь всех лиц, имевших в собственности крупные объекты недвижимости и земельные участки. Известно, что его имение, находившееся близ станицы Ачаирская Омского уезда (в 45 верстах от Омска) в конце 1919 г. было национализировано и превращено в ферму «Агросоюз», или, как писали одно время в документах, «совхоз б.[ывшего] им.[ения] Батюшкина»¹⁶.

В начале 20-х гг. XX в. ходе активного процесса муниципализации имущества в Омске и знаменитый особняк перешёл в собственность города. Но примечателен факт, что бывшим владельцем дома, муниципализированного 23 мая 1923 г., значится не Капитон Алексеевич, а его супруга Елизавета Георгиевна Батюшкина. Муниципализированный объект был отнесён городскими властями к группе II, в которую входили различные товарищества, крупные дома, городские общества, училища, гимназии, религиозные общины и конюшни¹⁷.

До поступления на службу в Омский губернский финансовый отдел (при советской власти) К.А. Батюшкин приблизительно в течение года (начиная с декабря 1919 г.) работал управляющим совхоза в Омском уезде (по всей видимости, в своём же бывшем имении). Затем в течение двух лет он служил в Сибирском округе путей сообщения инструктором бюро нормирования (относился к категории «старших сотрудников»). Однако в апреле 1923 г. он был уволен по причине сокращения штатов¹⁸. Также Капитон Батюшкин преподавал в это время счетоводство на вечерних курсах в Омском губернском союзе. Проживал в 1920-х гг. вместе с женой в центральной части города Омска по

адресу улица Бригадная, дом 33 (позднее улица Красных Орлов, в 2008 г. улица упразднена)¹⁹.

В ходе проведения исследования нам фрагментарно удалось установить сведения о трёх детях семьи Капитона и Елизаветы Батюшкиных. Старший сын Александр в 1915 г. окончил Омский кадетский корпус и был выпущен в военное училище²⁰. Второй сын Николай в 1915 г. проходил обучение на естественном отделении физико-математического факультета Петроградского университета, но, не окончив его, был призван в армию. Закончил 2-ю Петроградскую школу прапорщиков. Принимал участие в Первой мировой войне. В июне 1918 г. подал прошение в Омское сельскохозяйственное училище с просьбой о зачислении его студентом²¹. Однако в связи с начавшейся Гражданской войной обучение не продолжил. Служил в отрядах атаманов Красильникова и Анненкова в чине ротмистра, участвовал в Великом Сибирском походе. С конца 1920 г. Николай Батюшкин жил в Харбине и, по его словам, с 1929 г. не имел связи с родственниками²².

Согласно имеющимся отдельным документам одна из дочерей К.А. Батюшкина – Мария – на момент 17 сентября 1918 г. значилась счетоводом мукомольно-технического отделения хлебо-фуражного отдела Министерства продовольствия Временного Сибирского правительства. В начале 1920-х гг. она жила в городе Омске и работала в должности счетовода в Сибирском округе путей сообщения²³.

До настоящего времени наиболее поздним и обобщённым упоминанием о жизни в городе Омске Капитона Батюшкина являлась его принадлежность к числу прихожан Пророко-Ильинской церкви города Омска в середине 20-х гг. XX в.²⁴ Нам удалось выявить сведения и о том, как ушёл из жизни первый владелец знаменитого в Омске дома. Капитон Алексеевич Батюшкин скончался в Омске 29 июля 1927 г. от брюшного тифа. Последним местом его жизни стал дом по адресу улица Коммунистическая, дом 47²⁵.

¹ Корзенников Н. Под марш Мендельсона // Омская правда. 1988. 24 сентября. С. 3. Лосунов А.М. Дом Батюшкина – памятник истории и архитектуры Омска // Тезисы областной научно-практической конференции «Памятники истории и культуры Омской области». Вып. 1. Омск, 1989. С. 26–28; Вибе П.П. Особняк Батюшкина // Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 192; Шихатов И. Дом купца Батюшкина (Омские мифы) // Зеркало. 1994. 2–8 ноября. С. 4; Лосунов А.М. По призванию учитель, по совместительству – купец (штрихи к портрету К.А. Батюшкина) // Архивный вестник. 2005. № 13. С. 193–195; Бывший особняк К.А. Батюшкина на ул. Береговой. 1902 // Памятная книжка Омской области. Год 2011: Информационно-статистический сборник. Омск, 2012. С. 168–169 и др.

² Лосунов А.М. Дом Батюшкина – памятник истории и архитектуры Омска // Тезисы областной научно-практической конференции «Памятники истории и культуры Омской области». Вып. 1. Омск, 1989. С. 26–28; Его же. По призванию учитель, по совмести-

тельству – купец (штрихи к портрету К. А. Батюшкина) // Архивный вестник. 2005. № 13. С. 193–195; Его же. Омский адрес Верховного правителя. Омск, 2011.

³ Корзенников Н. Под марш Мендельсона // Омская правда. 1988. 24 сентября. С. 3; Вибе П. П. Особняк Батюшкина // Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 192.

⁴ Бывший особняк К. А. Батюшкина на ул. Береговой. 1902 // Памятная книжка Омской области. Год 2011: Информационно-статистический сборник. Омск, 2012. С. 168–169. См. также: Шихатов И. Дом купца Батюшкина (Омские мифы) // Зеркало. 1994. 2–8 ноября. С. 4.

⁵ Шишкин В. И. Взрыв в усадьбе Верховного правителя 25 августа 1919 г. // Гражданская война в Сибири: Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции. Омск, 2013. С. 161–173.

⁶ Исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. 16. Оп. 2. Д. 276. Л. 201 об.–202.

⁷ ГИАОО. Ф. Р-238. Оп. 3. Д. 148.

⁸ ГИАОО. Ф. 16. Оп. 8. Д. 34. Т. 2. Л. 248 об.–249. Кантонист – в Российской империи в первую половину XIX в. солдатский сын, прикрепленный со дня рождения к военному ведомству и подготовлявшийся к несению солдатской службы в особой низшей военной школе.

⁹ ГИАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 743. Л. 414–416. Данный документ был выявлен и предоставлен авторам главным архивистом отдела использования и публикации Исторического архива Омской области Н. С. Храповой.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание 2. Т. XL. № 41779. С. 167.

¹¹ ГИАОО. Ф. 16. Оп. 4. Д. 25. Л. 207 об.–208; Оп. 6. Д. 213. Л. 93 об.–94.

¹² ПСЗРИ. Собрание 3. Т. XVIII. № 15601. С. 489–515.

¹³ Гончаров Ю. М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М., 1998. С. 95.

¹⁴ Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК). Ф. И-342. Оп. 1. Д. 560. Л. 25, 26 об., 28, 112, 140. Документы о К. А. Батюшкине в фондах ЦГА РК были выявлены в 2007 г. и предоставлены авторам в 2013 г. начальником архивного управления Министерства культуры Омской области, кандидатом исторических наук Г. И. Растягаевой.

¹⁵ ЦГА РК. Ф. И-342. Оп. 1. Д. 560. Л. 138, 139.

¹⁶ ГИАОО. Ф. Р-981. Оп. 1. Д. 739. Л. 33.

¹⁷ Муниципализированный фонд по городу Омску 1923–1925 годов / сост. В. К. Шель, В. И. Селюк. Омск, 2014. С. 14, 79.

¹⁸ ГИАОО. Ф. Р-981. Оп. 1. Д. 781. Л. 116 об.

¹⁹ ГИАОО. Ф. Р-238. Оп. 3. Д. 148. Л. 3–3 об.; Ф. Р-981. Оп. 1. Д. 781. Л. 66 об.

²⁰ Первый Сибирский Императора Александра I кадетский корпус. 1813–1938. Шанхай, 1940. С. 403.

²¹ ГИАОО. Ф. Р-492. Оп. 6. Д. 5. Л. 1-5. Данные документы о Н. К. Батюшкине были выявлены и предоставлены авторам в 2014 г. руководителем Исторического архива Омской области О. Д. Пугачёвой.

²² Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 3251. Л. 1 об., 2, 14 об., 18.

²³ ГИАОО. Ф. Р-981. Оп. 1. Д. 511. Л. 158, 160.

²⁴ Лосунов А. М. Омский адрес Верховного правителя. Омск, 2011. С. 33.

²⁵ Отдел объединённого архива г. Омска управления ЗАГС Главного государственно-правового управления Омской области. Фонд городского отдела ЗАГС г. Омска. Актовая книга о смерти за 1927 г. Запись № 1305.

Д. И. ПЕТИН, Н. А. КОНОВАЛОВА (Омск),
Исторический архив Омской области

БЫВШИЕ БЕЛЫЕ ОФИЦЕРЫ В ЗЕРКАЛЕ МАССОВЫХ ДОКУМЕНТОВ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Белый и красный. Это два цвета, ставших знаковыми в новейшей истории России. Долгое время красный цвет символизировал историческую правду, а люди, причастные к «движению этого цвета», имели почёт, награды и мемориалы. Белый цвет, напротив, символизировал идейную несостоятельность, а граждане, отстаивающие идеалы белого движения, подвергались особому контролю, дискриминации и общественному презрению. Какое-либо упоминание о причастности своих родных и близких к антибольшевистскому движению в советские годы для большинства наших соотечественников было делом крайне нежелательным, а в иные моменты даже опасным.

Политические процессы, происходившие в нашей стране в течение последнего десятилетия XX в., послужили причиной существенных изменений в ценностях общества, в области отечественных исторических исследований, в сфере интереса простого обывателя. Их следствием стало массовое и повсеместное рассекречивание документов государственных и ведомственных архивохранилищ на федеральном и региональном уровнях. Рассекречиванию подверглись и многие архивные документы, связанные с периодом Гражданской войны и её персоналиями (главным образом, с антибольшевистским движением). Доступность некогда закрытой информации повлекла за собой большое количество запросов в архивы от граждан о родственниках – участниках антибольшевистского движения (офицерах белой армии, военных чиновниках, казаках и солдатах) или подвигла их на самостоятельные поиски в читальных залах архивов.

Значительная часть архивных документов по истории белого движения в 20-е гг. XX в. из Омска (как и из всей Сибири) была передана в федеральные архивы. Несмотря на это, в Историческом архиве Омской области сохранился большой объём источников периода первых лет советской власти, где отложился пласт документов о бывших офицерах белой армии. Основная часть этих документов представляет собой формализованные бланки, применявшиеся для учёта бывших офицеров белой и императорской армий – анкеты, именные и послуж-

ные списки. Они отложились в ряде архивных фондов, в документации, связанной с ведением военного учёта и мобилизационными мероприятиями, проводимыми на территории Омской губернии в первые годы советской власти¹.

Для того чтобы представить особенности возникновения этих источников и их информативные возможности в освещении офицерского состава белой армии, необходимо обратиться к истории возникновения, специфике проведения, времени начала и завершения учёта бывших белых офицеров.

В то же время необходимо указать, что в терминологии советской власти понятие «бывший белый офицер», как социальный маркер, было достаточно широким. Ключевыми определениями для отнесения человека к этой категории являлись наличие воинского звания (классного чина), входящего в «Табель о рангах», и занятие соответствующей командно-административной должности. В результате в советской документации в категорию бывших белых офицеров входили преимущественно офицеры и военные чиновники всех рангов. Кроме того, сюда же причислялись лица, имевшие неофицерские (по «Табели о рангах») воинские звания, но занимавшие по причине острого кадрового дефицита офицерские, военно-административные и военно-хозяйственные должности. Это юнкера, портупей-юнкера, зауряд-прапорщики, подпрапорщики, вольноопределяющиеся, зауряд-военные чиновники и кандидаты на классные должности.

Появление столь важного и информативного источника, которыми являются анкеты и списки бывших офицеров и военных чиновников, связано с тем, что РККА в первые годы советской власти ощущала серьёзный кадровый дефицит. В общевоинские подразделения и части требовалось большое количество лиц, имевших боевой опыт, для назначения на должности младшего и среднего командного состава. Ресурс для пополнения Красной Армии советская власть увидела в бывших белых офицерах и в офицерах Русской императорской армии. Соответственно, перед Реввоенсоветом Республики (далее – РВСР) встал задача выявить этих военных специалистов, поставить их на особый учёт, а впоследствии необходимую и подходящую часть из них привлечь на службу в ряды Красной Армии.

Для этого постановлением заместителя председателя РВСР Э.М. Склянского от 16 апреля 1919 г. при Управлении делами РВСР была создана Особая временная комиссия по учёту бывших офицеров. Эта комиссия проводила проверку только в Московском военном округе. Результатом проверки стало подтверждение тезиса высшего советского руководства, что в гражданских высших учебных, а также в тыловых учреждениях военного ведомства имеется большой контингент неиспользованного командного состава, который на тот момент занимал хозяйственные, канцелярские и другие подобные им должности².

Для РВСР также стало очевидным, что обеспечить Красную Армию командным составом можно путём планомерной и систематической проверки бывших офицеров, находившихся не только в пределах Московского военного

округа, но и на всей территории советской республики. Так было решено образовать губернские отделы Особой комиссии по учёту бывших офицеров.

2 июля 1919 г. Совет Рабоче-Крестьянской обороны республики издает подробную инструкцию по учёту офицеров старой и белой армий. Но лишь 4 сентября 1920 г. был издан приказ РВСР, широко известный современным специалистам как № 1728/326 / СС. Он вводил две главные документальные формы учёта бывших белых офицеров: анкету для бывших офицеров белой армии и именной список на бывших белых офицеров и военных чиновников.

Анкета состояла из 38 вопросов. В их число входили вопросы, касающиеся личных сведений о бывшем офицере белой армии (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения) и сведений о его ближайших родственниках (матери, отца, сестёр, братьев), в том числе рода их деятельности. Значительная часть закреплённых в анкете обязательных для ответа вопросов затрагивала аспекты военной службы и квалификации бывшего офицера: полученное военное образование, характер деятельности в период революции 1905 г., Первой мировой войны и в период с февраля по октябрь 1917 г. Были среди них и вопросы, затрагивающие идейные убеждения анкетированного: отношение к Октябрьской революции, к советской власти, характер политических настроений на сегодняшний день.

Губернские отделы особой комиссии по учёту бывших белых офицеров занимались тщательной проверкой персональных сведений, представленных бывшими офицерами³. Если на вопросы, касающиеся личных данных и военной службы, сказать неправду было сложно, то верифицировать вопросы идейного характера было достаточно проблематично в силу специфики самого вопроса о политических убеждениях. Как правило, ответ на них был клиширован: отношение к советской власти – лояльное, к революции – сочувственное.

Анкета составлялась в двух экземплярах: один экземпляр отправлялся в губернский военный комиссариат для дальнейшего отправления в окружной военкомат, другой экземпляр – в командное управление Всероссийского главного штаба⁴. При назначении бывшего белого офицера или военного чиновника в воинскую часть из окружного военного комиссариата один экземпляр анкеты отправлялся в ближайший отдел ВЧК–ОГПУ, а другой оставался в штабе или в учреждении для местного учёта⁵. К анкете прилагалась «краткая записка» с более подробным рассказом о службе бывшего офицера в рядах белой армии.

Другой обязательной формой учёта, закреплённой приказом РВСР № 1728/326/СС, был именной список на бывших белых офицеров и военных чиновников. Он должен был содержать такие сведения, как фамилия, имя, отчество, место рождения, бывший чин, наименование белой армии, в которой служил офицер, род войск, сведения, откуда прибыл офицер, полученное им назначение или причины перемещения.

В этих формализованных бланках по учёту бывших офицеров белой армии не было «праздных» вопросов, диктуемых простым любопытством. Все они имели

прикладное значение. Так, интересуясь, уроженцем какой области был бывший белый офицер, советское военное руководство хотело избежать его назначения в этой местности, опасаясь наличия у него связей. Из-за подобных же опасений советское военное руководство не назначало бывших белых офицеров в места их пленения или добровольной сдачи, в места постоянного жительства⁶.

Помимо форм, введённых указанным выше приказом РВСР, существовала ещё одна (на этот раз более традиционная, доставшаяся по сути из дореволюционной армии) форма учёта всего военнообязанного населения в советском государстве, в том числе и бывших офицеров и военных чиновников белой армии. Это послужные списки, отложившиеся в большом количестве в архивном фонде Омского губернского военкомата (Р-217). Их форма была закреплена во «Временном руководстве по учёту и призыву лиц командного состава и административно-хозяйственной службы» (в § 24 г.) приказа РВСР № 1947 от 20 ноября 1919 г.⁷

Послужной список составлялся на уволенных или демобилизованных лиц и отправлялся в губернский военный комиссариат, по району которого увольняемый подлежал первоначальному учёту. Последней записью в нём должна была быть отметка о том, каким приказом РВСР бывший офицер был уволен со службы. Анкета и послужной список должны были сопровождать бывшего белого офицера при всех его дальнейших перемещениях (в том числе по гражданской сфере). Они посылались на имя военных комиссариатов по новому месту жительства не через самих лиц, а почтой и обязательно секретным порядком⁸.

Таким образом, массовый, обязательный и систематический характер учёта бывших офицеров и военных чиновников белой армии начал приобретать с конца 1920 г. Для обозначения данной категории советских граждан, в официальном делопроизводстве органов ВЧК–ОГПУ, связанном с ведением особого учёта бывших белогвардейцев, даже появляется специальный термин, тяготеющий к профессиональному сленгу – «особоучётник».

Как видно из анализа переписки и отчётных документов, вопрос особого учёта был достаточно важным. Штаб Западно-Сибирского военного округа требовал с Омского губернского комиссариата ежемесячных отчетов обо всех бывших белых офицерах, стоящих на учёте. Со временем сроки отчетности стали меняться. Уже в феврале 1924 г. Штаб Западно-Сибирского военного округа разослал всем губернским военным комиссарам сообщение о том, что отныне на командный и административный состав учётные документы нужно предоставлять два раза в год (по состоянию на 1 февраля и на 1 сентября), на всех остальных подлежащих особому учёту бывших белогвардейцев сроки остались ежемесячными. К пятому числу каждого месяца по-прежнему нужно было подавать именные списки на прибывших и убывших бывших белых офицеров⁹.

В приказах, касающихся учёта бывших белых офицеров, упоминалась ещё одна категория военных, потенциально «опасная» для советской власти и в то

же время привлекающая её своей квалификацией. Речь идет об офицерах Русской императорской армии. Стоит отметить, что к ним советская власть относилась более лояльно, чем к бывшим белым офицерам. Через год с момента начала службы в Красной Армии бывшие «старорежимные» офицеры и военные чиновники снимались с особого учёта. А имеющиеся по месту службы копии их анкетной карточки препровождались вместе с соответствующим представлением в командное управление Всероссийского главного штаба¹⁰.

В то же время бывшие белые офицеры и военные чиновники, попадая на службу в Красную Армию, продолжали оставаться на особом учёте, периодически подвергаясь переучёту. Такой переучёт состоялся в начале 1923 г. на основании распоряжения Штаба Западно-Сибирского военного округа № 691 от 11 января 1923 г. Переучёт распространялся на всех бывших белых офицеров и военных чиновников, как состоящих в то время на особом учете в органах ГПУ и уездных военкоматах, так и нигде не состоящих¹¹.

Привлекая бывших белых офицеров в ряды Красной Армии, РВСР всё же не терял бдительности, в какой-то мере рассматривая их как внутреннего врага. Так, в приказе по Западно-Сибирскому военному округу № 278 от 15 сентября 1920 г. значилось, что бывшие белые офицеры могли назначаться только в действующие или запасные части западного фронта или запасные части внутренних округов и только по соглашению с особыми отделами ВЧК. Во всех управлениях, учреждениях, заведениях и частях бывшие офицеры и военные чиновники белых армий не должны превышать 5% командного состава. С начала службы в Красной Армии бывшие офицеры и военные чиновники белых армий пользовались всеми правами, присвоенными лицам командного состава Красной Армии, за исключением права пользоваться в течение года службы отпуском¹².

Особый учёт бывших белых офицеров и военных чиновников, начавшийся в широком масштабе на рубеже 1919–1920 гг. и оставивший после себя массовые источники по персоналиям антибольшевистского движения на территории всего молодого советского государства, фактически к середине 1920-х гг. закончился. Здесь, по нашему мнению, можно обозначить два рубежных момента, связанных со знаковыми распорядительными документами.

Прежде всего это приказ РВС СССР № 191 от 19 февраля 1925 г., который снимал с особого учёта всех находящихся к этому моменту в рядах РККА и РККФ бывших белых офицеров и военных чиновников. Этот приказ вышел на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 11 февраля 1925 г. о снятии с особого учёта некоторых категорий бывших белых офицеров и военных чиновников. В постановлении отмечалось, что бывшие офицеры и военные чиновники белых армий, перешедшие на сторону советской власти, и в рядах Красной Армии и флота доказали свою преданность рабочему классу и Революции», в связи с чем снимаются с особого учёта¹³.

Чуть позже и ОГПУ издало 19 марта 1925 г. соответствующий циркуляр о порядке снятия с особого учета органов ОГПУ бывших офицеров и чиновников, служивших в белых армиях или проживавших на территории, занятой белогвардейцами. Рекомендовалось проводить кампанию по снятию с учёта бывших белых офицеров и военных чиновников с таким расчётом, чтобы «в итоге разгрузить особый учёт от лишнего балласта, оставив на таковом только действительно вредный и враждебный советской власти элемент, активно участвовавший в белом движении и способный в дальнейшем проявить свою активность»¹⁴. В этом же приказе отмечалось, что гласный особый учёт в значительной степени потерял свою остроту в связи с окончанием регистраций бывших белых во всесоюзном масштабе и изданием алфавитных сборников на бывших белогвардейцев.

Несмотря на то, что гласный учёт был прекращён, в феврале 1926 г. Омский окружной отдел ОГПУ направил в Омский окружной военный комиссариат документ с грифом «совершенно секретно», в котором доводил, что «в связи со снятием с особого учёта при органах ОГПУ б.[ывших] б.[елых] офицеров и воен[ных] чиновников, просим о каждом выбывшем, а также и о вновь прибывших на территорию Омск[ого] округа сообщать Омскому окр[ужному] отделу ОГПУ, с указанием когда и куда убыл и за каким военкоматом будет последний числиться на учёте, а также и о вновь прибывших»¹⁵.

Вторым ключевым документом в деле прекращения практики особого учёта бывших офицеров и военных чиновников белых армий стало постановление ЦИК СССР от 2 ноября 1927 г. Данным постановлением предписывалось окончательное снятие с особого учёта всех бывших офицеров и чиновников белых армий. Непосредственные мероприятия по реализации этого указания содержались в директиве Главного управления РККА № 767445 ВМ / 2 от 5 декабря 1927 г. Белые офицеры и военные чиновники, не лишённые избирательных прав, передавались на общий учёт запаса начальствующего состава, а лишённые зачислялись в тыловое ополчение. Данная директива обусловила не только полное прекращение учёта бывших белых офицеров военными, но и чекистами¹⁶.

В результате существования практики учёта бывших белых офицеров и военных чиновников были созданы информативные источники, как для генеалогических, так и для исследовательских поисков. Генеалогический аспект имеющихся анкет, именных и послужных списков на бывших белых офицеров и чиновников очевиден. Благодаря этим источникам многие граждане могут подтвердить семейные легенды о родственниках, служивших в рядах белой армии, узнать подробности этой службы, а также сведения персонального характера, которые также могут быть мало известны или не известны вообще.

Немаловажен и исследовательский аспект рассмотренных нами типов массовых документов о судьбах офицерства в советской России. Первостепенно, что анкеты и послужные списки являются репрезентативными и по праву уни-

кальными источниками для изучения не только командно-административного состава армии, но, прежде всего, целой прослойки советского общества в первую четверть XX в.

Не стоит забывать и другом немаловажном моменте, воплотить в жизнь какой возможно только лишь на основе этих документов. Популяризация сведений из этого источника в виде именного указателя по имеющимся делам, содержащим анкеты, именные и послужные списки на бывших белых офицеров и военных чиновников, позволит восстановить историческую справедливость, массово показать относительно Гражданской войны не только «победителей», но и «проигравших». Это исследование на стыке региональной истории и источниковедения позволит поставить мемориал тем, кто шёл за своими идеалами, но проиграл и вынужден был адаптироваться к той реальности, против которой когда-то боролся.

Офицерство для изучения российского общества в военно-революционный период 1914–1922 гг. представляет собой особую категорию, которая, с одной стороны, была активным участником военно-политических и социальных процессов, и с другой стороны – представители офицерства сполна ощутили на себе все последствия коллизий той беспощадной эпохи.

¹ Именные списки на бывших белых офицеров отложились в Историческом архиве Омской области (далее – ГИАОО) в составе более чем 30 фондов. Все три типа источников (анкеты, именные и послужные списки) представлены в архивном фонде Омского губернского военного комиссариата (Р-217).

² Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 133–134.

³ Там же. С. 235.

⁴ ГИАОО. Ф. Р-1400. Оп. 2. Д. 1. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 6 об.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Сборник приказов Революционного Военного Совета Республики за 1919 год. № 1947. С. 6 // Справочно-информационный фонд ГИАОО. Инв. № 1714.

⁸ ГИАОО. Ф. Р-217. Оп. 3. Д. 25. Л. 12.

⁹ Там же. Д. 16. Л. 3, 4.

¹⁰ ГИАОО. Ф. Р-1400. Оп. 2. Д. 1. Л. 6.

¹¹ ГИАОО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 903. Л. 26.

¹² ГИАОО. Ф. Р-1400. Оп. 2. Д. 1. Л. 6.

¹³ Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная Армия: Деятельность органов ВЧК – ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 594–595.

¹⁴ Там же. С. 596.

¹⁵ ГИАОО. Ф. Р-217. Оп. 3. Д. 28. Л. 24.

¹⁶ Абинякин Р. М. Особый учёт бывших белых офицеров в советской России и СССР в 1920-е гг. // Учёные записки Орловского государственного университета. 2010. № 3–1. С. 73.

ИЗ ИСТОРИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ТАРЕ И ТАРСКОМ УЕЗДЕ В 1919–1921 ГГ.

Политические процессы, происходившие в нашей стране в первой четверти XX века, коренным образом отразились на всех сторонах жизни российского общества. Первая мировая война, революции 1917 г., Гражданская война – события, оставившие свой отпечаток на всех сферах человеческой жизнедеятельности. Промышленность, сельское хозяйство, здравоохранение, образование, культура – всё претерпело изменения. Новой власти досталось тяжёлое наследие: разрушенная экономика и недостаток средств в казне. Тем не менее правительство повсеместно старалось восстановить важнейшие для россиян учреждения, в том числе и здравоохранение. Не стал исключением и древний сибирский городок, основанный в 1594 г., – Тара.

Тарский уездный отдел здравоохранения (Уздрав) был организован в конце 1919 г. и подчинялся исполкому Тарского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Задачами уездного отдела здравоохранения являлись охрана народного здоровья, борьба с эпидемиями инфекционных заболеваний, увеличение числа медицинских учреждений, охрана материнства и младенчества. Заведовал Уздравом в 1919–1920 гг. А. Кузнецов, затем, в 1920–1921 гг., Лаврентий Капитонович Афанасьев¹.

Со дня образования уездный отдел здравоохранения функционировал без подразделения на отделы, в штате были один заведующий и один делопроизводитель. С 1 мая 1920 г. при Уздраве были организованы подотделы – лечебный, фармацевтический, военно-санитарный, санитарно-эпидемический, охраны здоровья детей (с 1921 г. добавился общий подотдел), заведование которыми было возложено на врачей. Главные проблемы отдела на тот момент – это нехватка медперсонала, медикаментов, белья, отсутствие мануфактуры в городе и уезде для нужд больниц.

При отступлении колчаковских войск почти все лечебные заведения, особенно по пути следования, были подвергнуты полному или частичному разгрому. Из больниц были вывезены медикаменты, бельё и имущество. Особенно от действий отступающей армии пострадала Усть-Ишимская лечебница, где не только были вывезены имущество и медикаменты, но и пострадали сами здания больницы (больница была восстановлена и развёрнута на 20 коек в 1920 г.). Организованный белогвардейцами во время их нахождения в Таре местный лазарет был оставлен без медикаментов и инвентаря. Отступающие войска не только варварски разграбили имущество больниц, но и оставили после себя больных тифом. Только в Таре было оставлено 400 человек².

В 1919 г. в городе и уезде началась эпидемия сыпного тифа, медиков катастрофически не хватало. Массовое отсутствие медперсонала во всех лечебных заведениях объяснялось усиленной их мобилизацией на военную службу при правлении Колчака, а также тем, что войска при отступлении часть врачей и фельдшеров увезли с собой (из Тевризской, Усть-Ишимской лечебниц и др.) Из медицинского персонала после ухода белогвардейцев в городе остались только больные тифом.

Осенью 1919 г. в Таре функционировало одно лечебное заведение – местный лазарет, оставленный белыми. Заведовал лазаретом врач Иван Васильевич Щеглов, который впоследствии умер от сыпного тифа, и работали три фельдшера³. Под лазарет было занято здание женской гимназии, и отделу народного хозяйства было поручено срочно изготовить 50 кроватей. 24 ноября 1919 г. были привлечены женщины Тары «из более состоятельного класса»⁴, для сбора посуды и шитья белья для лазарета. Лечебное учреждение было развёрнуто на 150 коек. При лазарете была устроена амбулатория для солдат и милиционеров. 15 января 1920 г. местный лазарет из женской гимназии был переведён в приспособленный для больницы дом. С уходом из Тары частей войск лазарет был переименован в заразную больницу для гражданского населения⁵. Заведовал заразной больницей врач Иосиф Иосифович Венцлицкий⁶. После сокращения эпидемии тифа временная заразная больница была закрыта с 1 мая 1920 г. и переведена как заразное отделение в уездную больницу.

21 ноября 1919 г. город приступил к устройству и оборудованию детской больницы⁷. Часть необходимого собрали добровольцы, часть имущества поступило из домов, оставленных людьми, бежавшими с белыми. Для привлечения медперсонала на работу с больными тифом были приняты меры⁸. Все медико-санитарные работники, служившие в учреждениях, где лечились больные сыпным тифом и другими острозаразными болезнями, обеспечивались продовольствием в норме тылового красноармейского пайка (хлебом, рыбой, овощами, сахаром, мылом, табаком, спичками)⁹. В декабре 1919 г. в соответствии с постановлением пленума ВЦСПС, с целью улучшения экономического положения медиков, работающих в условиях риска заражения сыпным тифом, Наркомом труда были утверждены следующие положения. Работающие в условиях риска при непосредственном соприкосновении с больными и заразными объектами (одеждой, бельём) или около больных сыпным тифом получали прибавку к тарифной сетке 50 %, при условии, если они не получают за сверхурочные работы. При этом медицинскими работниками считались работающие в больницах, госпиталях, бараках, сыпнотифозных корпусах, санпунктах, амбулаториях, приёмных покоях и пр. К медработникам относились весь медицинский персонал: врачи, фельдшеры, медсёстры, сиделки, санитары, няни, акушерки, массажистки, имеющие непосредственную связь с сыпнотифозными больными. В небольших лечебных учреждениях, не имеющих корпусной системы от-

деления, но имеющих тифозных больных, все служащие считались подверженными риску заражения. Указанная прибавка устанавливалась с 1 января 1920 г.¹⁰

В конце 1919 г. было введено пособие семьям медработников, погибшим от эпидемии сыпного тифа. Пособие выплачивалось из эпидемического фонда Отдела здравоохранения по месту жительства семьи погибшего и не зависело от того, где и в каком ведомстве он работал. Размер пособия зависел от количества нетрудоспособных членов семьи и не превышал средний месячный оклад. Пособие выдавалось авансом в счёт будущей пенсии и потом высчитывалось из неё¹¹.

Для восстановления больных, переболевших тифом и другими тяжёлыми заболеваниями, осуществлялась, по возможности, отправка на курортное лечение на озёра Боровое и Карачи¹².

К началу 1920 г. в Таре действовали три больницы: уездная сельская больница на 110 коек, городская больница на 60 коек и детская больница на 40 коек. Заведовал Тарской уездной сельской больницей врач Дмитрий Глебов, 36 лет. В этой же больнице работала врач Фейга Ариевна Глебова, 35 лет¹³. Заведовал городской больницей врач Виктор Борисович Шевченко¹⁴. Заведовала детской больницей в 1919 г. Анна Григорьевна Базилянская, 35 лет, в 1920 г. – Феодосий Прокопьевич Наранович, 48 лет¹⁵. В 1920 г. в Таре работал зубо врачебный кабинет, в котором работали зубные врачи Валентина Эдуардовна Блэндовская и Ксения Яковлевна Пойдем. В лечебных заведениях города имелись отделения: хирургическое, терапевтическое, глазное, гинекологическое, родильное, заразное, венерическое, изолятор для душевнобольных.

С установлением советской власти в Таре были национализированы 2 частные аптеки, и медикаменты стали централизованно распределяться по больницам города. В результате в городе работала одна Советская аптека и действовал аптечный склад-распределитель. В 1919–1920 гг. заведовал аптекой провизор Георгий Александрович Холомейзер, а с 1921 г. – Василий Петров.

В сёлах уезда в 1920 г. функционировали лечебницы: Завьяловская, Седельниковская, Карташовская на 15 коек, Муромцевская, Атирская, Петропавловская, Рыбинская, Тевризская на 10 коек, Нижне-Колосовская на 5 коек, заведовали лечебницами фельдшеры. Также по уезду действовали приёмные покои на 3 койки – Чудесненский, Ларионовский, Князевский, Ермиловский и работали Логиновский, Евгашинский, Мало-Красноярский, Листвяжинский, Нагорно-Ивановский, Корсинский фельдшерские пункты¹⁶.

В начале 1920 г. лечебные заведения города и уезда обслуживались 5 врачами (вместо требуемых 26), 1 старшим медиком, 2 зубными врачами, 5 школьными фельдшерами, 5 фельдшерицами-акушерками, 3 акушерками, 15 ротными фельдшерами, 3 фельдшерскими учениками. На 1 января 1921 г. осталось 4 врача, 2 зубных врача, 9 школьных фельдшеров, 16 ротных фельдшеров, 11 фельдшериц-акушеров, 5 акушеров, 4 сестры милосердия.

На 1 января 1921 г. в городе работали уездная больница на 110 коек, го-

родская на 60 коек, детская на 50 коек, больница дома лишения свободы на 30 коек, приёмный покой на пристани на 3 койки. На весь уезд насчитывалось 395 коек. Больницы в уезде: Усть-Ишимская – на 20 коек, Седельниковская, Карташовская, Завьяловская – на 15, Муромцевская, Тевризская, Атирская, Евгашинская, Петропавловская, Рыбинская – на 10, Нижне-Колосовская – на 5, приёмные покои на 3 койки: Чудеснинский, Ермиловский, Ларионовский, Князевский. Фельдшерские пункты: Логиновский, Мало-Красноярский, Нагорно-Ивановский, Егоровский, Корсинский, Васисский, Форпостовский, Листвяжский, Бакшеевский, Кейзесский. Всего лечебных заведений по уезду насчитывалось 31¹⁷.

26 декабря 1921 г. из-за спада эпидемии тифа и дефицита средств на содержание больниц произошло сокращение числа коек и закрытие некоторых приёмных покоев по уезду. В уездной больнице осталось 40 коек, в городской – 45 коек (из них 15 заразных), в детской – 45 коек, в тюремной больнице – 15 коек. Усть-Ишимская, Завьяловская, Карташовская больницы остались на 8 коек, Седельниковская – на 6, Муромцевская, Петропавловская, Атирская, Тевризская, Нижне-Колосовская – на 5 коек. Чудесненский, Ларионовский, Князевский приёмные покои и Евгашинская больница перестроены в фельдшерские пункты, а Ермиловский приёмный покой и приёмный покой на пристани были упразднены¹⁸. Упразднены Логиновский, Нагорно-Ивановский, Корсинский, Васисский, Форпостский фельдшерские пункты. В результате по уезду осталось 14 больниц, 8 фельдшерских пунктов, 1 зубохирургическая амбулатория, 4 врача, 1 зубной врач, 9 школьных лекпунктов, 10 фельдшерско-акушерок, 2 акушерки, 14 ротных лекпунктов.

В начале 1922 г. для экономии средств на содержание больниц было решено все лечебные учреждения в уезде превратить в амбулаторные. Тогда же произошло очередное сокращение штата сельских больниц и закрытие некоторых из них. К концу 1922 г., из-за полного снятия Уздрава с государственного снабжения, для сохранения лечебного дела в городе была введена плата за оказание лечебной помощи. Плата взималась со всех граждан, кроме рабочих и служащих тех учреждений, которые внесли страховую плату за медицинскую помощь¹⁹.

Тарское уездное здравоохранение всего за 1919–1921 гг. пережило и открытие новых лечебниц в 1919 г., эпидемию тифа в 1919–1920 гг., закрытие части лечебных учреждений и введение платной лечебной помощи в 1922 г. В эти тяжёлые для страны годы, когда не было средств даже на такую важную для жизни людей отрасль, как здравоохранение, были заложены основы для дальнейшего развития медицинского дела в Тарском уезде и округе.

¹ Филиал Исторического архива Омской области в г. Таре. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

² Там же. Д. 1. Л. 16 об.

- ³ Там же. Д. 1. Л. 57.
⁴ Там же. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
⁵ Там же. Д. 2. Л. 7.
⁶ Там же. Д. 8. Л. 15.
⁷ Там же. Д. 1. Л. 17.
⁸ Там же. Д. 1. Л. 12.
⁹ Там же. Д. 1. Л. 13.
¹⁰ Там же. Д. 1. Л. 6.
¹¹ Там же. Д. 1. Л. 7.
¹² Там же. Д. 8. Л. 1.
¹³ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 53.
¹⁴ Там же. Д. 8. Л. 15.
¹⁵ Там же. Д. 1. Л. 56.
¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
¹⁷ Там же. Д. 6. Л. 54.
¹⁸ Там же. Д. 11. Л. 77.
¹⁹ Там же. Д. 6. Л. 76.

Г. И. РАСТЯГАЕВА (Омск),
Министерство культуры Омской области

**«В ЗАБОТАХ О ТОМ, ЧТОБЫ ПЕРЕЖИВАЕМЫЕ НАШЕЙ РОДИНОЙ
СИБИРЬЮ ВЕЛИЧАЙШИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ БЫЛИ
СОХРАНЕНЫ ДЛЯ ИСТОРИИ И БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ» (К ВОПРОСУ
О СОХРАНЕНИИ ОМСКИХ АРХИВОВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ)**

Произошедшая в нашей стране без малого столетие назад Гражданская война стала без всяких оговорок эпохальным событием, изменившим ход не только отечественной, но и всемирной истории. Этим, видимо, объясняется, что научный интерес к пережитым Россией несколькими кровавыми годам не ослабевает. Мы стремимся детально воссоздать картину былых времён и тем самым отдать дань памяти нашим прадедам, вовлечённым в те далекие, уже «величайшие исторические события». И в рамках детализации этой глобальной темы хотелось бы представить вниманию читателей сюжет, связанный с проблемой сохранения архивов в период, когда Омск стал эпицентром величайших исторических событий.

В основу нашего небольшого исследования положен, казалось бы, общеизвестный факт: в годы Гражданской войны сбором и спасением архивных документов занимался Западно-Сибирский отдел Русского географического общества во главе с председателем А. Н. Седелниковым. Однако нам пред-

ставляется интересным рассказать об этом более подробно, поскольку привлекаемые исторические источники являются неопубликованными и мало известными исследовательскому сообществу.

Напомним, что в городе Омске, как административном центре Западной Сибири, находились архивы всех гражданских и военных ведомств края с середины XVIII в. Организация архивного дела в дореволюционной России не предусматривала централизованного хранения архивов: документы хранились на местах, в помещениях, занимаемых ведомствами. При этом архивы упраздненных ведомств, как правило, передавались вновь учреждаемой управленческой структуре, где и складировались по соседству с архивными накоплениями действующего присутствия. Так, хорошо известный ещё дореволюционным историкам и исследователям «Омский областной архив» состоял из документов Военно-походной канцелярии, Пограничной комиссии, Омского областного правления, Пограничного начальника и правления Сибирских киргизов и Акмолинского областного правления за период с 1745 по 1917 гг.

Нетрудно представить, что столь внушительное даже по временному охвату документальное собрание имело солидную количественную составляющую. И поэтому он был размещен в отдельном, специально построенном для него здании по улице Александровской (ныне Интернациональной).

Революционные вихри стремительно нарушали прежний порядок вещей. Очень скоро эти вихри коснулись и безмолвных свидетелей предшествующих эпох – документов, мирно покоящихся в неприметном здании на Александровской. «Весной 1918 г. во время революционных беспорядков в Омске генерал-губернаторский архив кем-то расхищен, а часть областного архива (дела 18 столетия) по чьему-то распоряжению вывезены из архива в тюрьму, где лежат в углу сброшенными в кучу и очевидно обречены на уничтожение, ибо часть их уже попала в тюремную переплетную и пошла на приготовление каких-то кошельков», – читаем в одной из докладных записок, хранящихся в фонде ЗСО РГО¹.

ЗСО РГО, «будучи глубоко заинтересован в судьбе местных архивов», 8 мая 1918 г. обратился к находящемуся в то время у власти Омскому областному Совету народных комиссаров, «прося его защиты от такого варварства». Совнарком, кстати, очень оперативно отреагировал на поступивший сигнал и уже на следующий день постановил немедленно возвратить «неподлежательно попавшие в тюрьму» дела в областной архив. Кроме того, ЗСО РГО тут же был наделен полномочиями по попечению над всеми находящимися в Омске архивами, которыми он, к слову сказать, пользовался и при последующих правящих режимах вплоть до образования в начале 1920 г. Сибирского областного управления по архивным делам – Сибархива². При этом за работу с архивами при Временном Сибирском правительстве общество получало денежное содержание. О данном факте свидетельствуют уведомления об отпуске денег за работу с архивами от 1 июля 1918 г. в размере 8000 рублей и от 5 сентября

1918 г. в размере 24000 рублей (последняя выплата покрывала расходы общества по данной статье за период с июня по декабрь). Оплачивалась ли работа с архивами при власти Российского правительства адмирала Колчака, нам не известно, но, принимая во внимание предписание особого отдела Управления делами Верховного правителя, датированное 4 ноября 1919 г., где указывалось, что находящийся в музее ЗСО РГО «жандармский архив немедленно должен быть сложен в мешки и отправлен в Иркутск»³, можно предположить, что да.

В октябре 1918 г. ЗСО РГО возобновил начатую еще в 1914 г. работу комиссии «Архив современной войны», которая стала теперь называться «Архив войны и революции». Комиссия ставила себе целью «организовать в широком размере собрание материалов по истории войны и революции». Сбору подлежали «печатные и рукописные распоряжения местных гражданских и военных властей», агитационные и прокламационные материалы, периодика, книжные издания, частные рукописные материалы, атрибутика, фотографии, художественные произведения и пр. Отметим, что воззвания общества не остались безответными. Есть данные, что Омской городской управой была собрана и передана коллекция писем наших земляков с фронта в количестве 208 штук, Атаманским станичным попечительством представлялись «мотивированные отчеты по призрению семейств призванных по мобилизации»⁴.

А известный сибирский писатель Антон Сорокин направил литературные труды и рисунки Владимира Эттеля на военную тематику. Дар Сорокина не был принят взыскательной комиссией, ответившей скандально известному и не очень любимому «лучшими местными людьми» писателю, что они интересуются «главным образом рукописями и письмами непосредственных участников войны». Вердикт в отношении прилагаемых к рукописям рисунков был следующим: «Рисунки художника В. Эттеля, сами по себе представляющие художественную ценность, имеют надписи от руки с указанием их на связь их с Вашими рукописями и не могут быть приняты по тем же соображениям»⁵. Парадоксально, но до наших дней дошло как раз архивное наследие Антона Сорокина, что же касается непосредственно материалов «Архива войны и революции», то, к великому нашему сожалению, мы вынуждены констатировать, что сведениями о судьбе этого ценнейшего источника мы не располагаем.

Показательно также письмо ЗСО РГО в Совет министров Временного Сибирского правительства от 19 октября 1918 г., которое мы назвали бы концептуальным документом, содержащим программу развития архивного дела. Здесь указывалось, что ЗСО РГО «как старейшее научное учреждение в Западной Сибири, считает своей обязанностью довести до сведения Временного Сибирского Правительства о научно-культурных нуждах своего края и просить об их удовлетворении. В Сибири нет учреждения, которое заботилось бы о сбережении местных архивов, о собирании рукописей и других предметов сибирской старины – этих незаменимых материалов для будущих историков Сибири. Си-

бирь не имеет своей писаной истории; она вся – в архивах, рукописях и других памятниках старины. Но все это, оставаясь без призора, гибнет от небрежного хранения, расхищается или уничтожается частью по неведению и навсегда утрачивается для науки и края»⁶.

Временному Сибирскому Правительству предлагалось создать Центральный Западно-Сибирский архив, расположив его в здании гауптвахты. Авторы документа полагали, что помещение в этом здании «краевого архива наиболее соответствовало бы его значению, как выдающемуся памятнику прошлого»⁷. К письму прикладывался проект положения «будущего архива». Но данный проект не был реализован ни Временным Сибирским Правительством, ни пришедшими ему на смену другими институтами власти. Впрочем, надо отдать должное настойчивости ЗСО РГО, так как аналогичные представления ими направлялись по соответствующим инстанциям еще не раз: В фонде мы видим отпуски писем подобного содержания от 27 декабря 1918 г. и 25 июня 1919 г.

В ноябре 1918 г. в уездные и волостные управления ЗСО РГО были направлены письма с просьбой сообщить «о наличии архивов всех общественных и казенных учреждений и принять меры к их сохранению»⁸. Ведомствам предписывалось также принять меры по сохранению архивов и «других предметов старины». Ответы с мест на «архивный» циркуляр ЗСО РГО были следующего содержания:

- «...волостные архивы находятся в порядке, а других особо выдающихся предметов старины нет»;
- «...после царствования большевиков архивов во вверенной мне станице осталось мало»;
- «...архивы управления находятся в складах, копию описей с такового сообщить не представляется возможным»;
- «...архив управления находится в очень плачевном состоянии, и привести его в порядок ввиду малого штата канцелярии не представляется возможным. Меры по охране его приняты»⁹.

Таким образом, ЗСО РГО прилагал всемерные усилия по сохранению архивного наследия края, при этом присутственным местам предлагалось «те предметы, которые имеют особо выдающийся интерес или не могут быть сохранены на месте... пересылать в отдел географического общества»¹⁰.

О том, что ЗСО РГО стал сборным пунктом архивов, свидетельствует сохранившийся в фонде общества «Отчет о разборке архива, хранящегося в музее ЗСО РГО за время с 17 февраля по 19 апреля 1919 г.». Из отчета следует, что архив образовался из «архивов отдельных, совершенно разнородных учреждений, случайно соединенных вместе». Здесь были и перевезенные из «Дома республики» архивы революционных учреждений, и архивы дореволюционных жандармских управлений. Заведующий канцелярией общества Терновский характеризовал состояние архива как «совершенно хаотическое»¹¹.

После прихода в Омск Красной Армии и установления советской власти вопросы архивного дела были переданы в ведение Сибархива. С этого времени начинается новая глава в развитии архивного дела, которая достаточно подробно освещена в научных публикациях. Отметим только, что ЗСО РГО принимал живейшее участие в сохранении омских архивов и после передачи «архивных функций» новому архивному ведомству.

Так, летом 1920 г. членами общества, а главным образом заведующим историко-археологическим отделением Г.Е. Катанаевым, который одновременно с этим исполнял обязанности заведующего одной из секций Сибархива, была не допущена попытка вывоза из Омска в Томск «наиболее ценных и старых дел» из архивов Главного управления Западной Сибири и Акмолинского областного правления, а также книжных изданий, в частности Полного собрания законов Российской империи. Инициаторами данного вывоза стали студенты Томского университета, которые были задействованы Сибархивом для приведения в порядок омских архивов. После возвращения в Томск в адрес Сибирского отдела народного образования поступила докладная записка студента Томского университета Н. Водзинского о необходимости передачи указанных материалов в библиотеку Томского университета. В пользу вывоза документов в Томск приводились следующие доводы:

- «неблагоустроенность названного архива и непригодность его для научных занятий за неимением в нем печей»;
- «непригодность г. Омска для сосредоточения в нем архивов вообще по плутократическому составу его населения»;
- «особенная пригодность для этого Томска как академического центра Сибири»¹².

В свойственном духу того времени стиле Водзинский сообщал: «Организацию перевозки указанной части архива я по уполномочению факультета беру на себя. Для этой цели я через две недели вернусь в Омск с десятком студентов и в течение недели, самое большее двух, все дела будут ими разобраны, горы в штабеля сложив документы запакованы и погружены в вагоны». ЗСО РГО посчитал необходимым «вступить за это дело», для чего направил в Сибирский отдел народного образования аргументированную докладную записку о нецелесообразности и недопустимости перенесения архива из Омска в Томск. Просьба общества «охранить Омский областной архив от новых на него покушений и телеграфным путем приостановить посылку из Томска университетских укладчиков исторической ценности Омска» была услышана новой властью, и очередная угроза утраты для Омска его векового архивного наследия миновала и на этот раз.

¹ Исторический архив Омской области. Ф. 86. Оп. 1. Д. 267. Л. 97.

² Там же. Д. 235. Л. 8.

³ Там же. Д. 242. Л. 83.

⁴ Там же. Д. 129. Л. 10; Д. 222. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 11.

⁶ Там же. Д. 20. Л. 30.

⁷ Там же. Л. 32.

⁸ Там же. Д. 20А. Л. 9.

⁹ Там же. Л. 2, 4, 6, 10.

¹⁰ Там же. Л. 9.

¹¹ Там же. Л. 20.

¹² Там же. Д. 267. Л. 98.

М. М. СТЕЛЬМАК (Омск),

Омский государственный технический университет

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА А. В. КОЛЧАКА С ИНОСТРАННЫМИ СОЮЗНИКАМИ В КОНЦЕ 1918 Г.

18 ноября 1918 г. в Омске путём военного переворота было свергнуто Временное Всероссийское правительство (Директория). На его месте образуется Российское правительство А. В. Колчака, что, естественно, не могло не вызвать отклик в правящих кругах иностранных союзников антибольшевистского движения. В Лондоне на новость о свержении Директории отреагировали настороженно, если не сказать панически¹. Ведь ещё 14 ноября 1918 г. военным кабинетом было принято решение де-факто признать Директорию в качестве правительства антибольшевистской России². Всерьёз опасались, что приход к власти адмирала А. В. Колчака повлечёт за собой войну внутри белого движения. В связи с этим министр иностранных дел Ю. В. Ключников направил в Лондон, Париж, Вашингтон и Токио срочную депешу с уведомлением о сути событий в Омске. В депеше также излагались причины переворота, якобы спровоцированного бездействием самой Директории и антигосударственными поступками Комуча³.

Отношение иностранных дипломатов было более взвешенным, даже благоприятным. На следующий день после переворота начальник британского экспедиционного отряда полковник Дж. Уорд высказывает своё мнение о перевороте в правительственной официозной газете «Русская Армия»: «Несомненно, Россия может быть спасена только установлением единой верховной власти, цель которой – создание национального правительства»⁴. Позже он прямо характеризовал Российское правительство А. В. Колчака как единственную альтернативу для страны в тот момент: «Я, демократ, верящий в управление народа через народ, начал видеть в диктатуре единственную надежду на спасе-

ние остатков русской цивилизации и культуры»⁵. Примерно такую же позицию занимает и глава Британской военной миссии генерал А. Нокс, что, несомненно, выражало изменения отношения к перевороту в Великобритании.

Вскоре британское правительство решает подкрепить сохранение отношений официальными заявлениями. 30 ноября 1918 г. представители Великобритании во Владивостоке и Архангельске получили директивы придерживаться следующей политики: «Продолжать занимать Мурманск и Архангельск; продолжать сибирскую экспедицию; попытаться убедить чехов остаться в Западной Сибири; занять (с помощью пяти британских бригад) железнодорожную линию Батум – Баку; оказать генералу Деникину в Новороссийске всякую возможную помощь в смысле снабжения военными материалами; снабжать прибалтийские государства военным снаряжением»⁶.

Великобритания в конечном итоге оказала значительную помощь омскому правительству. Как отмечал депутат Учредительного собрания, эсер Е.Е. Колосов: «Но какую бы роль ни играл генерал Нокс до переворота 18 ноября, во всяком случае, после переворота он сделался самым энергичным и самым сильным союзником Колчака, упорно поддерживая его до самого конца. Фактически генерал Нокс взял на себя главную тяжесть по снабжению армии Колчака военными припасами: это был интернациональный интендант колчаковской армии, делавший все от него зависящее для полного насыщения ее необходимым техническим материалом»⁷.

Что касается действий со стороны Франции, то член французской миссии А. Легра, негативно относящийся к А.В. Колчаку, признавал, что во всех иностранных представительствах к установлению диктатуры отнеслись в основном положительно⁸. В декабре 1918 г. союзники планировали поставить в качестве главнокомандующего всеми антибольшевистскими силами французского генерала М. Жанена. Однако такое предложение не нашло поддержки в Омске и вскоре было отвергнуто А.В. Колчаком, прямо заявившим М. Жанену: «Общественное мнение не поймет этого и будет оскорблено. Армия питает ко мне доверие; она потеряет это доверие, если только будет отдана в руки союзников. Она была создана и боролась без них»⁹. В итоге М. Жанен занимает должность главнокомандующего войсками союзных с Россией государств, действующими на востоке России и в Западной Сибири. Несмотря на данный инцидент, он не испортил отношения с Францией на тот момент. Уже с декабря 1918 г. Франция расходовала на поддержку антибольшевистского движения в Сибири 50 млн франков¹⁰.

В Японии вести о смене власти в Омске были приняты спокойно. В то же время первые конфликты А.В. Колчака с японцами начались ещё в Харбине, где он с 11 мая по 30 июня 1918 г. находился в должности главного инспектора охранной стражи, затем возглавлял все формирующиеся белые отряды в полосе отчуждения КВЖД. Именно там и происходили споры с японской

военной миссией и поддерживаемым ею атаманом Г.М. Семеновым. Ещё в то время представители японской военной миссии были недовольны действиями А.В. Колчака, в основном из-за его соперничества с Г.М. Семеновым¹¹. По воспоминаниям последнего, будущий Верховный Правитель ещё весной 1918 г. считал сближение с Японией практически преступлением. «Покойный адмирал являлся в то время ярким противником так называемой японской ориентации и считал, что только Англия и Франция готовы оказать бескорыстную и исчерпывающую помощь национальной России, восстановление которой находится в их интересах. Что касается Японии и САСШ, то, по мнению адмирала, они стремились использовать наше затруднительное положение в своих собственных интересах, которые настойчиво диктовали возможно большее ослабление России на Дальнем Востоке»¹².

О конфликтах с японцами вспоминала на допросе и гражданская жена А.В. Колчака А.В. Тимирева: «Во время разговора Колчак сказал генералу Накашима, что он подрывает дисциплину в русских противобольшевистских войсках. Адмирал предполагал в борьбе с большевиками опираться на русское преимущество сил, а в самом начале стремился обеспечить известную долю независимости этому от Японии... В Японии японские деятели дали ему, Колчаку, понять, что его деятельность не встретит содействия со стороны Японии и что ему лучше отдохнуть»¹³. Сам А.В. Колчак уже на допросе в Иркутске вспоминал, что создание крупных контрреволюционных сил не встретило у японцев поддержки. Более того, они усиленно стремились дробить воинские формирования, которые А.В. Колчак пытался объединить, поставив под свой контроль¹⁴. Но, несмотря на недоразумения на Дальнем Востоке весны-лета 1918 г., в Омске не собирались разрывать с Японией отношений.

Для Сибири этот вопрос стоял особенно остро. В Министерстве иностранных дел прекрасно осознавали, что Япония благодаря своей территориальной расположенности в состоянии не только оперативно предоставить необходимую помощь, но и посягнуть на российские территории. По воспоминаниям Г.К. Гинса, в Омске вопросы о взаимоотношениях с восточным союзником служили предметом острых дискуссий. «Но если в глубине России и в эмигрантских кругах Запада японский вопрос представляется маленьким и неинтересным, то, наоборот, в Сибири и особенно на Дальнем Востоке он представляется слишком важным и слишком большим. Сколько ненависти вкладывают в этот вопрос одни и сколько надежд другие!»¹⁵

В правительстве А.В. Колчака пришли к выводу, что Япония умерит свои экспансионистские намерения, увидев победы антибольшевистских сил на фронте. «Присоединение Сахалина с его богатейшими запасами угля и нефти и района Николаевска-на-Амуре, как ключа к рыбным богатствам, – это, несомненно, реальный интерес Японии. Но не меньшим интересом для неё является устранение большевистской заразы из Сибири, восстановление в

ней порядка и возобновление торговых отношений. Япония откажется от захватов, если обеспечит себе участие в использовании естественных богатств этих районов и получит возможность восстановить ввоз товара в Россию»¹⁶. В связи с чем в Омске сочли целесообразным продолжать выстраивать союзнические отношения с Японией. Как отмечал по этому поводу Е. Е. Колосов, «история международной политики Колчака – это и есть история постепенно углублявшегося разрыва с чехами и нараставшей связи у него с японцами»¹⁷. Однако здесь важно отметить, что попытки пойти на сближение с Японией начали предприниматься ближе к полному поражению Российского правительства. Переворот в Омске нанёс урон прежде всего кругам, ориентированным на Японию, способствуя разъединению антибольшевистских сил, в результате этого территория к востоку от Байкала превращалась в самостоятельное государство в государстве¹⁸.

Появление Российского правительства А. В. Колчака, хоть и являлось неожиданным для союзников антибольшевистского движения, в целом было встречено вполне доброжелательно. Однако переворот в Омске состоялся через неделю после окончания Первой мировой войны. Исчезла острая необходимость в восстановлении Восточного фронта, что вызвало сильное беспокойство в политических кругах белого Омска.

Тем не менее, несмотря на изменение характера внешней политики после победы Антанты, важно отметить склонность к приуменьшению союзнической помощи, свойственной политическим деятелям белого движения. Поставки оружия, снаряжения, военных специалистов продолжались. Но сами союзнические войска в боевых действиях участия фактически не предпринимали. «Союзники же намеревались ограничиться лишь колоссальными денежными расходами и, по замечаниям главы деникинского правительства генерала А. С. Лукомского, не могли употребить живую силу для борьбы с большевизмом»¹⁹.

Размер помощи оставался в полной зависимости от успехов белых армий на фронте. Сам А. В. Колчак, как и практически все лидеры антибольшевистского движения, придавал союзнической помощи самое решающее значение. Один из главных организаторов свержения Директории, В. Н. Пепеляев, 19 ноября 1918 г. писал в своём дневнике, что при составлении «Обращения к населению» «Колчак сказал, что обращение нужно немедленно для союзников, причём они хотят, чтобы было сказано о демократии, отсутствии реакционных намерений... Так и составили»²⁰. Это возымело успех. Публикация обращения в газетах произвела на Великобританию хорошее впечатление, Франция оказала давление на чехословацкий корпус в целях нейтрализации²¹. Один из идеологов сибирских кадетов, Н. В. Устрялов, прокомментировал обращение следующим образом: «Чтобы получить поддержку союзников, которая была необходима как воздух, надо было замаскироваться под демократический режим»²².

Поддержка иностранных союзников не была прекращена после свержения Директории и вскоре стала увеличиваться. Режим А. В. Колчака не вызвал каких-либо нареканий со стороны союзнических правительств: на данном этапе цели буржуазии Антанты и Японии совпадали с задачами российских буржуазных кругов, выразителем интересов которых стало Российское правительство А. В. Колчака. Судьба дальнейшего сотрудничества и официального признания зависела уже от успехов антибольшевистских сил на фронте.

¹ Хандорин В. Г. Адмирал Колчак. Правда и мифы. URL: http://militera.lib.ru/bio/handorin_vg01/text.html#t6 (дата обращения: 26.08.2014).

² Флеминг П. Судьба адмирала Колчака. URL: http://chapaev.ru/books/Piter--Fleming_Sudba-admirala-Kolchaka--1917-1920/14 (дата обращения: 26.08.2014).

³ Переверзев А. Я. Комуч. Директория. Колчак: Антисоветский лагерь в Гражданской войне на Востоке России. Воронеж, 2003. С. 560.

⁴ Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири. 1918–1919. Записки начальника английско-го экспедиционного отряда полковника Джона Уорда. М.-Пг., 1923. С. 88.

⁵ Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири. 1918–1919. Записки начальника английско-го экспедиционного отряда полковника Джона Уорда. М.-Пг., 1923. С. 89.

⁶ Черчилль У. Как я воевал с Россией. М., 2011. С. 29.

⁷ Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке: Воспоминания, материалы, документы. Пг., 1923. С. 64.

⁸ Головин Н. Н. Российская контрреволюция. Т. 2. М., 2011. С. 368.

⁹ Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника // Сибирские огни. 1927. №. 4. С. 109.

¹⁰ Полканов В. Д. Семь измен адмирала А. В. Колчака. Омск, 2013. С. 159.

¹¹ Орлов Н. В. Смутные дни в Харбине и адмирал Колчак // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. М., 2010. С. 249.

¹² Семенов Г. М. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. М., 2002. С. 186.

¹³ Протоколы допросов А. В. Тимиревой. Публикация С. В. Дрокова // Отечественные архивы. 1994. №. 6. С. 55.

¹⁴ Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983. С. 32.

¹⁵ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М., 2008. С. 272.

¹⁶ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М., 2008. С. 274.

¹⁷ Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке: Воспоминания, материалы, документы. Пг., 1923. С. 129.

¹⁸ Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 169.

¹⁹ Зимина В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. М., 2006. С. 82.

²⁰ Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983. С. 155.

²¹ Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983. С. 155.

²² Звягин С. П. В. Н. Пепеляев: судьба либерала из Сибири в начале XX века. Томск, 2012. С. 161.

**«ЗА ВЕЛИКИЕ ЗАСЛУГИ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ВОЙСК, ОКАЗАННЫЕ ИМИ
НАШЕЙ РОДИНЕ, ПРИНОШУ ОТ ЛИЦА РУССКОЙ АРМИИ ГЛУБОКУЮ
БЛАГОДАРНОСТЬ...»: ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОРПУС И ПЕРЕМЕНА ВЛАСТИ
В АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОМ ЛАГЕРЕ В 1918 Г.**

После окончания Гражданской войны в России в ряде публикаций, выпущенных бывшими деятелями антибольшевистского движения, солдаты Чехословацкого корпуса стали представлять в образе предателей, ставших одной из главных причин поражения Российского правительства А. В. Колчака. Всячески преуменьшалась их роль в начале войны. Генерал К. В. Сахаров отмечал в конце весны – начале лета 1918 г., что ряд сибирских городов был взят исключительно русскими офицерами и добровольцами¹. Звучали утверждения, что чехословаки встали на сторону противника², ликвидировали Восточный фронт Гражданской войны³.

Тем не менее в подобных мемуарах зачастую не уделялось должного внимания подробной характеристике взаимоотношений антибольшевистских сил с Чехословацким корпусом в самом начале конфликта. С самого начала Гражданской войны в России чехословацкие легионеры, усилиями антибольшевистской агитации, воспринимались в контрреволюционном лагере не как иностранцы, а скорее в качестве братьев-славян, бескорыстно помогающих в борьбе с большевиками. Их помощь преподносилась как плата за участие Русской армии против Германии и Австро-Венгрии на полях Первой мировой войны. С другой стороны, именно с выступления корпуса начинается полномасштабная Гражданская война в России. Немалую роль сыграла и близость взглядов чехословацких солдат и деятелей «демократической контрреволюции». Большинство из них состояли в социал-демократической партии и принадлежали к оборонческому крылу⁴. Также солдаты корпуса поддерживали правых эсеров и меньшевиков.

Действия корпуса сыграло на руку западным союзникам, заставив их ускорить начало интервенции. В таких условиях 24–25 мая 1918 г. начинается выступление Чехословацкого корпуса. Повсюду в районах восстания корпуса начинает активизироваться антибольшевистское подполье, сразу же приступившие к созданию воинских частей, организации местных правительств⁵. В ряде сибирских городов чехословакам старались организовать торжественный приём. Как вспоминал очевидец событий: «Вечером в Томск вошёл батальон чехословаков. Разодетая буржуазия встречала “освободителей” с цветами, играл оркестр. В толпе было много офицеров»⁶. При взятии населённых пунктов чехословаки действовали совместно с антибольшевистскими формированиями. Хотя ещё задолго до выступления корпуса он попал под пристальное

внимание антибольшевистского движения. Появилось немало комбинаций его дальнейшего использования. Позднее министр юстиции Временного Сибирского правительства Г.Б. Патушинский отмечал: «Нужно совершенно ничего не понимать, чтобы думать, что чехословацкое движение могло прийти нам на помощь само собой, не будучи ничем, ничьей организационной работой, не связанным с нашим местным движением и соответственно нашими политическими задачами»⁷. Но, с другой стороны, о совещании, на котором было принято решение о выступлении Чехословацкого корпуса против советской власти, руководители антибольшевистского подполья узнали лишь накануне или уже во время восстания⁸.

Свержение Временного Всероссийского правительства (Директории) в ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. в Омске не было встречено положительно чехословацкими солдатами, поскольку они с самого начала сочувствовали социал-демократическим партиям. Приказ генерала Я. Сырового от 19 ноября 1918 г., запрещавший под угрозой предания военному суду политическую пропаганду на фронте, через три дня был проигнорирован. 22 ноября Чехословацкий национальный совет выпускает декларацию, осуждающую омские события. «Переворот в Омске от 18 ноября 1918 г. нарушил начало законности, которое должно быть положено в основу всякого государства, в том числе и Российского. Мы, как представители чехословацкого войска, на долю которого в настоящее время выпала главная тяжесть борьбы с большевиками, сожалеем о том, что в тылу действующей армии силами, которые нужны на фронте, устраиваются насильственные перевороты. Так продолжаться больше не может»⁹.

Однако как высшие чины корпуса, так и политическая элита образовавшейся Чехословацкой республики сразу предприняли меры для пресечения подобных выступлений. Генерал Я. Сыровой получает категорическое распоряжение, которое Т.Г. Масарик также дал генералам М. Жанену и М. Стефанику, во что бы то ни стало удержать войска на фронте и предупреждение, что солдатам надлежит смотреть за тем, что делается на фронте, а не в тылу¹⁰. Вскоре выходит ряд приказов, направленных на изоляцию чехословацких солдат от политики. В одном из них категорически запрещалась всякая политическая пропаганда и агитация среди войск в прифронтовом районе, издание и распространение каких-либо распоряжений, воззваний, прокламаций политического характера, вводилась цензура газет¹¹. Политические деятели Чехословацкой республики после 18 ноября 1918 г. прилагали все усилия для обеспечения лояльности корпуса Российскому правительству А.В. Колчака. М. Стефаник, пытаясь загладить инцидент с неприятием событий в антибольшевистской столице, сделал заявление, что не только простые солдаты, но и филиал Национального совета из-за своего «провинциализма» не поняли и не оценили его значения, не знали, что переворот готовился не только в Омске — главное решение было принято в Версале¹². В данном случае слова М. Стефаника о роли Франции в прихо-

де А. В. Колчака к власти не находят какого-либо подтверждения. Необходимо было представить акцию не как локальное событие, готовившееся местными антибольшевистскими силами, а как спланированную акцию Антанты для придания новой власти легитимности в глазах чехов. Тем не менее Верховный комиссар Э. Реньо в беседе с Управляющим МИДом 23 ноября 1918 г. высказал уверенность, что генерал М. Стефаник уладит все недоразумения, возникшие в корпусе, и что во Франции также считают эвакуацию чешских солдат преждевременной¹³. Но и после этого попытки чешских солдат выразить недовольство в адрес новой омской власти продолжались. 26 ноября 1918 г. Председателю Совета Министров П. В. Вологодскому приходит телеграмма от редакции томской газеты «Утро Сибири» с жалобой, что цензура Чехословацкого корпуса не пропускает известий об укреплении власти А. В. Колчака и его распоряжений¹⁴.

Но в этот же период в «Правительственном вестнике» – официальном органе печати Российского правительства А. В. Колчака – публикации, затрагивающие деятельность Чехословацкого корпуса, не имели какого-либо критического характера. На страницах газеты выходили статьи, заметки о чешских солдатах как о верных соратниках, принявших без колебаний смену власти, продолжающих выполнять общее дело – борьбу с большевиками. Подчёркивались их заслуги на фронте, делался акцент на единстве между всеми союзниками антибольшевистского движения. Так, вскоре после свержения Директории читатели могли ознакомиться с публикацией о вручении наград чешским солдатам от английской военной миссии. «Его Величество король Георг V изволил наградить высокими орденами генерала Сырового и генерала Гайда. Его Величество разрешил кроме того распределить между чинами чехословацкой армии следующие отличия, для офицеров 10 орденов за выдающуюся службу и 40 военных крестов, для солдат 250 медалей за выдающееся поведение и 250 военных медалей»¹⁵.

С другой стороны, газеты не могла оставить без внимания приведённую выше декларацию Чехословацкого национального совета от 22 ноября 1918 г. Но реакция последовала достаточно сдержанная. В статье лишь указывается на большое изумление, вызванное среди военных и политических кругов таким заявлением, а далее перепечатывается соображение по данному поводу из газеты «Отечественные ведомости». По утверждению газеты, общество уже давно привыкло полностью доверять союзникам, особенно в плане невмешательства во внутренние дела, не ожидая какого-либо подвоха. «Это доверчивое отношение к нашим иноземным друзьям мы, конечно, распространяем на чехословаков, тем более что ни для нас, ни для кого иного не тайна, что чехословацкие войска, оказавшие нам такие бесценные услуги в борьбе с большевиками, действовали всё время по директивам Версальского союзного Совета в полной гармонии с ним»¹⁶. Далее подчёркивается, что в омских событиях

нельзя искать нарушения законности и правопорядка, поскольку ещё не время подводить итоги, идеализируя деятелей Временного Всероссийского правительства, которые якобы сами готовились совершить свой переворот. «Лишь будущее покажет, пострадают ли идеалы свободы от перехода власти из рук недееспособной Директории, в состав которой входили члены центрального комитета партии с-р., разрабатывающие план переворота в пользу партии, уже погубившей Россию, – в руки Совета министров, а по решению последнего – в руки безупречного патриота адмирала Колчака, мы глубоко уверены, что идеалы свободы и государственности от этого не пострадают»¹⁷. В итоге причины поведения национального совета сводятся к недоразумению, на которое не стоит обращать должного внимания, поскольку данное заявление не выражает мнений всех чехословаков, находящихся в России.

Публикации, осуждающие демократизм чешских солдат, не получили продолжения. Деятели антибольшевистского движения рассудили, что в данный момент не стоит освещать перед общественностью разногласия с союзниками. Через неделю «Правительственный вестник» на первой странице публикует приказ № 57 А. В. Колчака о цензуре в средствах массовой информации, обязующий в числе прочего следующее: «...возложить на одно из русских военных цензурных учреждений в каждом данном пункте, а где таковых учреждений не имеется, на начальников гарнизонов, обязанность возбуждать уголовное преследование против ответственных редакторов повременных изданий и авторов изданий неперIODических, за помещение в печати злонамеренных слухов, касающихся Русской армии, союзных и Чехословацких войск, с правом конфискации отдельных выпусков периодического издания или же всего произведения, в котором таковые сведения или воззвания помещены»¹⁸.

12 декабря 1918 г. выходит очередной приказ А. В. Колчака о награждении чехословацких солдат. В преамбуле Верховный Правитель подчёркивал, что именно благодаря солдатам корпуса началась полномасштабная борьба с большевиками. «Чехословацкие дивизии своими исключительными подвигами и трудами в Поволжье, на Урале и в Сибири положили основания для национального возрождения востока России, проложили нам путь к великому океану, откуда мы получаем теперь помощь наших союзников, дали нам время для организации русской вооруженной силы. За великие заслуги чехословацких войск, оказанные ими нашей Родине, приношу от лица Русской армии глубокую благодарность всем генералам, офицерам и солдатам доблестных чехословацких частей и жалую первой и второй чехословацким дивизиям по сто знаков отличия военного ордена Святого Георгия на каждый полк и артиллерийскую бригаду. Всех офицеров чехословацких частей представить к очередному русскому ордену»¹⁹.

Подобные заявления в омской прессе вместе с разъяснительной работой, проводившейся командным составом корпуса, имели успех. Чехословацкий

корпус не предпринял каких-либо выступлений в защиту Директории, несмотря на то, что вполне мог выйти на её защиту, однако так и не был призван на помощь. Не были предприняты и попытки свержения Российского правительства. В газетах, как и раньше, продолжали публиковать торжественные приветствия братьям-чехословакам. С другой стороны, корпус находился в зависимости от союзников, что сковывало его действия. «Чешский Национальный Совет не имел своих военных руководителей; в созданных им штабах сидели русские генералы, которые в момент колчаковского переворота всю машину направили на пользу этому перевороту. К тому же к этому времени чехословаки подпали окончательно под влияние и руководство союзников...»²⁰ В корпусе, особенно начиная с весны 1917 г., были популярны в основном социал-демократические настроения. Несмотря на то, что начало Первой мировой войны население Чехословакии встретило настороженно, кардинальные перемены в России вселили надежду и на изменение политического положения на родине²¹. Солдаты стремились попасть на Западный фронт, чтобы добиться независимости для своей страны. Фактически, помимо воли простых военнослужащих, Чехословацкий корпус оказался втянут в Гражданскую войну в России. Как вспоминал легионер К. Свобода: «На нас в некотором смысле влияла политика Антанты, откровенно ставшая антибольшевистской. С другой стороны, нельзя не отметить, что некоторое наши офицеры, настроенные резко антибольшевистски, вели тайные переговоры с их противниками, а нас склоняли к открытой конфронтации»²².

Изначально ряд изданий периода демократической контрреволюции, преследуя свои цели, всё же подчёркивали, что ни в коем случае не будут удерживать корпус в России. «У чехословаков существуют непосредственные задачи, во имя которых они вступили в борьбу с большевиками. Если эта возможность у чехословаков будет, то настойчиво удерживать их в Сибири для борьбы с большевиками никто не имеет никаких оснований»²³. Естественно, что стремительное скатывание антибольшевистского лагеря вправо не могло вызвать симпатии со стороны корпуса. Однако сложно утверждать, предполагали ли чехословаки заранее подобную смену власти, хотя подобный поворот был предсказан ещё в августе 1918 г. на нелегальной конференции большевистских организаций в Томске²⁴. Но сказывалась зависимость от стран Антанты, к тому же нахождение на чужой территории, растянутость вдоль линии железной дороги не располагали к активным протестам. Сам президент уже независимой Чехословакии Т.Г. Масарик оказался в крайне сложной ситуации, пытаясь лавировать на международной арене, решая судьбу чехословацких солдат, что признавалось и советскими историками²⁵.

Не имея возможности покинуть пределы России, Чехословацкий корпус с января 1919 г. снимается с фронта и отводится в тыл, перейдя к охране Транссиба. В Омске всё ещё надеялись использовать чехословаков, хотя бы для действий в тылу, хотя, как заметил позднее министр иностранных дел Российского

правительства И.И. Сукин, «Многие до сих пор не отдают себе отчета, что славная роль чехов кончилась 18 ноября, в день провозглашения Верховного Правителя»²⁶. Несмотря на серьёзные противоречия между Российским правительством и солдатами чехословацкого корпуса, в Омске делали все возможное, чтобы разногласия не стали достоянием общественности, постоянно отмечая в прессе заслуги легионеров. Отказываться от услуг почти 50-тысячного войска не представлялось возможным, так как заметить их было попросту нечем. Хотя В.Н. Пепеляев, один из основных политических деятелей Российского правительства, главный организатор военного переворота в Омске, летом 1919 г. предпринял попытку заменить чехословацкие войска на японские, получив от последних отказ²⁷. В связи с этим В.Н. Пепеляев, будучи человеком правых, консервативных взглядов, отрицательно относившимся к инородцам и социалистам (включая лояльных Омску эсеров и меньшевиков), фактически до последних дней существования Российского правительства А.В. Колчака пытался предотвратить окончательный разрыв с чехословацким корпусом²⁸.

Таким образом, чехословацкие солдаты, несмотря на то, что восприняли советскую власть как враждебную силу, якобы выступающую в союзе с Германией, относились без симпатий и к Российскому правительству А.В. Колчака, которому, в свою очередь, была необходима его поддержка. Однако новая омская власть так и не смогла привлечь солдат корпуса на свою сторону, что и сказалось позже, в конце 1919 – начале 1920 г.

¹ Сахаров К. В. Чешские легионеры в Сибири (чешское предательство). Берлин, 1930. С. 38.

² Котомкин А. Е. О чехословацких легионерах в Сибири. Париж, 1930. С. 70.

³ Лампе А. А. Пути верных. Париж, 1960. С. 77.

⁴ Исторический архив Омской области. Ф. Р-2086. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.

⁵ История Гражданской войны в СССР: в 5 т. Упрочение советской власти. Начало иностранной военной интервенции и Гражданской войны. (Ноябрь 1917 г. – март 1919 г.). Т. 3. М., 1958. С. 184.

⁶ Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. Р-4204. Оп. 4. Д. 90. Л. 4.

⁷ Светачев М. И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922). М., 1983. С. 55.

⁸ Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 61.

⁹ Хроника Гражданской войны в Сибири (1917–1918). М.–Л., 1926. С. 270.

¹⁰ Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. С. 274.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 277.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 27. Л. 22А.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 6. Л. 145.

- ¹⁵ Награждение чехословаков // Правительственный вестник (Омск). 1918. 22 ноября. С. 2.
- ¹⁶ Печать о заявлении Чехословацкого национального совета // Правительственный вестник (Омск). 1918. 29 ноября. С. 2.
- ¹⁷ Там же. С. 3.
- ¹⁸ Действия и распоряжения правительства // Правительственный вестник (Омск). 1918. 8 декабря. С. 1.
- ¹⁹ Действия и распоряжения правительства // Правительственный вестник (Омск). 1918. 12 декабря. С. 1.
- ²⁰ Буревоу К. С. Распад. М., 1922. С. 38.
- ²¹ Шевченко К. В. Канун Первой мировой войны в чешском общественном мнении и прессе // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 39.
- ²² Захаров А. М. Советская власть, Антанта и проблема эвакуации Чехословацкого корпуса из Сибири в марте-апреле 1918 г. // Гражданская война в России: проблемы истории и историографии. СПб., 2014. С. 143.
- ²³ Офицерство и свержение большевистской власти // Бюллетень о текущих событиях (Тобольск). 1918. 25 июня. С. 3.
- ²⁴ Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983. С. 73.
- ²⁵ Валиахметов А. Н. Т. Г. Масарик и Чехословацкий легион в России (1917–1920): общественная и чехословацкая историография // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11: в 2 ч. Ч. I. 2012. С. 60.
- ²⁶ За спиной Колчака: Документы и материалы. М., 2005. С. 363.
- ²⁷ Звягин С. П. В. Н. Пепеляев: судьба либерала из Сибири в начале XX века. Томск, 2012. С. 166.
- ²⁸ Там же.

И. Н. СУМИНА (Тара),
архивный отдел Администрации
Тарского муниципального района Омской области

**ПЕРИОДИКА И КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ТАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ КАК ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ
СТЕРЕОТИПОВ ВОСПРИЯТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В МАССОВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ**

На протяжении XX в. Россия пережила много потрясений, среди которых особое место занимает Гражданская война. Политические, экономические, мировоззренческие изменения, произошедшие в нашем обществе, вызвали многочисленные научные, общественные дискуссии по многим событиям нашей истории. Подверглась кардинальному пересмотру и советская концепция Гражданской войны в России. Обращение к этой теме будет актуальным еще долгое

время и по причине её общественного звучания. Сегодня, как никогда, важно понимание того, что история нас чему-то учит. Именно в знании и понимании прошлого можно найти ответы на многие вопросы, противостоять вызовам современного мира. В статье предпринята попытка рассказать о стереотипах восприятия Гражданской войны в массовом историческом сознании, источниках их формирования на примере представлений о событиях Гражданской войны в сознании жителей Тарского Прииртышья, сложившихся под воздействием, в том числе, материалов местной периодической печати, краеведческой литературы, запечатлевших локальные сюжеты этого периода российской истории.

В советский период изучение Гражданской войны происходило сквозь призму осмысления этого события его непосредственными участниками, прежде всего «победившей» стороны. Востребованными были темы, связанные с военно-политической составляющей этого события. В последнее время все больше исследователей обращается к изучению антибольшевистского лагеря, при этом часто идеализируя его участников. Мы согласны с утверждением В. И. Гольцова, высказанного им в статье «Гражданская война и массовое историческое сознание: эволюция стереотипов», что «современное общество пока не поднялось до осознания такого вывода, хотя и наметились позитивные тенденции, заключающиеся в преодолении иконизации одной из сторон (какой бы то ни было) в той усобице, что сотрясла Россию в начале XX века»¹.

Желание дать оценку сторонам конфликта, одних оправдать, других обвинить не приведет нас к пониманию смысла Гражданской войны, заключающегося, в частности, в том, что борьба за власть политических партий, вождей, увлекших за собой людей обещаниями «лучшей» жизни, обернулась общенациональной трагедией и невосполнимыми потерями, оторванностью от исторической традиции, отрицанием всякого исторического опыта России, пренебрежением к жизни и правам людей. Поэтому для новейших исследований характерны новые подходы, основанные на изучении социально-психологической составляющей исторического процесса, роли в нем его рядовых участников. В этих подходах заложен и большой потенциал для воспитания толерантности, гражданственности, поскольку они переориентированы с изучения событийности к изучению проблем, а значит, к осмыслению, пониманию прошлого. Уверены, что это, в свою очередь, поможет преодолеть стереотипы, сложившиеся в массовом историческом сознании относительно восприятия Гражданской войны.

Исследователи прежде всего отмечают сложившееся к 1930-м гг. позитивное восприятие Гражданской войны, как следствие этого – героизацию и романтизацию войны и её участников. Положительное отношение к войне как славной, героической странице нашей истории находит отражение в названиях книг, публикаций (1970–80-е гг.) по данной теме: «Дорогами героев», «Этих дней не смолкнет слава», «В интересах крестьянства», «За власть Советов», «Из племе-

ни комиссаров» и т. п. Положительное отношение к войне сложилось не сразу. Современники (не активные участники событий) её воспринимали иначе. Для людей, переживших войну, а также их детей, знавших о ней по рассказам родителей, война скорее воспринималась как бессмысленное, негативное событие, принесшее горе, лишения, разруху, хаос, раскол в семьях. Основная часть населения осознавала себя не участниками происходящих в стране изменений, а наблюдателями, жертвами. Возможно, поэтому и отношение к противоборствующим сторонам было одинаково отрицательное. На вопрос «При ком жилось лучше?» чаще звучали ответы: «Колчаковцы грабили, красные грабили», «Разницы никакой нет – что власть белых, что власть красных». Разделение воюющих сторон на два лагеря также характерно для воспоминаний. Причем для жителей сибирских деревень типичнее разделение на колчаковцев и красных (реже на белых и красных). Огромное место в памяти занимает тема террора. Запомнились главные способы расправы: порка и расстрелы. При этом люди не всегда ассоциировали карательные отряды, орудовавшие в уезде, с белой армией. К рядовым солдатам, измученным войной и болезнями, проходившим через села, простые граждане испытывали жалость, часто подкармливали, одевали. Такие воспоминания, разумеется, не публиковались, об этом рассказывали только в кругу семьи. Приведенные примеры подтверждают то, что первоначально Гражданская война населением воспринималась как трагедия, как братоубийственная война, навязанная сверху. Кстати, по этой причине было распространено дезертирство из всех армий, нежелание граждан служить в создаваемых органах власти и управления, иных учреждениях.

То, что террор, насилие и приведшее к этому массовое неприятие населением любой власти действительно было главным признаком времени, подтверждается и представителями антибольшевистского лагеря. Г. К. Гинс в книге «Сибирь, союзники и Колчак» так описывает ситуацию в Тарском уезде: «На другой день утром мы были в Таре. Маленький городок на левом берегу Иртыша обращал на себя внимание множеством колоколен и белыми стенами больших домов. В его внешности сказался дух седой старины. Тобольск и Тара – древнейшие поселения русских в Сибири... Узнав о предстоящем проезде адмирала, люди, имевшие жалобы, сосредоточились в Таре, как уездном городе, которого нельзя было миновать. В Тарском уезде происходили большие восстания. Как всегда, начинали их новоселы, но по мере развития восстания к нему присоединялись и другие. Виной этого был характер подавления восстания. В уезде работали большевики, несомненно, под руководством и на средства тайных организаций в Омске, Таре и других городах. Крестьян сбивали с толку... И в Тарском уезде, пользуясь неосведомленностью населения, подкупая учителей и старост, пользуясь услугами кооператоров и нанимая своих агитаторов, большевики мучили народ. И вот в это темное царство являлась карательная экспедиция. Крестьян секли, обирали, оскорбляли их гражданское достоинство, разоряли. Среди ста

наказанных и обиженных, быть может, попадался один виновный. Но после проезда экспедиции врагами Омского правительства становились все поголовно... Что же происходило в Тарском уезде ко времени нашего приезда, т. е. в половине октября? Со стороны все казалось очень спокойным, мирным. Но вот мы в Таре. Мне докладывают, что начальник уездной милиции просит принять его незаметно. Я прохожу в каюту моего секретаря и там принимаю. Начальник милиции рассказывает, что военные власти вытворяют нечто невозможное, что они терроризировали всех, и милиционеры бросают службу и убегают, что хочет убежать и он, потому что население возбуждено и будет мстить всем без разбора. Вот оно, наружное спокойствие!»²

Помимо позитивного отношения к войне, сложившегося спустя многие годы после ее окончания под воздействием идеологических установок, следующие два стереотипа относительно восприятия Гражданской войны касаются разделения участников войны на два лагеря и трактовки мотивации сторон вооруженного конфликта. Эти стереотипы связаны с приданием Гражданской войне в России классового характера, как борьбы исключительно неимущего класса, целью которого было освобождение от эксплуатации и установление справедливого строя, против имущего, которому приписывались корыстные мотивы, связанные с возвращением власти и собственности, возрождением старых порядков. При этом не придавалось значения тому, что среди участников по разные стороны были представители всех сословий и что к лагерю «белых» были причислены такие силы, которые к таковому не относились. Вследствие такого понимания смысла Гражданской войны упрощается её сущность и представление о её причинах. Соответствующим образом предстают в публикациях образы представителей конфликтующих сторон. Так, например, в очерке, опубликованном в тарской газете «Ленинский путь», рассказывающем о попытке жителей (бывших фронтовиков) одной из таёжных деревень создать партизанский отряд, так описывается их встреча с представителями соседней деревни: «Многие с шумом приветствовали эту идею. Но вот поднялся старик с козлиной бородкой и закричал, брызгая слюной: – Это большевики! На погибель сынов наших толкают. Бей их, режь! – и выхватил нож из-за пояса. Вмиг ошетинилась толпа. Заблестели на ярком солнце кривые ножи...»³

Классовым подходом обусловлена и особая жестокость войны, поскольку речь идет о разрушении многовековых традиций русской государственности. Приведем по этому поводу высказывание заместителя главного редактора издательства «Дрофа», координатора проекта «Белые воины» Руслана Гагкуева в одном из интервью о том, что в Гражданской войне «мир за столом переговоров, как правило, невозможен из-за непреодолимости противоречий. И победа в такой братоубийственной войне не означает только военную победу. Она требует признания противником «правды» одной из сторон, последующего его наказания, а то и полного истребления»⁴.

Ярким свидетельством таких настроений является отрывок из резолюции съезда Советов Новоягодинской волости Тарского уезда, написанный, разумеется, с «помощью» представителей политотдела 51-й дивизии, освобождавшей Тару от колчаковцев: «Мы – участники съезда Советов Новоягодинской волости, заявляем во всеуслышание, что все, как один, с данного момента становимся на защиту трудящихся... Если же потребуются, вольемся первыми в ряды Красной Армии и будем защищать нашу кровную плоть от плоти советскую власть, которая может вывести из самого трудного положения рабоче-крестьянские массы. Смерть капиталистам всех стран! Вы довели страну до окончательного разорения и полусмерти. Хоронитесь же теперь живыми в могилу! Вам нет места на земле!»⁵ Но нужно отметить, что такая же непримиримая позиция была и у противоположной стороны.

Безусловно, в разных регионах война имела особенные черты, связанные с природно-географическими, демографическими, политическими и другими факторами, которые нашли отражение в восприятии этого события проживающими там людьми. Общепринято, например, что Сибирь была тем регионом, где противостояние имело особый размах; и партизанское движение здесь было наиболее масштабным и организованным.

В этой связи следует отметить, что тема массового антиколчаковского партизанского движения в Тарском Прииртышье несколько преувеличена. Практически любое сопротивление и неповиновение крестьянства трактовалось как следствие целенаправленной борьбы, организованной большевиками, против «международного империализма и его наёмников – белогвардейской золотопогонной своры». Отсутствие воспоминаний, свидетельств, незначительное место этой темы в краеведческих исследованиях подтверждают это утверждение. Поэтому для имеющихся публикаций на тему крестьянского сопротивления белой власти характерны размывание границ между фактами и вымыслом, конструирование событий, явлений, подмена понятий, преувеличение значимости каких-либо явлений или персоналий, замалчивание отдельных фактов. Большая часть публикаций – исторические очерки, а воспоминания подвергались журналистской обработке. Главные герои сюжетов – вернувшиеся с фронта, «подкованные» в политике участники Первой мировой войны. «Они знали, какие партии выступают за продолжение войны (кадеты, октябристы, меньшевики), а какие – за заключение мира и демобилизацию солдат (большевики). Фронтовики откровенно ругали старый режим и возлагали надежды на новую большевистскую власть, которая обещала передать заводы и фабрики рабочим, а землю – крестьянам... Большинство мужиков, основную массу которых составляли бедняки (“голытьба”), под влиянием агитации благосклонно восприняли идеи большевизма. К тому же надоели поборы и пьянство старосты и уездного исправника... События в те годы развивались стремительно... Быстрая смена власти в уезде внесла определенную сумятицу и в жизнь села»⁶.

Из-за политических разногласий односельчане оказались «по разные стороны баррикады», самые активные «смело встали на путь вооруженной борьбы», в результате которой «партизаны-земляки, руководимые большевиками, показали чудеса героизма в борьбе против захватчиков, за освобождение своей земли от интервенционистских и белогвардейских орд» (цитаты из опубликованных в 2000-х гг.(!) книг, статей). В этом типичном сюжете не учтена особенность ментальности крестьянства, особенно далеких от центра регионов. К 1917–1918 гг. мировоззрение крестьянства не могло оперировать категориями общероссийского государства, люди были против любой власти, особенно в период её частой смены и экономического упадка, собственное благополучие было важнее в такой период.

Сегодня существует иная точка зрения, заключающаяся в том, что до середины 1919 г. на территории действовали немногочисленные, слабо связанные между собой, стихийно организованные группы и отряды, некоторые из них в последующем оказывались под влиянием направленных к ним представителей большевистского подполья. При этом успех сопутствовал тем, кто опирался на родственные, личные связи. В целом радикализации настроений крестьянства способствовали давние местные конфликты, скатывание провинции в состояние безвластия, переход территории из рук в руки, опыт взаимодействия с одной из сторон конфликта (наличие политических ссыльных, мест компактного проживания этносов), преследования заподозренных в сочувствии к враждебному лагерю. В целом тема повстанческого движения крестьянства в Тарском Прииртышье недостаточно изучена. Нуждаются в изучении масштабы их деятельности, социально-психологическая характеристика участников, внутренние противоречия, степень влияния различных политических сил, деятельность мобилизационных комиссий (всех режимов) и их влияние на мотивацию участия крестьян в вооруженном противостоянии, зависимость активности населения от природно-географического фактора, степени удаленности от административных центров и мест сосредоточения вооруженных сил, социального состава населения, организации сторонами агитационно-пропагандистской работы и мн. др.

Нельзя сказать, что все опубликованные материалы так упрощенно трактуют события Гражданской войны. Идеологические запреты не смогли полностью выхолостить атмосферу эпохи и мысли людей, не вписывающиеся в официальную концепцию. Поэтому сегодня есть необходимость в выявлении всех источников, хранящихся в архивных, музейных, библиотечных фондах, в сельских, школьных музеях, всех сведений, опубликованных в сборниках и на страницах периодической печати для того, чтобы включить их в практику изучения Гражданской войны, иначе для последующих поколений «Смута XX века» станет не просто мифологизированной, а неизвестной войной.

В заключение необходимо отметить, что только совокупность подходов (использование как документов, традиционных для исследователей, так и не-

традиционных – личного происхождения) позволит разобраться в сложных перипетиях Гражданской войны и тем самым приблизиться к пониманию особенностей данного феномена российской государственности.

¹ Гольцов В. И. Гражданская война и массовое историческое сознание: эволюция стереотипов // Россия от Первой мировой войны до образования СССР. М., 2011. С. 117; [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cdk-fl.ru/wrew/index.html/> (дата обращения: 15.09.2014).

² Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М., 2007. С. 513–517, С. 525–526.

³ Иванов В., Елизаров В. В тихом урмани // Ленинский путь (Тара). 1987. 3 ноября. С. 3.

⁴ Гаркавенко О. Гражданская война: поражение России // Православие и современность, 2013; [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eparhia-saratov.ru/Articles/2013-10-30-11-03-46-grajdanskaya-voyna> (дата обращения: 23.09.2014).

⁵ Резиновский Я. Г. Первый съезд волостных революционных комитетов Тарского уезда // Ленинский путь (Тара). 1977. 7 июля. С. 2.

⁶ Шахов В. Поднятый на дыбы XX век // Прими поклон, село Ложниково. Омск, 2006. С. 34.

А. В. СУШКО (Омск),
Омский государственный технический университет

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЫТА ПЕРЕЖИВАНИЙ СОБЫТИЙ
О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В ИНТЕРЕСАХ МОБИЛИЗАЦИИ
НАСЕЛЕНИЯ НА БОРЬБУ С БОЛЬШЕВИЗМОМ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ВОЕННЫЕ ВЕДОМОСТИ»)**

18 ноября 1918 г. в результате военного переворота в Омске Верховным правителем России был провозглашен адмирал А. В. Колчак. У власти в белой Сибири прочно утвердились военные. Г. К. Гинс – управляющий делами Совета министров колчаковского правительства, образно описал тот период сибирской истории: «Для характеристики этого периода не найти фотографий, изображающих деятелей гражданской власти, съезды крестьян, народные собрания. Есть только портреты генералов, снимки парадов, смотров, военных банкетов и картин разрушений. Это был военный период. Он весь окрашен милитаризмом»¹. Возникшая после омского переворота военная периодика стала частью государственного пропагандистского аппарата белой Сибири.

На фронте информационного противоборства красных и белых важнейшим вопросом являлся вопрос о формировании в общественном сознании представления о Первой мировой войне. Большевики, заключившие Брестский мир

с Германией, старались утвердить представление о Первой мировой войне как об империалистической – чуждой интересам рабочих и крестьян. Оказавшиеся у власти в Омске кадровые офицеры непосредственно участвовали в войне. В памяти большинства из них она продолжала оставаться Второй отечественной или Великой войной. Поэтому военные газеты Белой Сибири, в противовес большевикам, стали представлять войну как общенациональную борьбу. Военные газеты апеллировали к памяти читателей о героях войны с целью мобилизовать население на борьбу с большевиками.

Цель данной работы – рассмотреть вопрос о формировании исторической памяти о Первой мировой войне на страницах новониколаевской газеты «Военные ведомости». Газета «Военные ведомости» пыталась использовать участие Русской армии в Первой мировой войне для формирования у читателей патриотических чувств. С этой целью Белая армия представлялась как возрождающаяся Русская армия. Лидер белого движения адмирал А.В. Колчак неоднократно подчеркивал, что возрождение России начинается с возрождения Русской армии. Лозунгом выходившей в Ново-Николаевске с ноября 1918 г. газеты «Военные ведомости» стала мысль «Единая Неделимая Россия – Могучая дисциплинированная армия». В редакционной статье первого номера определялась основная задача издания: «Наше дело, военной газеты, обратить все свое внимание на нашу возрождающуюся к новой жизни армию. Ту армию, с помощью которой возможно воссоздание величия России»².

Один из основных пропагандистских приемов формирования в общественном сознании образа Белой армии как возрождающейся Русской армии был основан на апелляции к исторической памяти читателей о Первой мировой войне. В этом отношении показателен номер газеты «Военные ведомости» от 31 ноября 1918 г. В нем была размещена проникновенная статья-обращение штаб-ротмистра Языкова «Проснитесь!», посвященная военному смотру колчаковских войск в Екатеринбурге. Для того чтобы читатель понял идейную направленность и прочувствовал пафос статьи, с некоторыми сокращениями приведем из нее достаточно объемную цитату: «Я точно проснулся от тяжелого сна... Предо мной снова стройные ряды войск, патриотическое воодушевление и старое полковое полотнище знамени старого заслуженного полка... Монастырская площадь города Екатеринбурга залита ярким зимним солнцем, лучи которого играют на радостных лицах толпы. Это был великий день. День, в котором зашито и скрыто от сознательных взоров «углубителей революции» знамя снова увидело свет и радостно затрепетало под радостным дуновением ветерка. Тебя – старое знамя – свидетель блестящих дел, – тебя, символ русской мощи, я увидел снова гордо развевающимся и вдохновляющим тысячи русских сердец. Мне стало радостно и в то же время беспрельдно тяжело... Предо мною пронесли еще живые образы четырнадцатого, пятнадцатого и шестнадцатого годов, пронесли и другие страницы истории нашей победы-

носной армии. Где вы, другие полотнища, за которые умирали гордо и с честью сыны прекрасной Родины? Вас скомкали и затоптали в бессильной злобе, а с вами вместе затоптали и свою честь, совесть и прежнюю доблесть взбунтовавшиеся рабы! Хлеба и зрелищ!.. Хлеб раскидывали, продавали, попутно торгуя своей совестью; и зрелища было так много: офицерам срывали погоны, убивали их, кровью заливая тротуары столиц и провинции, а толпа хохотала, дико аплодируя удачному исполнению русской трагедии. И вот наконец, после долгих глумлений, позора и испытаний – к тебе, великому Символу, снова стекаются сыны опозоренной отчизны! Пусть ты, первым увидевший свет штандарт, будешь нам путеводной звездой. Мы пойдем за тобою! Прочь с пути, все жалкие и продажные! Теперь мы пойдем под сенью старых знамен возрождать Родину, и мы ее возродим! Мы в это верим так же, как в то, что беспощадно уничтожим тех, кто пойдет против нас. А вы, индифферентные зрители, “мягкотелая русская интеллигенция” – проснитесь!»³

В статье выражались типичные чувства русского кадрового офицера, пережившего разложение армии в дни Февральской революции, унижение достоинства и массовые убийства офицеров. Она отражала идеологию русского офицера-белогвардейца. Исследователь В.Л. Кожевин, характеризуя офицерскую идеологию, отмечает, что «она не походила на своды идеологических установок политических партий. По своему характеру она принадлежала к разряду контридеологий, поскольку была ориентирована прежде всего на вооруженную борьбу с политическим противником»⁴. В статье штаб-ротмистра Языкова «Проснитесь!» содержались обращения к национальным чувствам читателей, говорилось о «символе русской мощи», «русских сердцах». Обращает на себя внимание критика «мягкотелой русской интеллигенции», которая, по мнению большинства офицеров, была повинна в революции. Это была статья-призыв к борьбе с большевиками и возрождению России, основанная на обращении к исторической памяти о Первой мировой войне и патриотическим чувствам читателя.

Пропагандистское воздействие статьи «Проснитесь!» должно было усилить стихотворение А. Ляпунова, посвященное событиям Первой мировой войны:

Посвящается памяти павших в Карпатах

Догорел зимний день,
И уже ночи тень
Опустилась на дебри Карпатские...
Смолкло все... Тишина...
Ярко светит луна
На могилы забытые братские.
Под могильным холмом
Тихо спят мертвым сном
Свою душу за други отдавшие...

С сильным духом в сердцах,
 Без патронов в сумках,
 Никогда ни на что не роптавшие!
 Пусть Господь даст вам силы!
 Встаньте вы из могил...
 Посмотрите, что с Родиной сталося!
 Убежден, что у вас
 В этот горестный час
 Сердце честное мукой бы сталося!
 Станьте вы в грозный строй
 Пред безумной толпой,
 Защитите вы грудь, что дорого!
 Вы уймите мятеж,
 Вы прикройте рубеж
 От вторжения лютого врага!
 Вы нарушьте покой,
 Кто прибрался домой,
 Прикрываясь уловками модными!
 Совесть кто заглушил,
 Кто всю правду забыл
 И играет страстями народными!
 Но кругом тишина...
 Скорбно светит луна
 Средь молчанья сурового, дикого!
 Не умеем решать!
 Не дерзаем желать!
 Нам не вымолить чуда великого!

Однако пессимизм последних трех строк стихотворения обесценивал весь его пропагандистский эффект. Пессимизм был присущ литературным произведениям, печатавшимся на страницах белогвардейских газет в Сибири. Он отражал подавленное эмоциональное состояние большинства представителей «индифферентной интеллигенции». О поэзии белогвардейских газет колчаковского периода современные исследователи пишут: «В отличие от революционной поэзии, полной победительного романтического восторга, лирика поэтов белой столицы – один сплошной крик отчаяния, ужаса и боли. Лишь изредка пробиваются в таких стихах нотки неподдельной брутальности»⁵. Думается, что при агитации, порождавшей редуцированные эмоции и пессимизм, подрывавшие у населения веру в победу белых, она была невозможна.

Русский эмигрантский историк А. А. Керсновский прямо увязывал создание Белой армии с традициями Русской армии имперского периода: «Петровская армия отошла в вечность. И в последнем её дыхании забилося сердце добровольческой армии. Русская армия продолжала жить»⁶. Гражданская война в России велась и за формирование исторической памяти россиян. Свои

ми публикациями военная печать белой Сибири способствовала сохранению духовной памяти о Первой мировой войне, фиксации ее в национальном самосознании. Литературные материалы о недавней войне, опубликованные на страницах военной печати в Сибири, отражали опыт её переживания современниками: военными, непосредственно участвовавшими в боевых действиях, и интеллигенцией, находившейся в белой Сибири. Эти публикации использовались белыми для противобольшевистской агитации. В случае победы белых Первая мировая война осталась бы в исторической памяти россиян совершенно в ином свете. Она не была бы, по выражению современных историков, «забытой войной», или, как ее оценивали советские историки, «империалистической войной». Она осталась бы «Второй отечественной» или «Великой войной». В настоящее время россияне постепенно возвращаются к такой оценке войны. В современной России переосмысление событий Первой мировой войны уже привело к введению государством официальной памятной даты – Дня памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне.

Для историков очевидна взаимосвязь Первой мировой и Гражданской войны в России. Так, Б. Н. Миронов на этот счёт пишет: «В настоящее время всё больше российских и зарубежных исследователей склоняются к мысли, что февральские и октябрьские события 1917 г. представляют собой два этапа одной революции, начало которой целесообразно передвинуть к 1914 г. – моменту вступления России в Первую мировую войну, а завершение к 1920 г. – окончанию Гражданской войны»¹. В 1918 г. многие белые воины, участвовавшие в Гражданской войне, под воздействием пропаганды рассматривали большевиков как ставленников Германии и, соответственно, борьбу с большевиками в русле продолжения Первой мировой (Отечественной) войны. Гражданская война в России стала прямым продолжением Первой мировой. Для России эти войны стали национальной трагедией. Очевидно, что нужно чтить память всех воинов погибших в них. В этой связи политикам и историкам стоит подумать о корректировке указанной памятной даты. О возможности расширить её, назвав «День памяти российских воинов, погибших в Первой мировой и Гражданской войне» (без разделения погибших воинов на красных и белых). Такая трактовка памятной даты могла бы способствовать преодолению разделения исторического сознания россиян на сторонников «белых» и «красных», а значит, укреплению национального единства россиян.

¹ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2008. С. 618.

² Военные ведомости. 1918. 21 ноября.

³ Военные ведомости. 1918. 31 ноября.

⁴ Кожевин В. Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск, 2011. С. 259.

⁵ Третья столица. Омск. 1918–1919 годы. Изобразительное искусство. Литература / отв. ред. И. Г. Девятярова. Омск, 2011. С. 67.

⁶ Керсновский А. А. История русской армии в 4-х томах. Т. 4. М., 1994. С. 331.

⁷ Миронов Б. Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции. Статья 1 // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 73.

В. И. ТЕТЕРИН (Пермь),

Пермская государственная сельскохозяйственная академия

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ВЛАСТИ КОЛЧАКА

В современных условиях построения и укрепления государственной вертикали власти в России огромное значение приобретают взаимоотношения местного самоуправления и центральной власти. До сих пор продолжается реформирование системы управления на местах. По-прежнему до конца не определены и разделены полномочия на местах, а значит, сфера местного самоуправления всё ещё не заняла своего места в политической системе России. Изучение земства и городских дум при этом приобретает не только историческое значение, но и практическое. Поэтому в наше время всё чаще историки, политологи, общественные деятели обращаются к опыту земских учреждений. Изучение исторического опыта местного самоуправления в России, попытки внедрить его в современную систему становятся сегодня как никогда актуальными. Наиболее показательным в этом отношении представляется период коренной ломки старой политической системы в России и становление новой в ходе революции и Гражданской войны.

Значительная часть исследований системы местного самоуправления посвящена дореволюционному периоду становления земства и городских дум; крайне ответственный период 1917–1919 гг. до сих пор остаётся практически не изученным. Между тем в период революции и Гражданской войны земства и городские думы являлись серьёзной политической силой, и, чем острее становился накал борьбы, тем острее становилась борьба за власть на местах.

В советское время исследователи данного периода почти не касались проблемы местного самоуправления: деятельность земства и городских дум специально не освещалась, упоминания о ней встречаются лишь в связи с изучением деятельности органов советской власти. В литературе этого периода события на Урале рассматривались в соответствии с общероссийскими событиями¹. Новый этап в изучении проблем, связанных с деятельностью местного самоуправления, в советской историографии начинается в 60-е гг. XX в. и развивается в 70–80-е гг.²

Полноценное изучение истории местного самоуправления в России началось лишь в 90-е гг. Это было связано с радикальными общественно-политическими переменами в нашей стране. Изменилось отношение к самой идее самоуправления, появились условия для её обстоятельного изучения. На страницы научных изданий вернулся термин «самоуправление», практически не употреблявшийся советскими историками по отношению к земским и городским учреждениям России³. Однако даже в этих исследованиях деятельность органов местного самоуправления на местах показана крайне поверхностно.

Таким образом, в последние годы интерес к проблеме местного самоуправления значительно вырос. Об этом свидетельствует большое количество защищаемых по этой теме кандидатских и докторских диссертаций⁴. Кроме того, регулярно проводятся научные конференции. Вместе с тем по-прежнему остаются не раскрытыми многие вопросы, прежде всего связанные с деятельностью земств и городских дум на местах. Явно недостаточное внимание уделяется периоду Гражданской войны, хотя именно в эти годы органы местного самоуправления играли существенную роль.

Установление советской власти в Пермской губернии в декабре 1917 г. закономерно привело к ликвидации старых органов власти. Земства и городские думы попытались противостоять этому процессу, однако политическую борьбу Советам проиграли. Уже в начале 1918 г. началась кампания по ликвидации органов местного самоуправления. В некоторых случаях проводилось их слияние с Советами⁵. Однако власть большевиков продержалась в Перми не долго. Через год, 24 декабря 1918 г., первые части Сибирской армии (дивизия Зиневича) вошли в Пермь со стороны Мотовилихи. К вечеру 25 декабря город уже был в руках белых. Это был решающий этап Пермской операции, которая привела к занятию белогвардейцами большей части Пермской губернии и города Перми – важнейшего стратегического пункта на пути белой армии к Москве⁶. С приходом белых начинается новая страница в истории пермского земского и городского самоуправления.

В первую очередь на освобождённых территориях восстанавливалась система местного самоуправления. В январе 1919 г. стали восстанавливаться земские и городские службы, канцелярия. Туда начали принимать служащих, работавших как до прихода к власти большевиков, так и при них. В основном это касалось секретарей и другого вспомогательного персонала. Кандидатуру каждого сотрудника при назначении рассматривала Пермская губернская земская управа. Так, например, 5 января на должность секретаря канцелярии Губернской земской управы была принята Ксения Константиновна Попова, бывший секретарь отдела здравоохранения⁷. Как правило, всех сотрудничавших с большевиками оставляли в занимаемой должности, как «опытных и полезных работников в занимаемой должности». Многим при этом присваивался статус «временных работников». Лишь в одном случае работник был отстранён

от должности. Делопроизводитель канцелярии лечебных заведений Г. Т. Мионов был освобождён от службы, а на его место был назначен Н. А. Колобриер⁸.

Естественно, земские и городские органы самоуправления сразу же попытались получить тот объём власти, который они имели при Временном правительстве. Они сразу же включились в политическую деятельность. Однако Колчак уже не нуждался в такой опоре на местах. Свою политику он строил на военном управлении и поддержке частей регулярной армии. Поэтому новое земство и городские думы в 1919 г. уже не играли такой роли, как при Временном правительстве.

Отражением нового положения земства стало первое после разгона большевиками Губернское земское собрание. В списке вопросов, подлежащих рассмотрению Пермского губернского земского собрания 48 очередной сессии 1919 г., среди важнейших были мероприятия по улучшению сельского хозяйства, оценка недвижимых имуществ, реорганизация с/х статистики в уездах, вознаграждения за потравы и т. д.⁹, то есть вопросы, связанные с сельским хозяйством, земледелием и землевладением. Вопросы политического характера были изъяты из ведения органов местного самоуправления.

При Колчаке земство по-прежнему играло важную роль в вопросах образования. 18 мая 1919 г. состоялось заседание Пермского общества народных университетов, на котором выбирался Наблюдательный совет Общества и его президент. В Пермскую губернскую земскую управу был направлен детальный отчёт о выборах, а также запрос о назначении представителя в этот совет. Земством был назначен Иван Фокич Пономарёв¹⁰. Стоит отметить, что были образовательные учреждения и не подчинённые земству.

В ведении местного самоуправления при Колчаке оставалось здравоохранение в губернии. Согласно статье 284 и 342 постановления Совета министров от 8 января 1919 г. в состав Делегатского Собрания, а также в Советы больничных касс входят представители местного самоуправления: Городской думы, губернского и уездного земств в составе четырёх человек. На совещании органов самоуправления в Перми было принято следующее решение: два места было отдано представителям городского самоуправления и по одному губернскому и уездному земствам¹¹.

Однако земства претендовали и на решение более важных политических вопросов. Они стремились занять ту же политическую нишу, что и при Временном правительстве. Правительство Колчака же этого не допускало. Все важнейшие вопросы на местах решались через военную администрацию. 29 января 1919 г. вышел приказ помощника Главного начальника Уральского края полковника С. А. Домонотовича о необходимости выплаты государственных, земских и прочих налогов¹². Земствам при этом отводилась лишь вспомогательная роль. Им предписывается «содействие». Такая же ситуация наблюдалась и при решении других важных вопросов, касающихся жизни города и края.

В результате во время приготовлений к встрече адмирала Колчака разразился грандиозный скандал. Городская дума 21 голосом против 10 отказалась приветствовать на вокзале Колчака как Верховного правителя. Социал-демократы предложили встречать его как частное лицо. Инцидент был решён генерал-майором Эповым (начальником штаба 2-й Сибирской стрелковой дивизии). Он привёл вооружённых казаков и под угрозой роспуска думы заставил приветствовать Верховного правителя¹³. Таким образом, дума, хотя и пыталась проводить самостоятельную политику, но в целом уже была под полным контролем. К тому же она всё более отдалялась от народа: в рамках той же встречи был выбран делегат от города.

В ходе своего вторичного посещения Перми 1–2 июня 1919 г. А. В. Колчак даже не встречался с представителями земства и Городской думы¹⁴. Во многом это объясняется неудачами на фронте и отступлением Сибирской армии. Однако это же говорит и об окончательном падении роли земства, фактически брошенного на произвол судьбы.

Таким образом, с приходом к власти большевиков земства уходят с политической арены. Вновь земства начинают свою деятельность при Колчаке. Однако той полноты власти и полномочий, которые были в 1917 г., у них уже не было. Постепенно роль земств понижается, все важные вопросы выводятся из-под их контроля. С окончательным установлением власти большевиков в июле 1919 г. земские органы местного самоуправления окончательно были упразднены.

¹ Заболотный Е. Б. Российская историография революции 1917 года на Урале. Екатеринбург, 1995. С. 70–71, 84.

² См.: Горовой Ф. С., Александров Ф. А., Гантман Л. М., Капцугович И. С. Урал в огне революции. Пролетарская революция в Пермской губернии. Пермь, 1967; Лисовский Н. К. Октябрь на Южном Урале. Борьба за установление и упрочнение Советской власти на Южном Урале в 1917–1918 гг. Челябинск, 1957; Рычкова Г. П. Большевики Урала в борьбе за победу Великой Октябрьской Социалистической революции. Свердловск, 1947; Старцев В. И. Революция и власть. Петроградский совет и Временное правительство в марте – апреле 1917 г. М., 1978; Бурджалов Э. Н. Вторая Русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971; Андреев А. М. Местные советы и органы буржуазной власти. М., 1983.

³ См.: Абрамов В. Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура. М., 1996; Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М., 1990; Лаптева Л. Е. Земские учреждения в России. М., 1993.

⁴ См.: Ростова Т. А. Земство Симбирской губернии в 1905 – начале 1918 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005; Семенченко И. В. Деятельность земств на Урале: 1900–1919 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2010.

⁵ Герасименко Г. А. Судьба земств в ходе революционных событий 1917 г. // Земское самоуправление в России. М., 2005. С. 361.

⁶ Radola Gajda, Moje pameti. Praha, 1923. P. 153.

⁷ Государственный архив Пермского края. Ф. 44. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 34. Л. 30.

⁹ Там же. Д. 28. Л. 27–27 об.

¹⁰ Там же. Д. 32. Л. 20–21.

¹¹ Там же. Д. 32. Л. 25–26.

¹² Гражданская война в Прикамье (май 1918 – январь 1920 гг.). Пермь, 2008. С. 226–227.

¹³ Субботин Е. П., Ситников М. Г. По пермским адресам адмирала Колчака. Хроника пребывания Верховного правителя России в Перми // Пермский дом в истории и культуре края. Пермь, 2009. С. 147.

¹⁴ Там же. С. 157–158.

А. Н. ТИМОФЕЕВ (Красноярск),
независимый исследователь

ДОБРОВОЛЕЦ ЯКОВ ТИМОФЕЕВ. РЕКОНСТРУКЦИЯ БИОГРАФИИ

Тимофеев Яков Яковлевич (21 октября / 3 ноября 1899 – 30 января 1971 гг.)¹. Русский, православного вероисповедания. Участник Гражданской войны в Сибири и Забайкалье. Окончил Читинское военное училище (1920), род оружия – казачьи войска/кавалерия, последний чин – хорунжий².

Единственный сын Якова Федоровича Тимофеева, командира дружины Красноярского вольно-пожарного общества, позднее – личного почетного гражданина города Красноярска³. Обучался в мужской гимназии (1910–1913), в Красноярском реальном училище (1914–1918)⁴ в одном классе с Александром Фрейбергом, Георгием Фрейбергом⁵ и (согласно семейному преданию) в Красноярской рисовальной школе. Добровольно вступил в Ачинский конно-партизанский отряд и вел в Красноярске запись добровольцев (июль 1918 г.), помогая командиру Эриху Фрейбергу в формировании отряда⁶. С осени 1918 г. – на бронепоезде «Мститель»⁷ в броневой дивизии Особого Маньчжурского отряда. В декабре 1918 г. откомандирован в Читинское военное училище (ЧВУ), с юнкерами которого принимал участие в боевых действиях в Забайкалье. За «отличия в делах против неприятеля» награжден Георгиевским крестом 4-й степени⁸. В составе ЧВУ эвакуировался на станцию Даурия, где был произведен в подпоручики. С войсками атамана Семенова отступил в Маньчжурию. На 12 октября 1920 г. – поручик Отдельного пешего дивизиона при ставке Главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины.

В Харбине вступил в церковный брак с Екатериной Фрейберг⁹ и остался на постоянное жительство. Первое время занимался случайными заработками. После окончания курсов в автомеханической мастерской «Славия» работал практикантом, потом шофером в провинции, на частной автобирже у состоятельного

китайца (г. Хулань, 50 км от Харбина), водителем такси, автобуса, грузовиков у разных владельцев (до 1935 г.). На 1935 г. – член Дальневосточного Союза казаков, член Общества взаимопомощи читинцев, член общества «Русский автотранспорт». На 14 февраля 1939 г. – хорунжий, член «Енисейской зарубежной казачьей станицы», г. Харбин (атаман А. Н. Тялшинский)¹⁰. В период с 1935 по 1943 гг. работал на частной автобирже, позже – автослесарем на сборке-ремонте тракторов и механиком в немецкой фирме «Кунст и Альберс».

После прихода Красной Армии – водитель в штабе обороны г. Харбина и механик воинской части п/п 19902 (сентябрь 1945 – апрель 1946 гг.), бригадир автоцеха при паровозоремонтном заводе КВЖД (апрель 1946 – 1947), шофер частной автобиржи (1947–1952), на случайных заработках, преимущественно на ремонте автомашин (1952–1953). На 6 февраля 1953 г. – механик в государственной Северо-Восточной электрической компании. В июле 1954 г. с женой и семьей сына выехал в СССР, на освоение целинных и залежных земель. На станции Отпор распределен в совхоз «Овцевод» Новоселовского района Красноярского края, где работал водителем машины технической помощи при Центральной ремонтной мастерской. Летом 1955 года переехал к родственникам в Красноярск. В Красноярске – слесарь экспериментальной мастерской, слесарь-электромонтер, лаборант кабинета тяговых и грузоподъемных машин Красноярского лесотехникума, позже работал в Восточно-Сибирском институте повышения квалификации, в Институте леса и древесины, откуда и вышел на пенсию. Похоронен на Бадалыкском кладбище Красноярска¹¹.

Штрихи к портрету и дополнительные сведения. В Китай прибыл через станцию Маньчжурия, имея бессрочный паспорт Российской Империи. С выходом декрета СНК и ВЦИК от 15 декабря 1921 г.¹² лишился российского гражданства и оставался бесподданным эмигрантом до получения гражданства СССР (1946). Мог объясняться на маньчжурском и китайском языках. Круг интересов – история, живопись, механика, столярное дело.

Адреса проживания. В Красноярске: ул. Песочная № 96 (1899–1918), ул. Урицкого № 90, кв. 2 (1955–1966?), ул. Богграда № 17? (1966? –?), ул. Карбышева № 24 «б»? (? – 1971). В Харбине: Старый Харбин, Фуражная ул., фанза КВЖД 25 (1923)¹³; Модягоу, Церковная ул. № 1, кв. 2 (1935); Модягоу, Черногорская ул. № 25, кв. 7 (1943)¹⁴.

Реконструкция биографии, выполненная на основе архивных документов и найденных фотографий, позволяет предположить, что Яков Тимофеев является не только автором статьи по истории Ачинского конно-партизанского отряда¹⁵, но и автором художественного решения (дизайна) боевой награды «Крест Ачинского конно-партизанского отряда»¹⁶.

Первое предположение подкрепляется «совпадением» фамилии, чина, подтвержденным фактом участия Якова Тимофеева в записи добровольцев, а также родственной связью с командиром АКПО (Э. Г. Фрейберг и Я. Я. Тимофеев были

женаты на родных сестрах). Не случайно статья написана фактически в соавторстве и опубликована во Франции, где в то время проживал Э.Г. Фрейберг.

Второе предположение кажется вполне оправданным, если принять во внимание художественные способности, получившие дальнейшее развитие под руководством опытного педагога, штатного преподавателя графических искусств в Красноярском реальном училище (1914–1919) Вильгельма Генриховича Вагнера¹⁷, который вел занятия и в Красноярской рисовальной школе (1913–1919)¹⁸. Дизайн боевой награды «Крест Ачинского конно-партизанского отряда» был разработан на основе полкового знака 14-го уланского Ямбургского Великой княгини Марии Александровны полка, в котором ранее служил Э.Г. Фрейберг. Впервые описанная Пашковым, награда представлена двумя изображениями в книге А.И. Рудиченко¹⁹.

Поиск поименного списка АКПО и подтверждение (опровержение) действительного авторства дизайна «Креста Ачинского конно-партизанского отряда» является предметом дальнейшего исследования.

Автор благодарит за бескорыстную помощь по сбору материала для этой статьи главного специалиста отдела использования и публикаций Государственного архива Хабаровского края Любовь Анатольевну Кривченко, архивистов Государственного архива Забайкальского края и Государственного архива Красноярского края.

Замечания, дополнения, уточнения, запросы, касающиеся судебных и фотографий юнкеров, а также офицеров, преподававших в Читинском военном училище, просьба присылать на два адреса: anit2008@mail.ru и anit7529@gmail.com.

¹ Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 348. Оп. 1. Д. 347. Л. 41.

² Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 3060. Л. 3, 13, 26–27.

³ Тимофеев А. Яков Федорович Тимофеев // Сибирский исторический альманах. Красноярск, 2011. Т. 2 : Сибирь на переломе эпох. С. 284–288.

⁴ ГАКК. Ф. 855. Оп. 1. Д. 280. Л. 44.

⁵ Тимофеев А.Н. Два бойца из отряда Э. Фрейберга : (реконструкция биографий) // Сибирский исторический альманах. Т. 1 : Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010. С. 60–62.

⁶ Воля Сибири. 1918. № 22. 19 июля. С. 4; № 24. 23 июля. С. 4.

⁷ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 3060. Л. 8 об.

⁸ Государственный архив Забайкальского края (далее – ГАЗК). Ф. 329. Оп. 1. Д. 82. Л. 123–124 (Приказ Главнокомандующего всеми вооруженными силами РВО № 325 от 3 мая 1920 г., Чита).

⁹ Выпись из метрической книги «О бракосочетавшихся» за 1920 г., выданная причтом Свято-Алексеевского храма в Модягоу, Харбин, № 182. Легализовано Генеральным консульством СССР в Харбине. Подлинник // Семейный архив Тимофеевых.

- ¹⁰ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 3060. Л. 4, 7, 11, 14, 21 об.
- ¹¹ Семейный архив Тимофеевых.
- ¹² Декрет ВЦИК и СНК от 15 декабря 1921 г. о лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей. Электронный ресурс. Режим доступа: www.consultant.ru/online/base/?req=ESU;n=15997 (дата обращения 28.09.2014)
- ¹³ Весь Харбин на 1923 год : Адресная и справочная книга города Харбина. С. 303.
- ¹⁴ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 3060. Л. 6, 19.
- ¹⁵ Тимофеев. История Ачинского конно-партизанского отряда // Часовой. 1931. № 56. С. 25.
- ¹⁶ Пашков П. Ордена и знаки отличия гражданской войны 1917–1922 // Военно-историческая библиотека «Военной были». Париж, 1961. № 1.
- ¹⁷ Пичугина О.К. Вильгельм Вагнер – художник и педагог // Суриковские чтения. 2006. С. 38–41.
- ¹⁸ ГАКК. Ф. 855. Оп. 1. Д. 88. Л. 1 об., 3 об., 7, 18 об., 19, 31 об.
- ¹⁹ Рудиченко А.И. Награды и знаки белых армий и правительств 1917–1922 / Collectorsbook. 2008. С. 364 (коллекция М. Селиванова, Москва), 366 (коллекция А. Горбунова, Москва).

А. Н. ТИМОФЕЕВ (Красноярск),
независимый исследователь

Л. А. КРИВЧЕНКО (Хабаровск),
Государственный архив Хабаровского края

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ А. П. БАКШЕЕВ И СУДЬБЫ ЕГО ПОТОМКОВ. ДОПОЛНЕНИЕ К БИОГРАФИЧЕСКИМ СПРАВОЧНИКАМ

Памяти Марии и Петра Шараповых

В этой работе мы приводим сведения из архивных источников, которые отсутствуют в биографических справочниках¹ и дополняют сведения по харбинскому некрополю². В частности, впервые публикуется фото Бакшеева маньчжурского периода и групповой портрет, выполнявший роль «удостоверения личностей» несовершеннолетних детей во время Гражданской войны. Кроме того, мы постарались кратко представить жизненный путь дочерей, после казни отца уехавших из Китая.

Бакшеев Алексей Проклович (12 марта 1873 – 30 августа 1946 гг.). Казак посёлка Атамановский Титовской станицы Забайкальского казачьего войска. Участник Русско-японской войны – в составе 2-го Читинского казачьего полка (5-й Забайкальский батальон), хорунжий. За отличия в боях против японцев награждён орденами Святой Анны 2-й, 3-й и 4-й степеней, Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом (1904) и Святого Станислава 2-й степени

с мечами (1905), темно-бронзовой медалью «За поход в Китай 1900–1901 гг.». Призван во 2-й Забайкальский казачий полк (позднее назывался 1-м Читинским)³. На 13 июля 1909 г. – подъесаул 1-го Читинского полка ЗКВ⁴. В Первую мировую войну – есаул, начальник конно-пулемётной команды 1-го Читинского полка. Дважды контужен (1914). 6 июля 1915 г., прикрывая отход полка под нажимом превосходящих сил противника, был тяжело ранен и взят в плен, где находился до 1917 г. Награждён мечами к ордену Святой Анны 2-й степени (1915). В Гражданскую войну А. П. Бакшеев – ближайший помощник Г. М. Семенова. После 1920 г. эмигрировал в Харбин⁵. Командир Захинганского волонтерского корпуса⁶. На 3 февраля 1940 г. – делопроизводитель отделения БРЭМ в Хайларе. Генерал-лейтенант⁷. В числе наград «маньчжурского» периода: медаль «За усердие» в честь 5-летия БРЭМ (3 февраля 1940 г.), медаль-орден БРЭМ «За усердие» (8 июня 1941 г.)⁸. Последний год жизни находился в заключении в Москве. Приговорен к ВМН с конфискацией имущества. Расстрелян 30 августа 1946 г.

Военная коллегия Верховного Суда РФ 26 марта 1998 г. пересмотрела уголовное дело Бакшеева. По статье 58-10 ч. 2 (антисоветская агитация и пропаганда) УК РСФСР дело было прекращено за отсутствием состава преступления, в остальной части приговор оставлен без изменения, подсудимый признан не подлежащим реабилитации⁹.

Родственники и потомки. Братья Александр (1881 – после 1933 гг.), Иоанний / Ионикий (1884 – 10 марта 1941 г., ИТЛ)¹⁰, жена Евдокия Григорьевна Бакшеева (1 марта 1888 – 20 марта 1942 г., Харбин), дочери: Анна (15 марта 1904¹¹, Чита – 1999 г., Сан-Франциско), Ольга (1907?, Чита – 1995 г., Сан-Франциско), Мария (13 июля 1909¹² – 5 декабря 1993 г., Красноярск), Валентина (30 октября 1911¹³ – 30 июля 2007 гг., Сидней).

Судьбы дочерей А. П. Бакшеева.

Степаненко (урождённая Бакшеева, Anna Stepp – амер.) Анна Алексеевна (15 ноября 1904, Чита¹⁴ – 1999 г., Сан-Франциско). В августе 1921 г. была нелегально вывезена матерью из Читы в Маньчжурию. Училась в 1-й Читинской гимназии, окончила гимназию Андерса (Харбин). По профессии машинистка (1935). На 1935 г. состояла в Союзе казаков на Дальнем Востоке и бывших чинов Дальневосточной армии, трудового и общественного стажа не имела¹⁵. С 1930 г. – в церковном браке. В 1950-х гг. уехала с мужем в США (Сан-Франциско). Муж Степаненко (Nick Stepp – амер.) Николай Емельянович (12 декабря 1906, Чернигов – 1985 гг., Сан-Франциско)¹⁶, сын Владимир (9 августа 1931 – 27 декабря 1942 гг., Харбин)¹⁷.

Иллирицкая (урождённая Бакшеева) Ольга Алексеевна (1907?¹⁸, Чита – 1995¹⁹, Сан-Франциско). В августе 1921 г. была нелегально вывезена матерью из Читы в Маньчжурию. Училась в 1-й Читинской гимназии, окончила гимназию М. С. Генерозовой (1926, Харбин) и 1-ю зубоврачебную школу (1929,

Харбин). Знала английский и китайский языки. Имела зубо врачебный кабинет и частную практику на дому (1929 – 16 сентября 1931 гг.). Зубной врач у зубного техника S. Mañjak (1 октября 1931 – 1 июня 1935 гг., Ханькоу), работала в лечебнице имени доктора Л. В. Казем-Бека (30 июля 1935 – 1 декабря 1937 гг., Харбин). На 30 июля 1935 г. – член дамского кружка при лечебнице имени доктора Л. В. Казем-Бека, а также дамского кружка при Союзе казаков и бывших чинов Дальневосточной армии (на 11 июня 1936 г. – секретарь кружка)²⁰. Первый муж – Плиссак Александр Павлович (10/23 июля 1907, Харбин – 1986 гг., Сан-Франциско), второй муж – Иллирицкий Василий (12 июня 1899 – 1994 гг., Сан-Франциско), сын Георгий Плиссак от первого брака (21 апреля 1932 – 22 декабря 1994 гг.), невестка Марина (родилась 3 сентября 1935 г.), внук Александр²¹.

Шарапова (урождённая Бакшеева) Мария Алексеевна (13 июля 1909²², Чита – 5 декабря 1993 гг., Красноярск). В августе 1921 г. была нелегально вывезена матерью из Читы в Маньчжурию. В Харбине окончила 1-ю женскую гимназию Генерозовой (1927), 8-й класс той же гимназии (1929), 1-ю зубо врачебную школу со званием «зубной врач» (1934, Харбин). Проходила практику в кабинете сестры Ольги. Занималась самостоятельно зубо врачебной практикой (1930–1933), стаж в качестве зубного врача 1,5 года. В 1933 г. в Харбине вышла замуж. Переехала в Шанхай (1933), где проживала до отъезда в Тяньзинь (январь 1936 г.), откуда вернулась в Харбин 11 апреля 1938 г.²³ В СССР (Красноярск) приехала с мужем в индивидуальном порядке в 1956 г. По специальности не работала, вела домашнее хозяйство. Похоронена вместе с мужем на Бадалыкском кладбище Красноярска. Муж – Шарапов Петр Александрович (06 апреля 1910 – 06 января 1995 гг.). Дочери-близнецы Марина и Галина умерли в младенческом возрасте (1945), похоронены в Харбине на Успенском (Новом) кладбище, рядом с могилой бабушки – Е.Г. Бакшеевой²⁴.

Овчинникова (урождённая Бакшеева) Валентина Алексеевна (30 октября 1911, Чита – 30 июля 2007 гг., Сидней)²⁵. В августе 1921 г. была нелегально вывезена матерью из Читы в Маньчжурию. Окончила в Харбине гимназию Генерозовой (1930). Училась в 1-й музыкальной школе (1930–1934) по классу рояля (не окончила), на курсах русской машинописи. Знала английский и японский разговорный языки. Непродолжительное время работала в 3-м отделе БРЭМ (Харбин, 1935). Служащая Акционерного Общества «Чурин и К°» с 1935 г., конторщица, машинистка (9 лет). Вышла замуж первым церковным браком в Харбине в 1940 г. Проживала в Австралии. Приезжала с мужем и дочерью к сестре в Красноярск. Похоронена на кладбище Rookwood, Anglican Trust. Первый муж – Козлов Борис Аполлонович (24 июля 1901 – ?)²⁶, второй муж – Овчинников Вадим Петрович (1910–1972), дочь Ольга Вадимовна (по мужу – Valjean; 1951, Харбин – 1979 гг., Сидней), внук Винсент (Vincent Valjean, родился в 1968 г.)²⁷.

Фотодокументы из семейного альбома М. А. Шараповой. Вряд ли можно считать удовлетворительной ситуацию, когда единственный портрет А. П. Бакшеева, доступный историку, – это фотография заключенного из следственного дела НКВД, датированная 1945 г.²⁸ Видимо, по этой причине в биографических справочниках, содержащих сведения о судьбе Бакшеева, его портрет отсутствует. Приводим список фотографий из семейного альбома Марии Шараповой, которые, на наш взгляд, выходят за рамки генеалогических интересов:

1. Паспарту 10 x 15 см. «И. Ф. Подзоров. Харбин» с портретом А. П. Бакшеева в военной форме в полный рост. На обороте – дарственная надпись. Без даты.

2. Паспарту 10 x 15 см. «И. Ф. Подзоров. Харбин» с поясным портретом Бакшеева в военном мундире с наградами. На лицевой стороне – подпись Бакшеева и дата 25 марта 1906 г., на обороте – дарственная надпись А. П. Бакшеева.

3. Паспарту 10 x 15 см. «CABINET PORTRAIT» с парным портретом братьев Бакшеевых Александра и Алексея. Фото 30 января 1907 г.; Харбин. На обороте – дарственная надпись рукой Алексея Бакшеева.

4. Одиночный поясной портрет А. П. Бакшеева с наградами БРЭМ. 14 x 22 см. Харбин, после 08 июня 1941 г.

5. Одиночный поясной портрет Е. Г. Бакшеевой в шубе. 8,5 x 13 см. Фото 1 марта 1926 г., Харбин. На обороте – дарственная надпись Е. Г. Бакшеевой.

6. Одиночный портрет Е. Г. Бакшеевой. Круг диаметром 14 см. Без указания места и даты.

7. Групповое «удостоверение личностей» несовершеннолетних дочерей: Анны, Ольги, Марии, Валентины. Подпись и печать. Фото 28 мая 1921 г., Чита.

8. Памятники на могилах Е. Г. Бакшеевой, Марины и Галины Шараповых. Харбин, Успенское кладбище. Фото 1945 г.

Авторы выражают искреннюю благодарность всем, кто оказал помощь в сборе, подготовке и обработке материала для этой статьи: жительницам Красноярска Людмиле Плисовой, Татьяне Логиновой и Галине Хоршуновой, Леониду Капустину (Муром), читинцам Алексею Беломестнову, Геннадию Жеребцову, Вадиму Перминову, жителям Сиднея Алексею Ивачёву, Татьяне Лялиной и Петру Татаринovu, жительнице Мельбурна Наталье Николаевой. Дополнения, замечания, а также вопросы, касающиеся фотографий, просьба присылать на два адреса: anit2008@mail.ru и anit7529@gmail.com.

¹ Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л.. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. М., 2011. С. 490–492; Волков С. В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. М., 2012. С. 80.

² Жилевич (Мирошниченко) Татьяна. В память об усопших в земле маньчжурской и харбинцах. Мельбурн, 2000.

³ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://pomnipro.ru/memorypage17991/biography>.

⁴ Государственный архив Забайкальского края (далее ГАЗК). Ф. 282. Оп. 2. Д. 137. Л. 33 об.–34.

⁵ Апрельков В. Ю. Георгиевские кавалеры Забайкальского казачьего войска в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. Т. 1. Чита. 2012. С. 50–51.

⁶ Смирнов С. В. Отряд ОСАНО. Русские воинские формирования в Манчжоу-Го, 1938–1945 гг. Екатеринбург, 2012. С. 143.

⁷ Буяков А. М. Знаки и награды российских эмигрантских организаций в Китае. Владивосток, 2005. С. 51; Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Новосибирск, 2004. Т. 2.: А–З. С. 87; Буяков А. М. Знаки и награды российских эмигрантских организаций в Китае. Владивосток, 2005. С. 51; Электронный ресурс. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бакшеев,_Алексей_Проклович (дата обращения 11.10.2014).

⁸ Буяков А. М. Знаки и награды... С. 145.

⁹ Электронный ресурс. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бакшеев,_Алексей_Проклович (дата обращения 11.10.2014).

¹⁰ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://lists.memo.ru/index2.htm> (дата обращения 30.06.2013).

¹¹ ГАЗК. Ф. 282. Оп. 2. Д. 83. Л. 35 об.–36.

¹² ГАЗК. Ф. 282. Оп. 2. Д. 137. Л. 33 об.–34.

¹³ ГАЗК. Ф. 282. Оп. 2. Д. 175. Л. 14 об.–15.

¹⁴ ГАЗК. Ф. 282. Оп. 2. Д. 83. Л. 35 об.–36. (На надгробии указан 1906 г., в ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 45234. Л. 1. – дата рождения 21 ноября 1908 г.)

¹⁵ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 45234. Л. 1, 1 об.

¹⁶ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 45237. Л. 19; Электронный ресурс. Режим доступа: <http://russianmuseumsf.org/cemeteries/> (дата обращения 30.06.2013).

¹⁷ Фотография из семейного архива М. А. Шараповой. (Кроме сына Владимира детей больше не было. Род пресёкся)

¹⁸ Определено логически. В анкетах БРЭМ указаны другие даты рождения: 11 июня 1909 г. (ГАХК, Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 37294. Л. 1), 1908 г. (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 37293. Л. 1), на надгробии – 1909 г. Метрические записи не обнаружены.

¹⁹ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://russianmuseumsf.org/cemeteries/> (дата обращения 30.06.2013).

²⁰ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 37294. Л. 1, 1 об.; Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

²¹ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://russianmuseumsf.org/cemeteries/> (дата обращения 30.06.2013); Семейный архив М. А. Шараповой, частное сообщение М. Д. Плиссак 2012.

²² ГАЗК. Ф. 282. Оп. 2. Д. 137. Л. 33 об.–34. В документах периода японской оккупации Китая указана дата рождения 4/17 августа 1912 г. (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 53054. Л. 4), в советских документах и на памятнике – 5 августа 1912 г.

²³ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 53054. Л. 1, 1 об., 5, 7, 9, 9 об.

²⁴ Личный архив А. Н. Тимофеева (г. Красноярск).

²⁵ ГАЗК. Ф. 282. Оп. 2. Д. 175. Л. 14 об.–15. В документах периода японской оккупации Китая указана дата рождения: 17/30 октября 1914 г. (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 2538. Л. 2). На памятнике – 30 октября 1914 г.; Алексей Петрович Ивачёв, Петр Сергеевич Татаринов (оба – Сидней, Австралия). Частные сообщения.

²⁶ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 2538. Л. 2, 2 об., 3 об., 5, 5 об., 13, 17, 19.

²⁷ Личный архив А. Н. Тимофеева (г. Красноярск).

²⁸ Электронный ресурс. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бакшеев,_Алексей_Проклович (дата обращения 11.10.2014).

Ю. В. ТИМЧЕНКО (Омск),
Исторический архив Омской области

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОМСКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1918–1919 ГГ.

После прихода в Омск белых частей в июне 1918 г. была восстановлена Омская городская управа как исполнительный орган Омской городской думы. Делом народного образования и просвещения при городской управе заведовал отдел народного образования. В ведении отдела состояли городские начальные училища, высшие начальные училища, высшие учебные заведения, национальные и профессиональные школы, библиотеки, детские сады и детские площадки¹. Задачами этого отдела являлись:

1. Забота о развитии народного образования в городе во всех установленных наукой формах.
2. Руководство деятельностью всех городских учреждений по народному образованию и снабжению их необходимыми пособиями.
3. Обслуживание этих учреждений в хозяйственном отношении – наем, отопление и освещение помещений, составление ведомостей по выплате жалования и др.
4. Сношение с высшими правительственными и земскими органами по делам народного образования.
5. Составление смет, докладов и ведение всей переписки по делам народного образования.

Первоначально штат отдела состоял из 15 человек, но к концу 1919 г. он был сокращен до минимума – заведующий, делопроизводитель, секретарь, машинистка. Отделу народного образования в этот период приходилось работать в сложных условиях нехватки средств, служащих. Однако самой большой проблемой стала реквизиция зданий учебных заведений в связи с требованиями военных ведомств. Помещения, в которых находились училища и школы, отводились под воинские части, лазареты еще во время Первой мировой войны, но наибольший размах этот процесс приобрел в 1918–1919 гг.

1918–1919 учебный год прошел для города Омска в тяжелых условиях. Еще до его начала для нужд военного ведомства было реквизировано большинство

школьных помещений: 27 августа 1918 г. Акмолинский областной распорядительный комитет по квартирному довольствию войск в связи с ожидавшимся расквартированием призыва, состоящего из 12600 человек, постановил изъять здания всех начальных училищ, перенести занятия школ на вечернее время в здания 1-й и 2-й мужских гимназий, 1-й и 2-й женских гимназий, Епархиального училища, гимназию Эйнартович и вообще во все частные средние учебные заведения, которые реквизиции не подлежали.

Учебный год в ряде училищ и школ пришлось закончить раньше срока. Подобная ситуация сложилась в Омской учительской семинарии в феврале 1919 г.: на педагогическом совете постановили закрыть семинарию и начальное училище при семинарии до начала будущего учебного года, поскольку здание не отапливалось, не было керосина, стипендии учащимся едва хватало на хлеб². Были прекращены занятия в Омской латышской школе за неимением помещения, в 16-м смешанном училище и 14-м приходском еврейском училище занятия прекратились с 15 декабря 1918 г., в 15-м смешанном городском училище – в марте 1919 г., в 13-м женском приходском училище учебный год закончился в апреле 1919 г.³ Довольно типичной была ситуация, сложившаяся в Омском коммерческом училище. Коммерческое училище, учрежденное городским самоуправлением совместно с биржевым обществом осенью 1910 г., попало в 1918 г. в сложное положение, угрожающее ему закрытием. Здание было реквизировано, помещения пришлось искать в разных учреждениях, занятия проводились только в вечернее время. В связи с этим количество учеников уменьшилось на 145 человек, а это отразилось на материальном положении училища. Преподавательский состав не был удовлетворен материальным содержанием, учителя уходили со службы⁴.

Своих зданий лишились и вечерние школы для взрослых, которые были открыты в апреле 1918 г. при советской власти. Число учащихся в них составляло от 90 до 120 человек. Уже в сентябре 1918 г., вследствие реквизиции помещений, занятия в вечерних школах были прекращены. Попытки отдела народного образования отстоять помещения оказались безрезультатными, городских средств на содержание школ не имелось, потому они были временно закрыты до появления более благоприятных условий.

На заседании Городской думы 19 ноября 1918 г. отмечалось: «...в городе сложилось такое положение, что школы не функционируют, а увеселительные заведения функционируют в широком масштабе»⁵. По окончании 1918/19 учебного года отдел народного образования Омской городской управы просил Министерство народного просвещения возбудить перед Военным министерством вопрос об освобождении школьных помещений от военного постоя и производстве капитального ремонта зданий после постоя. Однако это не возымело действия, здания не были освобождены, и потому 1919/20 учебный год не начался вовремя.

Органы городского самоуправления пытались бороться с проблемой нехватки помещений разными способами. Одним из них стала аренда помещений в частных зданиях под городские начальные училища. Городским управлением арендовались здания для 12-го мужского и 9-го женского училища на углу Больше-Ивановской улицы и площади Крестовоздвиженской церкви в доме Рычкова, для 17-го женского училища по Сиротской улице, для вечернего 2-классного училища в доме Алекторовой, для 10-го женского училища в доме Адельсона и др.⁶ Однако в сентябре 1919 г., в связи с повышением арендной платы за помещения в несколько раз и квартирным кризисом в городе, городской управе пришлось отказаться от аренды, прекратив занятия в данных учебных заведениях. Вторым способом решения проблемы стало возведение на участках при училищах временных бревенчатых барачков для вывода войск из зданий учебных заведений и размещения их в пристройках. Такие бараки были возведены при Лермонтовском мужском училище, 2-й женской гимназии, 3-м и 5-м высших женских начальных училищах⁷.

Кроме того, органы городского самоуправления помогали в поиске зданий для проведения занятий. Но предоставленные здания не удовлетворяли своему назначению в санитарном и хозяйственном отношении. Они не обеспечивались в необходимом количестве партами, столами, стульями, досками, учебными пособиями. Также в городе ощущалась острая нехватка дров, часто приходилось заниматься в холодных помещениях либо отменять занятия. Нескольким учебным заведениям приходилось ютиться в одном здании, проводя занятия в две три смены. Так, 1-е мужское высшее начальное училище, лишившись своего помещения, во 2-ю смену проводило занятия с тремя классами в ветеринарно-фельдшерской школе, а с другими тремя – в помещении убежища для бедных детей. При этом здание убежища для бедных детей было практически непригодным для занятий, но с этим приходилось мириться. Омское 4-е высшее начальное училище занималось во вторую смену в здании 2-го высшего начального училища, в классах, «наполненных пылью и испорченным воздухом»⁸. Это не могло не сказываться на здоровье воспитанников.

Некоторые учебные заведения нашли выход в том, что стали проводить занятия в квартирах заведующих и учителей. Заведующий 14-м мужским городским приходским училищем М.П. Медведев докладывал в отдел народного образования, что к 22 сентября 1919 г. занятия в училище в связи с неимением помещения еще не начались, но им подготовлено почти все к тому, чтобы начать занятия в квартире с одним отделением или посменно с двумя⁹. Но это действовало в отношении тех училищ и школ, где обучалось небольшое число воспитанников. К примеру, заведующий Омским 13-м мужским училищем сообщал в городскую управу в сентябре 1919 г., что занятия не были начаты, поскольку здание было реквизировано. При 13-м училище состояло 40 учащихся, а квартира заведующего могла вместить не больше 3–4 учащихся, но и с

ними занятия невозможно было провести, поскольку комнаты были холодные и сырые¹⁰.

Еще одной проблемой, с которой в этот период столкнулись училища и школы, стала нехватка учителей. 9 августа 1919 г. адмирал Колчак объявил указ о призыве в войска мужского городского населения в возрасте от 18 до 43 лет на территории Омского военного округа независимо от образовательного и имущественного ценза. Из лиц, подлежащих призыву, в учебных заведениях могли остаться только те, которые признавались безусловно необходимыми для учебного процесса и несли прямую ответственность за существование школ и училищ. Чаще всего такими лицами были заведующие. В 12-м приходском училище в сентябре 1919 г. занятия были прекращены, так как не имелось свободного помещения, а из троих учителей двое были призваны¹¹. Такая же ситуация сложилась в Омском Никольском приходском училище, где к занятиям не приступили, так как все учащие были мобилизованы¹². Городское самоуправление в качестве временной меры разрешило повышение нормы количества уроков для оставшихся учителей. Кроме того, предполагалось организовать краткосрочные педагогические курсы.

Министерство народного просвещения, понимая, что прекращение обучения подрастающей молодежи несет пагубные последствия для государства, направило в отдел народного образования и педагогические советы учебных заведений города 4 марта 1919 г. письмо, где рекомендовало следующее:

1. Принять все меры к тому, чтобы неуспевающие учащиеся не были предоставлены только самим себе или заботам родителей, необходимо для таких учащихся организовать занятия.

2. На случай занятия всех учебных заведений для военных надобностей выработать по соглашению с родительскими комитетами план продолжения занятий в частных домах и квартирах, установив хотя бы занятия по главнейшим предметам небольшими группами по несколько раз в неделю.

3. Принять все меры к тому, чтобы связь учащихся с учащимися в течение предстоящего перерыва занятий не прерывалась, для чего педагогическим советам надлежит разработать программы внеклассных занятий учащихся под руководством преподавателей.

4. В качестве внеклассных занятий признано желательным устройство экскурсий, выполнение письменных домашних работ по учебным предметам и др.¹³

Согласно пожеланиям Министерства народного просвещения училища и школы периодически проводили внеклассные мероприятия: экскурсии на сельскохозяйственную ферму, ткацкую фабрику Фомана, завод Рандрупа, кондитерскую, водопроводную станцию, свечной и мыловаренный заводы, мастерские железной дороги, музей ЗСОРГО и др.

Первая мировая война, революционные события 1917 г. и Гражданская война стали серьезным испытанием для сферы народного образования, которой не

уделялось должного внимания. Проблемы просвещения в эти годы отошли на второй план, делу народного образования был нанесен серьезный урон: школьные помещения, занятые под воинские постой, лазареты, правительственные канцелярии, пришли в негодность; не хватало письменных принадлежностей, учебников, мебели, денежных средств. Учащим и воспитанникам зимой приходилось терпеть перебои в отоплении, ютиться в тесных, непригодных помещениях. Отдел народного образования Омской городской управы отмечал заметное общее понижение успеваемости, не было возможности заниматься с отстающими учениками в связи с отсутствием помещений. Но в целом, благодаря мерам, принимаемым городским самоуправлением по урегулированию ситуации, обучение в городе прекращено не было, училища и школы продолжали действовать, выпуская своих воспитанников.

¹ Исторический архив Омской области. Ф. Р-1710. Оп. 1. Д. 3. Л. 151–152.

² Там же. Ф. Р-2011. Оп. 1. Д. 2. Л. 28–28 об.

³ Там же. Ф. Р-1710. Оп. 1. Д. 99. Л. 20; Д. 150. Л. 23 об.

⁴ Там же. Ф. 172. Оп. 2. Д. 8. Л. 193–194 об.

⁵ Там же. Ф. Р-1710. Оп. 1. Д. 62. Л. 45.

⁶ Там же. Ф. Р-1710. Оп. 1. Д. 21. Л. 14–14 об.

⁷ Там же. Ф. 172. Оп. 2. Д. 8. Л. 153–153 об.; Ф. Р-1710. Оп. 1. Д. 24. Л. 43.

⁸ Там же. Ф. Р-1710. Оп. 1. Д. 93. Л. 11–11 об., 17–17 об.

⁹ Там же. Ф. Р-1710. Оп. 1. Д. 152. Л. 16.

¹⁰ Там же. Ф. Р-1710. Оп. 1. Д. 118. Л. 14–14 об.

¹¹ Там же. Ф. Р-1710. Оп. 1. Д. 117. Л. 16.

¹² Там же. Ф. Р-1710. Оп. 1. Д. 121. Л. 15.

¹³ Там же. Ф. Р-331. Оп. 1. Д. 7. Л. 7–7 об.

А. А. ТИХОНОВ (Тара),

Тарская центральная районная библиотека

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА СЕВЕРЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ФРОНТИРА

Фронтир, определённый Ф. Дж. Тёрнером, как «место встречи дикости и цивилизации», в Сибири являлся таковым лишь на первоначальном этапе своего развития. Сибирский фронтир формировался на протяжении долгого времени, пока не появилась определенная цепь поселений, которую принято называть «подвижной границей». Фронтирные поселения выступали в качестве вех продвижения России на восток, указывая линиями укреплений, где и в какое время находилась граница государства. Так, например, в 1594 г. для более

успешной борьбы с Кучумом на Иртыше был построен город Тара, надолго ставший ключевым форпостом в регионе.

Разумеется, постройкой острогов и укреплением на территории близ фронтирных поселений дело не ограничивалось. Со временем началось продвижение вглубь неосвоенных земель силами представителей фронтирных поселений. Фронтир смещался всё дальше на восток, и поселения, некогда являвшиеся ключевыми опорными точками русской экспансии за Уралом, теряли свой первоначальный статус.

На протяжении всего периода укрепления русских в Сибири немало примеров утраты фронтирным поселением своего первоначального статуса. Власти поселений, а вместе с ними и население бывших фронтирных звеньев, оказывались перед выбором: либо перестраивать социально-экономическую жизнь поселения сообразно с существующими реалиями, либо упразднить оное поселение и перебраться в другое, выполняющее в единой фронтирной цепи функции прежнего. Подобная участь минула ряд крупнейших фронтирных поселений, таких как Тобольск, Тара и др. Они не утратили важного положения, став позднее крупными торговыми центрами, но фронтирное прошлое навсегда наложило отпечаток на специфику быта жителей этих городов.

Город Тара за время своего существования пережил и обычную для фронтирного поселения судьбу «звена» в цепи поселений, называемой подвижной границей, сохранив важное значение, пережил так называемую повторную колонизацию, проходившую во второй половине XIX – начале XX вв. Причём речь идёт не о «фронтире» в привычном понимании, когда на земли коренного населения приходят переселенцы из европейской части России. Термин «фронтир» в данном случае вполне уместно применять относительно наиболее важных переломных моментов в истории города. Так, приход отряда Андрея Елецкого к месту основания Тары порождал ситуацию фронта между пришлыми и местным населением. Далее – приход переселенцев из европейской части России, которые взаимодействовали с людьми, уже проживающими в Таре, – новая ситуация фронта.

Любые кардинальные изменения, привносимые в замкнутый мирок города извне, насаждаемые ли властью или обстоятельствами непреодолимой силы, вели к возникновению ситуации фронта между его населением и теми, кто эти новшества привносил. Примером тому может служить знаменитый Тарский бунт, когда устоявшийся жизненный уклад, определённая система ценностей встретились с привносимыми извне изменениями. Этот диктат власти породил ситуацию фронта, вызвал конфликт, исход которого нам прекрасно известен. Такова специфика постфронтирного поселения.

Ещё одна ситуация столкновения взглядов – Гражданская война, когда устоявшиеся порядки и взгляды на жизнь столкнулись с пришедшими извне новыми идеями. На примере города, некогда бывшего фронтирным поселением,

возможно проследить некоторые аспекты такого столкновения, поскольку сам образ жизни людей постфронтирного поселения – производное от фронтирного прошлого.

«В Таре, – пишет историк А. А. Жиров, характеризуя рассматриваемый период, – не просто менялись вывески на городских учреждениях, и одни столоничники заменялись другими, здесь тоже шел сложный процесс ломки устоявшихся отношений, экономических, классовых и общечеловеческих»¹.

Если рассматривать сложившуюся ситуацию с позиции фронта, всё встаёт на свои места, а именно: типичное стремление крестьянина сохранить в целостности свой дом и обеспечить безопасность своих близких переросло в так называемую «региональную» или «местечковую пассионарность» – уверенность в том, что в их силах решить судьбу региона, даже если это не так (определение, с иронией применяемое сторонниками теории пассионарности к областническому движению в Сибири и иным сходным процессам).

В начале XX в. в большинстве постфронтирных городов, в которых в XVI–XIX вв. формировался социально-психологический облик фронтирного жителя города – своего рода фронтирмена новой формации, постепенно начинались кардинальные перемены, сулящие очередной перелом. Одной из характеристик фронтирмена, кроме всего прочего, является стремление представить город не как отжившее фронтирное звено, а как полноценный современный город, своей инфраструктурой полезный и нужный Отечеству. Но для подобных действий нужен был толчок, воздействие извне. Без него возможность общественного подъёма была маловероятной.

А. А. Жиров в своём очерке «Огненные годы» описывает это так: «Тихое течение провинциальной жизни нарушили, как и повсюду, достигшие глубинки ветры революционных перемен. Девятитысячная Тара чутко прислушивалась к происходящему в стране и искала свое место в этих событиях. Как это бывает в период кризисов и больших перемен в общественной жизни, настойчиво велся поиск виновников»².

Исследователи истории Гражданской войны неоднократно замечали, что переход крестьянских масс на сторону большевиков в борьбе с армией А. В. Колчака представлялся идеологам большевизма весьма затруднительным. Крестьяне вполне могли сохранить нейтралитет, решив, что противостояние большевиков и колчаковской армии – не их война, однако жестокие действия колчаковцев вынуждали их братья за оружие. В. И. Ленин замечал на этот счёт: «Колчак дал нам миллионы сторонников советской власти в самых отдалённых от промышленных центров районах, где нам трудно было бы их завоевать»³.

Сомнения большевиков относительно успешного набора сторонников из числа жителей севера современной Омской области были не беспочвенны. В отличие от пролетариата крупных городов, сельские жители не спешили вступать в Красную армию, предпочитая не связываться в Гражданскую вой-

ну. Так, уездный комиссар И. Ф. Барановский, анализируя обстановку, писал: «нельзя ожидать большой склонности к проведению в жизнь утопических тенденций большевизма»⁴.

Тем неожиданной был внезапный успех подполья. «Подготовили почву» для дальнейшего недовольства А. И. Избышев с соратниками. Из воспоминаний жены Артёма Избышева, Улиты Петровны Избышевой, узнаём: «Купцы Лоскутовы звали его политиканом, Артемкой-большевиком. Избышев с товарищами Абрамовым, Литвиновым, тремя братьями Дубко, Зенюк знай вели своё тайное дело»⁵.

В книге М. К. Иоффе об Артёме Избышеве написано: «Был на исходе третий год империалистической войны. В Таре начали появляться солдаты-фронтовики. Пришёл с фронта в своё родное село Седельниково и солдат-большевик Артём Избышев. С собою привёз он Георгиевский крест, полученный за подвиг в бою, связку гранат, трофейный «маузер», снятый с дюжого немецкого ефрейтора, которого Избышев уложил в рукопашной схватке, и пачку зачитанных до дыр газет с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Гранаты и «маузер» Артём припрятал в надёжное место, а фронтовые газеты читал своим односельчанам»⁶. То есть в типично крестьянскую среду проник человек с иными взглядами, заложивший определённую базу для грядущего усиления подполья. В этой связи не суть важно, организовал ли Избышев партизанский отряд или же, как утверждает И. Ф. Петров, пришел в отряд братьев Дмитрия и Степана Дубко, когда тот уже был сформирован. Сильнейшим катализатором народного гнева явились действия колчаковцев. Стремление запугать местное население, о чём рассказывали тарчане И. Ф. Петрову в пору работы над очерком «Дорогами героев»⁷, не увенчалось успехом, но натолкнулось на неожиданно резкую реакцию. Само фронтирное прошлое диктовало населению севера современной Омской области на действие извне отвечать встречным действием.

Летом 1919 г. колчаковцы предприняли ряд попыток стабилизировать ситуацию, действуя всё теми же методами: сначала «за лояльное отношение к советской власти в Таре арестовали и посадили в тюрьму 188 чел., из них 10 женщин»⁸, а чуть позже недалеко от Иртыша, у дороги на Тару из села Екатерининское, напротив Черного Яра, расстреляли 14 человек, активно помогавших партизанам Избышева. Всё это не принесло желаемого результата. Напротив, усилился приток людей в ряды партизан и поддержка, оказываемая подполью со стороны местного населения.

Досконально разобрать на составляющие механизм зарождения и протекания Гражданской войны, понять сущность этого процесса не представляется возможным. И всё же в Европе XXI в., когда на западных рубежах России идёт гражданская война, люди – от простых обывателей до историков и политологов – обращаются к опыту вековой давности, к событиям 1918–1920 гг.

Не случайно большинство экспертов говорят о фронте геополитического противостояния между НАТО и Российской Федерацией. Через столетие переключалась и риторика сторон: «каратели», «ополченцы», «подполье». Эти слова то и дело встречаются в публикациях на страницах газеты «Ленинский путь», приуроченных к годовщинам трагических событий Гражданской войны. Они же в СМИ, рассказывающих о ситуации на Украине. «Фронт» в данном случае становится метафорой, способной значительно облегчить рассмотрение механизмов возникновения подобного рода столкновений в регионах, удалённых от основных очагов противостояния.

¹ Жиров А. А. Если бы стены могли говорить: очерки и статьи. Омск, 2008. С. 18.

² Там же.

³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1958. Т. 30. С. 59.

⁴ Цит. по: Жиров А. А. Если бы стены могли говорить: очерки и статьи. Омск, 2008. С. 20.

⁵ Молодой большевик (Омск). 1939. 11 ноября.

⁶ Иоффе М. К. Тара: к 350-летию основания. Омск, 1945. С. 28.

⁷ Петров И. Ф. По родному краю. Омск, 1980. С. 178.

⁸ Юрьев А. И. Тара: годы, события, люди. Омск, 2005. С. 63.

Н. С. ХРАПОВА (Омск),
Исторический архив Омской области

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ ОМСКИХ ЦЕРКВЕЙ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ ГОРОДА В 1915–1919 ГГ.

Последние годы Исторический архив Омской области ведет кропотливую работу над справочником «Метрические книги Омской епархии (1722–1919 гг.)». В архивном фонде Омской духовной консистории имеются метрические книги православных церквей, располагавшихся на территории нынешней Омской области, а также приходов, находившихся на современной территории Северного Казахстана, Тюменской, Томской, Новосибирской областей, Алтайского края. Поступили они на хранение не в полном объеме и не в идеальном состоянии. Во многих делах не по порядку страницы, иногда нет титульных листов и итоговых ведомостей, отсутствуют целые части книг, поэтому некоторые документы изначально были неправильно описаны, имели неверные датировки. На протяжении многих лет в описях оставалась масса ошибок. Основной задачей нашего творческого коллектива стало устранение всех неточностей, правильная идентификация метрических книг.

Наиболее сложной стала атрибуция отдельных метрических книг православных церквей города Омска 1910-х гг., находящихся в плохой физической сохранности, с частичной утратой текста. При массовом отсутствии титульных листов, итоговых ведомостей, а также невозможности определения церкви по населенным пунктам, входящим в приход, зачастую отнести метрическую книгу к той или иной церкви возможно было только по некоторым её особенностям, например, сословной принадлежности прихожан, церковнослужителям.

В настоящее время метрические книги воспринимаются многими исследователями преимущественно как источник генеалогической информации. Однако метрические книги разных конфессий, сохранившиеся в нашем архиве, являются ценным и фактически единственным источником, который несет в себе подробную информацию о членах церковных приходов. Анализ такого материала позволяет разносторонне исследовать особенности исторического развития общины в целом или входящих в ее состав отдельных групп населения (в том числе по сословной принадлежности), позволяет делать некий анализ, в том числе демографических процессов, протекающих в городской среде: смертность народонаселения, миграционные процессы, анализ социально-политической и бытовой обстановки города в тот или иной период.

В период Первой мировой войны Омск был, с одной стороны, глубоким тылом Российской империи, с другой – центром Степного генерал-губернаторства, Акмолинской области, Сибирского казачьего войска, Омского военного округа. Мобилизация военных кадров, размещение на своей территории хлынувшего с запада потока беженцев, военнопленных и многое другое – все это принял на свои плечи наш город. Именно он в дальнейшем оказался в авангарде мировых событий, став центром объединенного антибольшевистского правительства. Те важные исторические процессы, которые происходили в Омске в 1915–1919 гг., естественно, нашли непосредственное отражение на страницах такого источника, как метрические книги. Исследователи обращаются к данному источнику не только за подтверждением того или иного факта биографии известных личностей. Хотя и последнее не менее увлекательно. Например, в метрической книге Военно-Воскресенского собора имеется актовая запись о бракосочетании 23 июля (по старому стилю) 1919 г. адъютанта Верховного Правителя, штабс-капитана Виктора Степановича Матвеева с 17-летней дочерью крестьянина Пермской губернии Агнией Александровной Мажаровой. Поручителем со стороны невесты был известный омский купец Александр Иванович Печокас, поручителем со стороны жениха – адъютант Глеб Михайлович Сазанов¹. Известно, что Виктор Степанович оставался с А. В. Колчаком до его ареста, чудом спасся в Нижнеудинске, эмигрировал в Харбин.

Вообще, метрические книги дают основные сведения: факты рождения, брака, смерти (в том числе указывается причина смерти и место погребения), сословную принадлежность прихожан. Известно, что для нашего города ос-

новными сословиями были мещане, казаки, военнослужащие, служащие, крестьяне, меньше купцов и дворян. Позднее появляются конкретные профессии: в интересующий меня период встречаются «рабочий железнодорожной дороги», «техник путей сообщения», «учитель рисования», «агроном», «специалист по молочному хозяйству», «гидротехник», «инженер-технолог», даже «свободный художник Виктор Романов» – это уже 1918 г.

С приходом советской власти в метрических книгах закрепился термин «гражданин». Интересен тот факт, что очень часто в сельских приходах с 1918 г. вообще употребляется только этот термин. Все крестьяне переписывались как «граждане». В Омске же в одной метрической книге были и «граждане», и «мещане», и «крестьяне», и «служащие», и «казаки».

Известно, что в наш город уже с сентября 1914 г. стали прибывать эшелоны с военнопленными и беженцами. А в 1915 г. началось крещение военнопленных. Так, 29 ноября 1915 г. протоиереем А. Соловьевым в Успенском соборе было совершено массовое крещение, обряд был совершен над двадцатью восемью австрийскими подданными, военнопленными². Всего за 1915 г. в соборе, начиная с мая месяца, было присоединено к православию 52 человека. В 1916–1917 гг. обряды крещения проводились Преосвященнейшим епископом Омским и Павлодарским Сильвестром в Богородице-Братской церкви. За два года было им крещено 315 военнопленных. Это в основном так называемые «русские галичане» (русскоговорящие жители Галиции, Закарпатья), чехи. И, конечно, бракосочетания военнопленных с русскими женщинами. Чаще всего для бракосочетания жених православие не принимал. А при рождении ребенка указывалось отдельно вероисповедание мужа и вероисповедание жены.

О массовой смертности людей можно судить по имеющимся метрическим книгам церковей города Омска конца 1914–1919 гг., в которых, независимо от вероисповедания, регистрировались актовые записи об умерших, в основном от воспаления легких, кишечных инфекций, а позднее – от тифа.

В церкви во имя Всех святых одного из крупнейших кладбищ города (Казачьего) с сентября 1915 по декабрь 1916 гг. местным священником в день совершалось до десяти обрядов погребения беженцев и их детей³. Всего за три месяца зарегистрировано 332 смерти. Можно отметить, что данная метрическая книга, заведенная специально для регистрации смертей беженцев, была описана и атрибутирована впервые.

Наибольшее количество смертей фиксировалось в метрических книгах Свято-Троицкой церкви, расположенной при железнодорожном вокзале, и Богородице-Скорбященской церкви Омского военного госпиталя. Например, в церкви военного госпиталя в 1914 г. было зафиксировано 138 смертей, в 1915 г. – уже 673 (316 из них – мужчины в возрасте от 20 до 25 лет), в 1916 г. – 888 (423 мужчин в возрасте от 20 до 25 лет), с 1918 г. повозрастная статистика в данной церк-

ви не велась – не представлялось возможным, в 1919 г. общее число погребений составило 1800 человек (это максимальный показатель по всем городским церквям) – до 30 погребений в день. Здесь были и военнопленные, и служащие госпиталя, и медсестры, и солдаты без указания части, возраста, здесь же мы видим и «красноармейцев». Причины: «убит в бою», тяжелые ранения, но в основном – воспаление легких, с 1918 г. – возвратный и сыпной тиф – страшная эпидемия, обрушившаяся на город из-за плохих санитарных условий, наплыва беженцев и военнопленных, недостаточный уровень для их принятия. За период с 22 марта по 1 апреля 1919 г. количество заболевших тифом зарегистрировано было 185 человек, отмечали омские газеты, брюшным – 9, возвратным – 95, неопределенным – 41. Особенно выделялись по количеству тифозной заболеваемостью концентрационные лагеря⁴.

К приходу Успенского собора относились воспитанники Ольгинского приюта. С каждым годом все возрастало число крещений «подкидышей». А в 1918 г. в разделе об умерших – из 1226 актовых записей зафиксировано 380 смертей от кишечной инфекции младенцев – воспитанников приюта – только за один год. Всех их хоронили на Шепелевском кладбище⁵.

И даже если бы сохранились метрические книги в полном объеме (например, в архиве нет метрической книги Успенского Собора за 1919 г.), точное количество смертей и их причины установить было бы невозможно. Не все факты смерти регистрировались в метрических книгах. Это подтверждают приложенные к метрическим книгам позже органами ЗАГС заявления и справки. Например, в метрической книге Богородице-Скорбященской госпитальной церкви имеется заявление гражданки Н. Портнягиной-Новоселовой от 15 сентября 1924 г. следующего содержания: «Прошу ОмгубЗАГС выдать мне похоронную моего брата, умершего в ноябре 1919 г. Павла Александровича Портнягина. День похорон совершался в день занятия г. Омска Красной Армией. Ввиду переворота, он у нас был похоронен без отпевания и по метрическим книгам не проведен. По снятию допроса с двух свидетелей, прошу провести по метрическим книгам и выдать мне похоронную». Справку о смерти орган ЗАГС выдал 17 сентября 1924 г.⁶

Хотелось бы отметить, что приходы крупных городских церквей: Крестовоздвиженской, Пророко-Ильинской, Войсковой казачьей Николаевской – даже в годы Гражданской войны мало претерпели изменений. Конечно, в них, как и во всех остальных, больше стало появляться иногородних граждан, в разделах о бракосочетаниях изредка встречались браки с военнопленными (кроме Казачьей, где подобных браков зарегистрировано не было), наблюдались единичные случаи их крещения, но даже параметр смертности в этих городских церквях, если сравнивать период 1914–1919 гг. с более ранними годами, оставался примерно на одном уровне, и смертность преимущественно, как в довоенные годы, была «младенческая».

Таким образом, необходимо отметить, что метрические книги являются важным источником изучения социальной истории Первой мировой и Гражданской войн, поскольку позволяют отследить демографическое движение населения в регионе и более полно оценить последствия вооруженной борьбы.

¹ Исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. 16. Оп. 11. Д. 1. Л. 368.

² Там же. Д. 77. Л. 64 об.–74.

³ Там же. Д. 94. Л. 286–372.

⁴ Омский день // Заря. 1919. 11 апреля.

⁵ ГИАОО. Ф. 16. Оп. 11. Д. 125. Л. 192–365.

⁶ Там же. Д. 95. Л. 133А.

Т. И. ЦАРЕГОРОДЦЕВА (Тара),
Тарская централизованная библиотечная система

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ПОЭТИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ АРСЕНИЯ НЕСМЕЛОВА

Имя признанного мэтра восточной ветви литературной эмиграции, Арсения Ивановича Несмелова (настоящая фамилия – Митропольский, 1889–1945), открытое исследователями (Е. Витковский, И. Трусова, О. Бузуев и др.) на рубеже XX–XXI вв., сейчас достаточно широко известно любителям поэзии. Литератор не оставил после себя архива. Основными источниками сведений о личности и творчестве Несмелова для исследователей стали воспоминания его современников, опубликованные большей частью за рубежом, и произведения самого поэта, автобиографический характер которых позволяет восстановить некоторые факты и этапы его жизненного и творческого пути.

Об участии его в Гражданской войне известно немного: бывший офицер царской армии, он воевал в армии Колчака, был помощником коменданта Омска, участвовал в Ледяном походе, уехал в Китай, но в 1920 г. Митропольский вернулся из Маньчжурии во Владивосток, участвовал в литературной жизни, печатался под псевдонимом Несмелов. Однако попытка приобщиться к новому строю («Два года я дрался с большевиками, но драться с человеком – не значит узнать его. Почему же не посмотреть, не познакомиться? Перспектива слишком заманчива, но и опасность велика, если большевики знают обо мне все»¹) закончилась тайной эмиграцией в Харбин. По свидетельству современников, в Харбине Несмелов вёл замкнутый образ жизни. «Он был отстранен от светской жизни. <...> Он как представитель старшего поколения был опален войной, и мироощущение его было иным, чем у литераторов, родившихся и выросших на чужбине»².

Появление поэзии и прозы А. Несмелова в эмигрантской печати не осталось незамеченным, как не остался без внимания критиков и его сборник «Кровавый отблеск» (1928) – первый эмигрантский сборник, который можно считать поэтическим осмыслением событий Гражданской войны.

Борис Курбский в отзыве о книге Несмелова «Кровавый отблеск» пишет: «Эти бодрые, полные внутренней скованности строки, говорящие о борьбе и сопротивлении, на фоне современной обреченности и «упадка» как-то заметно выделяются своей бодростью и внутренней напряженной устремленностью»³.

«Кровавый отблеск» А. Несмелова – сборник любопытный <...> Это стихи войны и революционной борьбы, порою озаренные чувством родины, порою отравленные сознанием поражения и горечи. Они неровны, зачастую их романтическая резкость переходит в грубость, но есть в них что-то очень настоящее, этим стихам веришь, потому что даны в них, хотя далеко не всегда удачно и искусно, переживания не выдуманные, а подлинно жизненные»⁴.

Валерий Перелешин так отзывался в своих воспоминаниях о первом харбинском сборнике Несмелова: «Кровавый отблеск» <...> – сплошное зарево гражданской войны, памятник ненависти и любви, холод прощания с землей, которая изменила своим идеалам. Многие стихотворения не подсказаны, а грубо навязаны поэту жестокими эпизодами Гражданской войны в Сибири – страшными ночами, лютыми морозами, гранатами, расстрелами («Солдат», «Лось», «Казнь», «Бандит», «Стихи о револьверах»))»⁵.

В свое время среди исследователей творчества Несмелова велась полемика об идеологичности его творчества. Так, Е. Витковский считает, что «Арсений Митропольский об идеологии, кажется, так и не задумался до самой смерти: видимо, ему заменяла ее офицерская честь»⁶. Как пишет О. Бузуев, «трагедию гражданской войны Несмелов прочувствовал на собственном горьком опыте. Именно поэтому, в отличие от многих белогвардейских поэтов, он избегает прославления «белой идеи», ее поэтизации и мифологизации»⁷. Существует и противоположное мнение. Ю. Иванов, например, в одной из своих статей прослеживает развитие «идеологического сюжета» в поэзии Арсения Несмелова⁸. Американский исследователь Э. Штейн утверждает, что в основе творчества Несмелова лежит «сарказм, перерастающий в непримиримость в равной степени и к победителям, и к побежденным»⁹.

На наш взгляд, поэзия Несмелова лишена идеологичности. Как кадровый офицер русской армии, он исполняет свой воинский долг, не ставя себя перед выбором: «Грознейшей из всех революций /Мы пулей ответили: нет!». Как истинный поэт, он не осмысляет исторические события прошлого сквозь призму идеологии. Под влиянием русских поэтов и философов начала XX в. у Несмелова постепенно сложилась историософская концепция, воплощенная в итоговом сборнике «Белая флотилия» (1942)¹⁰.

Но уже в первом эмигрантском сборнике, отражающем личные впечатления бывшего участника войны, мы можем обнаружить историософские воззрения поэта. В сборнике «Кровавый отблеск» представлен образ бывшего воина, отверженного историей. Карта боевых действий (стихотворение «У карты») – это все, что осталось у него от прежней России:

И гладят руки с дрожью ветра
Шершавый, неопрятный лист.
12000 километров
Он протяжением вместил!

Его подлинная жизнь осталась в том военном прошлом, в настоящем же – его участь – «тупыми шлепанцами шаркать / К стене, / Где, / Угол отогнув, / Висит истрепанная карта...». Лишь вспоминая у карты события Гражданской войны, он на время обретает прежнюю силу.

В стихотворении «Сова» образ бывшего воина-белогвардейца сопряжен с образом ночной птицы, «чья память остов обветшалый благоговейно сторожит». Поэт понимает исчерпанность его исторической роли:

Как аксиому, без усилия,
Прими покорно и светло
Свои простреленные крылья
И безглазое дупло.

Война – «отбушевавшая гроза», «ураган», который «не выпотрошит» «ничьей постели изголовья». В новой мирной действительности ненужными становятся герои прошлой войны: заржавевший ятаган, ржавеющий броневик, оказавшийся по иронии судьбы на запасных путях рядом с красными вагонами. Знак воинской доблести и героизма, который носили Кутузов и Гумилёв, – «Святой Георгий» – оказывается в ломбарде. Эти образы также олицетворяют судьбу русского воина, прошедшего Гражданскую войну.

Трагический финал русской истории, по мнению поэта, был предопределен. Началом его стала Первая мировая война, а революция и Гражданская война – логическое завершение. Не случайно название поэтического сборника, посвященного событиям Гражданской войны, – «Кровавый отблеск» – и эпиграф к нему отсылают нас к А. Блоку (имя Блока дважды упоминается и в стихотворениях сборника).

Революция воспринималась А. Блоком не как социальное явление – борьба классов, а как борьба между носителями двух типов культур, находящимися теперь, как писал А. Блок, «во враждебных станах» (статьи «Народ и интеллигенция», «Стихия и культура», цикл «На поле Куликовом»). Возникший разрыв, а затем столкновение двух ставших враждебными культур привели к ги-

бели культуры интеллигентской, олицетворением которой был европейский город Петербург. Ответственность за происходящее Блок возложил на русскую интеллигенцию.

В литературе начала века мотив гибели петровской России как части европейской культуры был одним из ведущих. Европа в восприятии русской литературы представляла собой одряхлевшую, агонизирующую, загнивающую, погрязшую в мещанстве цивилизацию. Иванов-Разумник охарактеризовал революцию как борьбу между Скифом (свежими варварскими массами народа) и Мещанином, воплощающим мир старой культуры.

«Скифы», «гунны», «варвары», разрушающие городскую цивилизацию, – это восточная стихия, призванная взорвать косный, застойный западный мир. Мотив приветствия «восточных варваров» можно обнаружить в стихах В. Брюсова («Грядущим гуннам») и А. Блока («Скифы»).

На наш взгляд, стихотворение «Восемнадцатому году» прочитывается в этом контексте:

Хвала тебе, год-витязь, год-наездник,
С тесьмой рубца, упавшей по виску.
Ты выжег в нас столетние болезни:
Покорность, нерешительность, тоску.

В этом же литературном и философском контексте можно рассмотреть и стихотворение «Божий гнев», вошедшее в итоговый сборник «Белая флотилия». Революция, Гражданская война – это возмездие, «божий гнев»:

И воскрешая мифы,
Заклубила, почернела высь, –
Из степей каких-то, точно скифы,
Всадники в папахх ворвались.
Так, взращенный всяческим посевом,
Сытых ханжеств, векового зла,
Он упал на город Божьим гневом,
Молнией, сжигающей дотла.

Понимая историческую неизбежность произошедшей революции («Я уважаю революцию, / Как всякое через, над и за» стихотворение «Р.В. 15») и попытавшись приобщиться к ней и в жизни и в поэзии, Несмелов окончательно расходится с ней, чувствуя свою ненужность в новой действительности.

Лирический герой, появляющийся в его следующем эмигрантском сборнике – «Без России» (1931) – изгнанник, вынужденный скрываться от преследований «врага», жить вдали от Родины, – обречен на бездействие, «отраженную жизнь» в «мемуарном времени».

Тема изгнанничества реализуется, прежде всего, через образы «волка»,

«волчицы», «волчьей стаи», «волчат», впервые появляющиеся в сборнике «Без России». «Волчица» здесь – это Россия, «волчья стая» – бывшие воины-белогвардейцы, оказавшиеся в новых исторических условиях преступниками-изгоями («Вне пощады мы и вне закона»). Преследование, охота, потеря связи с родиной-«волчихой» рождает в них «волчьи» качества, ожесточает душу («И душа у нас совсем пустая, / Злая, беспощадная душа»; «Злую силу дарят нам враги»; «Ненавидеть нам не разучиться, / Не остыть от злобы огневой»). Однако «волчье» состояние в поэзии Несмелова – это не только злость, жестокость, беспощадность преследуемого. «Волчьи» качества – это качества не сдавшегося воина, хранящего верность идеалам «стаи» и преданность «волчихе». «Волчьи» качества живы в «сибирском ветеране» Затоне, образ которого раскрывается в стихотворении «В гостях у полковника». Старик с сияющим Георгиевским крестом на «старенькой полковничьей тужурке» «жив вихрем восемнадцатого года», он не сетует на свою судьбу, он вместе с гостями, бывшими соратниками, с гордостью вспоминает прошлое:

О как поют, как весело звучат
Событья восемнадцатого года,
Когда с азартом молодых волчат
Мы отгрязались от тебя, невзгода.

Но «волчьи» качества сохраняют не все, кто вынужден был покинуть Россию. Как «шутку», «насмешку» воспринимает герой Несмелова встречу с бывшим ротным Василием Васильевичем Казанцевым (стихотворение «Встреча вторая»). Белый офицер превратился в «почтенного бухгалтера», «конторскую мымру», «шевиотовый, синий, наполненный скукой мешок». А. Несмелову гораздо ближе «почтенного бухгалтера» Казанцева бывший враг, встреча с которым происходит в вагоне поезда (стихотворение «Встреча первая»):

Пусть мы враги – друг другу мы не чужды,
Как чужд обоим этот сонный быт.
И не понятно, право, почему ж ты
Несешь ярмо совсем иной судьбы?

«Волк» у Несмелова – не загнанный, затравленный зверь, вызывающий жалость, а яростно сопротивляющийся обстоятельствам мужественный воин, причем сопротивление в нем вызывает не только травля, погоня, но и ситуация вынужденного бездействия, на которое он обречен, оказавшись в изгнании.

Тема изгнания биографически напрямую связана с эмиграцией Несмелова. Но поэт здесь воспроизводит не только свои личные переживания, в его стихах поэтически осмыслены итоги антибольшевистского движения.

- ¹ Несмелов А. О себе и Владивостоке // Рубеж. 1995. № 2. С. 228.
- ² Таскина Е. П. Литературное наследие Харбина // Харбин – ветка русского дерева. Проза. Стихи. Новосибирск, 1991. С. 10.
- ³ Курбский Б. Рец.: Арсений Несмелов. «Кровавый отблеск» // Вольная Сибирь. 1930. № 8. С. 104–105.
- ⁴ Слоним М. Литературный дневник (О молодых поэтах) // Воля России. 1930. № 4. С. 368.
- ⁵ Валерий Перелешин. Об Арсении Несмелове // Новая Басманная, 19. М., 1990. С. 666.
- ⁶ Витковский Е. В. «На сопках Маньчжурии» // Несмелов А. Без Москвы, без России. М., 1990. С. 7.
- ⁷ Бузуев О. А. Поэзия Арсения Несмелова. Комсомольск-на-Амуре, 2004. С. 22.
- ⁸ Иванов Ю. Прошедший все ступени. «Идеологический сюжет» в поэзии Арсения Несмелова // Литературное обозрение. 1992. № 5–6. С. 28–34.
- ⁹ Штейн Э. (Письмо в редакцию) // Знамя. 1989. № 7. С. 232–235.
- ¹⁰ Царегородцева Т. И. Поэтическая судьба Арсения Несмелова. Омск, 2008. С. 78–106.

В. Б. ШЕПЕЛЕВА (Омск),
Омский государственный университет

**ПОЭТ ТРАГИЧЕСКОЙ ЭПОХИ, ПОЭТ ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ.
РЕЦЕНЗИЯ НА РУКОПИСЬ КНИГИ А. А. ШТЫРБУЛА
«ДОЖИТЬ ДО СЕНТЯБРЯ: СУДЬБА ПОЭТА ЮРИЯ СОПОВА»**

Анатолий Алексеевич Штырбул – активно и плодотворно работающий исследователь с чрезвычайно широким диапазоном научных интересов, но прежде всего осваивающий проблемы отечественной истории на её переломных этапах. Революция, Гражданская война – среди приоритетов научных поисков историка. Обозначившийся с конца XX в. историко-антропологический поворот в исторической науке как ответ на острую потребность «очеловечивания» истории нашёл отражение и в последних по времени изысканиях автора, в частности по вопросам жизни и творчества П. И. Сопова (Юрия Сопова) – поэта периода тектонических подвижек в жизни Сибири – России – Мира.

«История через личность» – подход в гуманитаристике очень ценный, хотя и чрезвычайно непростой, требующий, помимо несомненного признания чужой одушевленности», предельно глубокого погружения в миры – космос «предмета изысканий», нащупывания «моментов резонансности» между ними и собственными душевно-интеллектуальными проявлениями. Но не случайно в отечественной мыслительной традиции есть норма: «познание в любви» или: «мы познаём» – то есть познание доступно лишь целостно – всю личность. Иначе: глубокое увлечение предметом познания – существенный залог (и даже – методо-

логическое требование) для надежды на сколько-нибудь успешную реализацию исследовательской цели. И как раз это – далёкое от холодного рационализма, но гносеологически чрезвычайно важное обстоятельство – со всей очевидностью обнаруживается автором рецензируемой работы. Можно, упрощая, сказать: тепло человеческого сердца вырывает из небытия личность. Для рассматриваемого случая, пожалуй, такая «формула» не чрезмерна. И это главное.

Но, помимо главного, автор нашёл целый ряд очень продуктивных «технологических» ходов, работающих на успешность реализации исследовательских устремлений. Личность на разных её этапах (биографика) представлена в контексте омской, сибирской, общероссийской истории – социально-политической в разных аспектах, культурной. При этом постоянный «фоновый» ряд из сообщений местной периодики, причём как политического, военного, социально-экономического, так и культурного и бытового толка удачно дополняет авторский текст, обозначает, реконструирует значимые детали былого.

Из некоторых замечаний. Вряд ли удачно в «Главе 3» дано раскавыченное повторение текста В. Вайнермана (с соответствующей ссылкой), включая его, В.С. Вайнерманна, ошибочное представление относительно одного из псевдонимов Юрия (П.И.) Сопова – «М. Югович» (тем более что А.А. Штырбул в представленном исследовании далее убедительно доказывает, что псевдоним «М. Югович» принадлежит не Юрию Сопову, а редактору омских «Известий» К.М. Молотову); удачнее было бы, на наш взгляд, обозначить саму проблему псевдонимов поэта).

В отношении даты рождения Иннокентия Анненского: жаль, что А.А. Штырбул не заметил: уточнение даты рождения Ин. Анненского (не 1856, а 1855) произошло благодаря сотрудничеству замечательного литературоведа А.В. Орлова и омских архивистов, о чём рецензенту не раз доводилось писать и что упоминается в издании «Иннокентий Анненский. Избранные произведения» (1988). Наверное, уместно было бы учесть, обратить внимание на очевидное пересечение в процессе творческого становления Ю. Сопова и Л. Мартынова – как раз через Ин. Анненского – пересечение на фигуре, явлении поэзии Артюра Рембо и творческой группы «проклятых поэтов». Неоднократно повторенное автором (вслед за Вс. Ивановым) утверждение о Ю. Сопове как «саркастическом скептике», вырисовывающемся из самого текста исследования, из доступных рецензенту стихотворных текстов поэта, представляется не очень убедительным. Кажется, что у самого автора иной – очень близкий ему, очень симпатичный, открытый и... мятущийся романтик Юрий Сопов.

В целом же, несмотря на ряд небесспорных положений (они в основном – почва для новых дискуссий), несмотря на некоторые противоречия (здесь стимул для новых поисков), автору удалось главное: читателю явлен посредством тщательной реконструкции (в том числе посредством обобщения наработок предшественников) живой образ талантливого человека, поэта трагической

эпохи и трагической судьбы. И повторюсь: ныне признанным в гуманитаристике становится историко-антропологический подход: глубокое и последовательное «очеловечение» истории. Художественная литература и историческая наука – это «место встречи» представляется особенно продуктивным, тем более для нашей российской – «словесной цивилизации».

М. В. ШИЛОВСКИЙ (Новосибирск),
Новосибирский государственный университет

ОБРАЗ А. В. КОЛЧАКА В СИБИРСКОЙ ПРОЗЕ 1990–2000-х ГГ.

Интерес к личности А. В. Колчака проявился сразу же после окончания Гражданской войны в Сибири. С его именем связывался террор в отношении местного крестьянства, породивший мощный всплеск партизанско-повстанческого движения. Так, в романе В. Я. Зазубрина (1921) изнасилованная карателями генерала И. Н. Красильникова сельская учительница поднимает с пола разгромленной квартиры листовку-обращение по поводу передачи власти Колчаку с его портретом: «Подпись под манифестом была слитографирована с оригинала. Девушка задрожала, увидев хищный росчерк начальной буквы фамилии диктатора. Верхний крючок острым концом загибался над всей строчкой, и на конце его брызги чернил были похожи на почерневшие, засохшие капельки крови. Черный коготь стал расти, краснеть, кровь потекла с него ручейками. С листа бумаги он забрался в голову девушки, вонзился в мозг, раздирающей, острой болью наполнил оскорбленное тело... Село было все в огне. Огромный столб черного дыма ветер гнул в сторону, и он похож был на хищный коготь – росчерк начальной буквы страшной фамилии»¹.

И в последующих литературных произведениях по тематике гражданской войны в регионе (Вс. Иванов, Л. Сейфулина, К. Урманов, Г. Марков, С. Залыгин и др.) образ «Верховного правителя» проходил как общий фон совершающихся событий. «В Омске сформировалось белогвардейское правительство во главе с Колчаком, – замечал по этому поводу Н. Н. Яновский. – Для простых людей в Сибири – крестьян и рабочих – начались черные дни. Нескончаемые поборы, насильственная мобилизация в армию, восстановление старых дореволюционных порядков, кровавые репрессии карательных отрядов, тюремные застенки для тысяч людей – вот что принес Сибири Колчак. Ужасы колчаковщины породили гнев и ненависть в сердцах трудового народа»².

По мере либерализации советского режима, открытия доступа к белогвардейским источникам начинает проявляться интерес и к личности А. В. Колчака. Своеобразным «прорывом» стала эпопея в двух романах «Страшный суд»

А.К. Югова (1958–1966). Ее главный герой Сергей Шатров, впервые увидев адмирала на торжественном вечере 6 ноября 1918 г. в Омске, следующим образом суммирует свои впечатления: «Да неужели мне и впрямь, не во сне, выпало счастье своими глазами увидеть этого человека легенды?! Так вот он, значит, каков, прославленный русский адмирал, самый, говорят, молодой и самый удачливый из всех адмиралов мира! Дерзновенный водитель отряда миноносцев и расстановщик мин; человек, защищавший Рижский залив от вторжения подавляющих сил немецкого флота; обезопасивший не только Балтику, но и самое главное – столицу России. Тот, наконец, кто, будучи переброшен в самый страшный момент на Черное море, не только загнал неодолимых и неуловимых немецких бронированных пиратов «Гебена» и «Бреслау» обратно в Босфор, но и весь вражеский флот вместе с подводными лодками наглухо запер в нем своими минными полями». Правда, более пристально присмотревшись к своему кумиру, он фиксирует приступы «начальственного неистовства», которые одни воспринимали как характерную черту флотоводца, а другие – как проявление истерии и эпилепсии³.

В постсоветский период через личность и поступки Колчака пытаются осмыслить белое движение, в частности такую его составляющую, как вождизм. Как это происходит в изящной словесности, попытаюсь определить на примере трех литературных произведений: беллетризированной биографии «Верховного правителя» омича В.А. Терещука (1986–1999)⁴, повести новосибирца П.П. Дедова «Чалдоны» (2003)⁵ и романа томича Д.В. Барчука «Сибирская трагедия» (2006–2008)⁶ (далее сноски на них непосредственно в тексте).

Несмотря на время появления и жанровое разнообразие, эти произведения объединяет стремление «честно и правдиво» определить, за что боролся «благородный сын России А.В. Колчак, хотя и участвовал в одном из страшных преступлений XX века»⁷, а также общность источниковой базы, основу которой составили воспоминания и дневники А.П. Будберга, П.В. Вологодского, Г.К. Гинса, И.И. Серебrenникова, Г.М. Семенова и других видных деятелей антибольшевистского движения на востоке России. Зачастую отдельные мало-значимые для осознания личности адмирала замечания и наблюдения мемуаристов трансформируются в литературных произведениях в своеобразный дресс-код героя. Например, фразу из дневника П.В. Вологодского «Испитой и суровый на вид, он [Колчак – *М. Ш.*], должно быть, в душе очень добрый человек»⁸, Д.В. Барчук использовал в качестве определяющей характеристики: «несмотря на свой испитой вид», «болезненно худой, испитой», дополняя ее от себя графином с шотландским виски в салон-вагоне Верховного правителя⁹.

Многу установлено, что устойчивая матрица образа Верховного правителя сформировалась у них еще до знакомства с ним на основе слухов, общественного мнения, поступков А.В. Колчака в качестве ученого, реформатора, командующего Черноморским флотом во время Первой мировой войны¹⁰. При-

чем дискурс «Колчак – политик» освещался с использованием отрицательных оценок. Так, Г.К. Гинс общее впечатление о политических качествах патрона сформулировал в элегантной, но уничтожающей форме: «Адмирал был политически наивным человеком. Он не понимал сложности политического устройства, роли политических партий, игры честолюбия как фактора государственной жизни», тем не менее он был символом идеи единой России, «ее пламенем он горел и за нее погиб»¹¹.

Еще одной особенностью анализируемых произведений является наличие исторических ошибок и искажений. Меньше всего их у П.П. Дедова. Д.В. Барчук, касаясь воинского звания героя в момент появления его в Сибири осенью 1918 г., объявляет его контр-адмиралом¹². В.А. Терещук «высыпает» целую россыпь нелепиц: Л.И. Шумиловский позиционируется то министром торговли, то труда; атаман Амурского казачьего войска И.М. Гамов становится Жамовым; по приказу И.Н. Красильникова был повешен не городской голова Каинска, а Канска; 5-я польская дивизия не сражалась «с первых дней мировой войны», а была сформирована в Новониколаевске в 1918 г.; «самой высокой политической ступенью» П.В. Вологодского в дореволюционный период стало избрание депутатом 2-й Государственной думы, а не скромный удел выборщика в нее; белые захватили в Казани часть золотого запаса России, а не награбленные большевиками ценности, и не в 1919, а в 1918 г. и т. д.¹³

Безусловно, каждый писатель вправе конструировать образ своего литературного героя, даже если в качестве такового выступает реальная историческая личность. Более того, художественные подходы позволяют по-новому взглянуть на нее. Все три автора стараются отойти от традиционно-советской оценки Колчака как палача, махрового контрреволюционера-монархиста и отметить его «благородство, мужество, достоинство и честь русского офицера, любовь к Родине и единственной женщине»¹⁴. Каждый из них предлагает свое объяснение феномена личности Александра Васильевича. Для Д.В. Барчука завезённый в Омск англичанами адмирал стал могильщиком независимости Сибири «ради жертвенного спасения империи», который в порыве раскаяния признавался: «Слабым оказался я на поверку. Глупец! Еще заигрывал с представителями демократии. Останавливал генералов, чтобы не переусердствовали в карательных акциях. А надо было брать пример с большевиков и каленым железом, огнем и мечом выжигать их коммунистическую, сионистскую заразу, как они, безжалостно истреблять цивилизацию»¹⁵.

П.П. Дедов признается, что в поведении Колчака на посту Верховного правителя «много для меня непонятного, загадочного», и прежде всего причины его последовательной борьбы с большевизмом. Отвергая в качестве мотивов тщеславие, властолюбие, страсть повелевать людьми, писатель предполагает, «что в большевизме он чувствовал угрозу не только Российскому государству, но и всему народу. Тогда почему же он не добился того, чтобы этот народ по-

шел за ним?». И отвечает: «Народ пошел не за Колчаком, а за большевиками, за Лениным... Потому что большевики были ближе к народу, хорошо знали его сильные и слабые стороны и умели на этом играть. Они пообещали всем безграничную свободу. Посулили рабочему фабрику и заводы, пахарю — землю. Чего еще желать? Колчак таких «посулов» сделать не мог. Он видел процветание России в сохранении монархического строя и не мог обманывать народ фантазиями о равенстве и свободе». К тому же карательными практиками сибирских крестьян, в отличие от «российских», «запугать нельзя, насилием его можно только обозлить»¹⁶.

Я специально воспроизвел пространную сентенцию из повести известного сибирского писателя, дающую представление о его позиции по изучаемому вопросу, и одновременно раскрывающую современный уровень представлений о специфике Гражданской войны в России и Сибири. Прежде всего, о степени демократизма большевиков и их противников. Навряд ли после разгона Учредительного собрания, Сибирской областной думы, создания назначаемых, а не избираемых ревкомов, появления массовой категории лиц, лишенных избирательных прав кто-то сохранял иллюзии относительно демократизма коммунистов. С другой стороны, квалификация Колчака как монархиста (ее поддерживает В. А. Терещук), мне кажется, совершенно не соответствует его политическому мировоззрению. По моим наблюдениям, ни одна из белогвардейских группировок в России не решилась реанимировать идею реставрации монархии, за исключением генерала М. К. Дитерихса в августе 1922 г. Сам же Верховный правитель в феврале 1919 г., выступая в Екатеринбурге, подчеркнул: «Я не мыслю себе будущего строя иначе, как демократическим... Народ русский является единственным хозяином своей судьбы, и когда он через своих свободно избранных представителей в Национальном собрании выразит свою волю об основных началах политического, национального и социального бытия, то и я, и Правительство, мною возглавляемое, почтет своим долгом передать ему всю полноту власти, нам ныне принадлежащей»¹⁷. Таким образом, на этом примере можно судить о необходимости дальнейшей разработки актуальных вопросов истории Гражданской войны в Сибири.

Более сложную и противоречивую конструкцию для реконструкции образа А. В. Колчака предлагает В. А. Терещук. В поступках и генеральной линии адмирала он усматривает «стремление к демократическому обществу и правлению страной», деловой стиль его отличала невероятная работоспособность, сочувственное отношение к рабочим, распределение бюджетных средств не только на нужды фронта, но и на образование, здравоохранение, социальное обеспечение. Так что «до сих пор бытующее мнение о Колчаке как о несостоятельном правителе... абсолютно беспочвенно и надуманно». Хотя увлекался чтением «протоколов сионских мудрецов», но антисемитом не был. Вел скромный образ жизни, чуждый накопительству, «тем более за государственный счет». Что каса-

ется коррупции и кровавых расправ с населением, то «проводимые карательные меры среди гражданского населения не согласовывались с Верховным», хотя здесь же признается, что он дал право «командирам соединений расстреливать всех коммунистов, попадающих в их руки». Однако эффект был прямо противоположным. «Адмирал мечется, ищет выход, принимает неординарные меры. Атмосфера накалилась до предела, а в тылу, словно не понимают трагичности происходящего, продолжают или бездействовать, или, еще хуже, под предлогом наведения порядка вредят белому делу»¹⁸.

Последний аргумент, обеляющий Верховного правителя, сводится к утверждению, что он «защищал законную власть, которой присягал служить верой и правдой до конца»¹⁹. Он представляется несостоятельным, поскольку Колчак присягал монарху, Временному правительству, но, будучи избранным верховным правителем, какими-то обязательствами себя не связал. Хотя руководители Директории, ликвидированной в результате переворота 18 ноября 1918 г., давали торжественное обещание: «Мы, члены Временного Всероссийского правительства, избранные на Государственном совещании в городе Уфе, торжественно обещаем хранить верность народу и государству Российскому и выполнять наши обязанности в точном соответствии с принятым на Государственном совещании актом об образовании Верховной власти»²⁰.

Осуществленный мной беглый анализ только трех литературных произведений сибирских авторов, посвященных личности А.В. Колчака, показывает, что творческое осмысление ее только начинается и зависит от результатов серьезного научного изучения социального катаклизма на востоке России в 1917–1920 гг.

¹ Зазубрин В. Я. Два мира. Новосибирск, 1988. С. 18–19.

² Яновский Н. Художественная летопись гражданской войны в Сибири // Марков Г. М. Строговы. Новосибирск, 1986. С. 5.

³ Югов А. К. Страшный суд. Эпопея в двух романах. М., 1978. С. 651, 673–674.

⁴ Терешук В. А. Жертва безумия. Омск, 1999. 432 с.

⁵ Дедов П. П. Чалдония. М., 2003. 256 с.

⁶ Барчук Д. В. Сибирская трагедия. Томск, 2010. 608 с.

⁷ Терешук В. А. Указ. соч. С. 4.

⁸ Вологодский П. В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистского правительства и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006. С. 91.

⁹ Барчук Д. В. Указ. соч. С. 370, 459, 463, 464.

¹⁰ Шиловский М. В. Конструирование образа Верховного правителя России А. В. Колчака в дневниках и мемуарах руководителей белой Сибири // Общество. Интеллигенция. Репрессии. Новосибирск, 2009. С. 51.

¹¹ Гинс Г. К. Сибирь, союзники, Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920. М., 2008. С. 464–465, 448.

¹² Барчук Д. В. Указ. соч. С. 370, 470.

¹³ Терещук В. А. Указ. соч. С. 172, 204, 272, 289, 394.

¹⁴ Там же. С. 4.

¹⁵ Барчук Д. В. Указ. соч. С. 470, 464.

¹⁶ Дедов П. П. Указ. соч. С. 214, 215, 216.

¹⁷ Кроль Л. А. За три года: (Воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1921. С. 166.

¹⁸ Терещук В. А. Указ. соч. С. 209, 222, 223, 224, 287–288.

¹⁹ Там же. С. 426.

²⁰ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты: Воспоминания. Новониколаевск, 1925. С. 517.

А. А. ШТЫРБУЛ (Омск),

Омский государственный педагогический университет

ЭСЕРЫ ОМСКА И СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ ПЕРИОДА КОЛЧАКОВСКОЙ ДИКТАТУРЫ В РЕГИОНЕ (НОЯБРЬ 1918 – НОЯБРЬ 1919 Г.)

Традиционно считается, что эсеры привели к власти А. В. Колчака и политически поддерживали его. Действительно, весной, летом и осенью 1918 г. эсеры прокладывали (кто целенаправленно, а кто неосознанно, из-за мелкобуржуазной политической наивности) дорогу военной буржуазно-помещичьей диктатуре. Факты, однако, свидетельствуют: колчаковский переворот 18 ноября 1918 г. большинство эсеров России, Сибири и в том числе Омска встретило враждебно, а в дальнейшем также враждебно относилось к установленной диктатуре.

Меньшая часть эсеров колчаковский переворот действительно поддержала. «С колчаковцами открыто сотрудничали меньшевики и эсеры, – говорится в одном из фундаментальных советских изданий. – Кадетствующий эсер Вологодский был председателем колчаковского “совета министров”, а эсер Михайлов – министром финансов, правый эсер Яковлев – управляющий Иркутской губернией, меньшевик Шумиловский входил в правительство Колчака в качестве министра труда. Меньшевики и эсеры служили в колчаковских войсках, подвизались в колчаковских земствах, в городских думах и кооперативах»¹. Однако следует отметить: вошедшие в колчаковское правительство бывшие эсеры (П. В. Вологодский, И. А. Михайлов, С. С. Старынкевич, С. М. Третьяк), бывший меньшевик Л. И. Шумиловский, а также И. И. Серебренников (в царское время меньшевик, в 1917 г. – эсер) являлись к этому времени ренегатами и их социалистическое прошлое осталось уже далеко позади. Весьма красноречива характеристика политической позиции и роли П. В. Вологодского в правительстве, данная А. В. Колчаком в связи с возникшим очередной раз вопро-

сом о партийности предсовмина: «Да какой он эсер! Он уже стар и от всех [эсеровских] дел отошел, даже и в партии не состоит. Но, понимаете, он здесь необходим, как vieux d'garreau [старое знамя (*фр.*)]...»².

Большая часть эсеров переворот не только не поддержала, но и выступила против. 19–20 ноября 1918 г. «Совет управляющих ведомствами» самарского Комуча и ЦК ПСР объявили А. В. Колчака мятежником, а его власть – узурпаторской и пообещали выслать свои добровольческие части «против реакционных банд красильниковцев и анненковцев»³. Реальных сил для этого, конечно же, не было.

Комитет для борьбы с узурпатором создали и омские эсеры. Они распустили в городе листовку, где в самых категорических выражениях высказывались о стремлении бороться против незаконного переворота⁴. Но всё это не было подкреплено активными действиями. Тем временем колчаковцы разогнали «Съезд членов Учредительного собрания» и ужесточили репрессии. 30 ноября 1918 г. появился приказ Колчака об аресте членов Комуча, по которому они подлежали военно-полевому суду⁵. Было отдано специальное распоряжение арестовать лидера ПСР В. М. Чернова. Но чехи и словаки в лице Национального совета и лично Р. Гайды не допустили этого. Вернее, Гайда, подчиняясь требованию Национального совета, буквально вырвал Чернова из рук колчаковцев⁶.

5 декабря 1918 г. в Уфе состоялось совещание членов ЦК, которое приняло решение о переходе эсеровских организаций в колчаковском тылу на нелегальное положение, что диктовалось чрезвычайными объективными условиями: на территории «Колчакии» началась настоящая охота за членами ЦК ПСР⁷.

Часть членов Комуча была арестована, отправлена в Омск и заключена здесь в тюрьму. Чудом избежал омской тюрьмы В. М. Чернов⁸. Даже такие представители правых партийных течений, как депутат Учредительного собрания Е. К. Брешко-Брешковская из крайне правой группы эсеров «Воля народа», выступавшей осенью 1918 г. за диктатуру, вынуждена была скрываться, так как ее хотели арестовать⁹. Факты свидетельствуют, что многие белогвардейские офицеры рассматривали военную диктатуру не только как главное условие победы над большевиками, но и, попутно, как возможность покончить со всеми без исключения социалистами.

«В конце 1918 г. белый террор парализовал почти всю партийную жизнь эсеровских организаций Сибири, от руководства до рядовых членов. Через шесть месяцев относительно спокойной жизни [периода демократической контрреволюции – А. III.] эсеры вновь оказались в подполье, их партия снова стала преследуемой политической организацией», – справедливо отмечает А. В. Добровольский. Он же обращает особое внимание и на тот факт, что «к моменту прихода к власти Колчака большевистское руководство [Сибири] уже имело опыт подпольной работы в условиях “демократической контрреволюции”, а

потому ужесточение режима не оказало такого деморализующего влияния на большевиков, как это было с эсеровскими организациями»¹⁰.

Ситуация для омских эсеров-центристов (т. е. официальной центристской линии ЦК ПСР) складывалась ещё более тяжёлая, чем в других городах Сибири (исключая, конечно, семёновскую Читу, где эсерам и меньшевикам пришлось ещё тяжелее). Когда-то одна из крупнейших и сильнейших в Сибири (до 2000 членов к осени 1917 г., считая партийцев-солдат Омского гарнизона), Омская организация ПСР, и без того немало потерявшая в своем составе в конце 1917 – начале 1918 г., накануне и во время колчаковского переворота едва ли достигала численности 200 человек. Уже в период Временного Сибирского правительства и Директории она оказалась в рядах оппозиции, пусть и умеренной, легальной, «конструктивной»¹¹. В столичном колчаковском Омске контрразведка работала особенно активно, и меры, принятые ею с первых дней после переворота против эсеров, повергли организацию в шоковое состояние.

В декабре 1918 г. Омск покинул один из ведущих деятелей организации и в то время ее фактический лидер А.Е. Коряков: выехал на жительство и парторботу в более спокойный Тобольск по направлению Омского комитета ПСР (и, видимо, опасаясь репрессий в столичном Омске)¹². А. Успенский, член ПСР с весны 1905 г., позднее вспоминал: «С осени 1918 г., с “восшествием” Колчака, когда Директория в лице с. р. оказалась арестованной, а оставшиеся на свободе с. р. с нескрываемым стыдом утекали из Омска, у меня порвалась всякая связь с партией»¹³. Правда, вскоре, в начале 1919 г., в Омск прибыл и некоторое время находился там один из ведущих сибирских эсеровских лидеров Е.Е. Колосов¹⁴.

Общую неблагоприятную для эсеров ситуацию в столице усугубила «декабрьская драма». После подавления антиколчаковского большевистского восстания 22 декабря 1918 г. в Омске (до 1000 убитых повстанцев и попавших под подозрение жителей) от имени Колчака было объявлено, что все освобожденные повстанцами заключенные (а тюрьму покинуло до 200 политзаключенных) должны вернуться, и в случае добровольного их возвращения давалось обещание не применять репрессии. При этом не явившиеся и задержанные после этого подлежали расстрелу на месте. Однако большевики и другие левые из числа освобождённых предпочли скрыться. Их примеру последовали и некоторые из освобождённых эсеров (Н.Н. Иванов, Ф.Ф. Федорович, В.Н. Филипповский)¹⁵. Всего, по данным властей, в тюрьму не вернулось 5 членов Учредительного собрания¹⁶. Однако большинство освобожденных демократов все же решили вернуться. В ночь на 23 декабря и в течение наступившего дня офицеры-монархисты, явившиеся в тюрьму, расстреляли, зарубили саблями, закололи штыками 10 эсеров и меньшевиков, в том числе семерых депутатов Учредительного собрания. Мученической смертью погибли видные деятели эсеровской партии Н.В. Фомин (известный в Сибири кооператор), А.А. Брудерер (ветеран ПСР), И.И. Девятов, Г.Н. Саров, меньшевики И.И. Кириенко (бывший депутат Госу-

дарственной Думы) и В. И. Гutowский (он же Е. Маевский, ветеран социал-демократического движения в Сибири, редактор газеты «Воля Народа»), управляющий делами съезда членов Учредительного собрания Н. Я. Барсов, земские деятели В. А. Марковецкий, А. И. Лиссау, фон-Мекк¹⁷.

В начале нового, 1919 г., была опубликована правительственная декларация («примирительный манифест») за подписью Колчака и правительства. Этот документ адресовался, в том числе, и умеренно-оппозиционным партиям, прежде всего эсерам и меньшевикам: они призывались к сотрудничеству с властью и ограждались от репрессий. В декларации, кроме прочего, говорилось: «Всех, кто в это ответственное время разлагает здоровый дух войск, кто возбуждает население против власти, кто препятствует правильной работе железных дорог и важнейших предприятий, – Правительство будет преследовать с беспощадной строгостью. Но Правительство, стоящее вне всяких партийных течений, Правительство возрождения страны, не видит оснований для борьбы с теми партиями, которые, не оказывая поддержки власти, не вступают и в борьбу с нею. Не время теперь для внутренней розни»¹⁸. Характеризуя обстановку в Омске начала 1919 г., Е. Е. Колосов позднее вспоминал: «Я жил тогда в Омске полулегально. Мне приходилось показываться в таких местах, где все бывали, в том числе лица весьма высокопоставленные, мечтавшие, что скоро они будут в Кремле, и в то же время я постоянно менял места своего приюта. Ареста я особенно не опасался: после этой [декабрьской – *А. Ш.*] драмы как-то все затихло, и реакция на время притаилась. В Новый год был даже опубликован примирительный манифест о левых [правильнее – об умеренно левых и центристских – *А. Ш.*] партиях. Всем этим можно было пользоваться...»¹⁹ Но, несмотря на некоторое временное смягчение режима, следовавшее после данной декларации, Омская организация ПСР в начале 1919 г. действовала очень вяло. После декабрьских событий деятельность организации почти замерла, и в течение нескольких последующих месяцев проявлялась лишь эпизодически²⁰.

В то время как омские большевики готовили новое вооруженное восстание (неудачная попытка предпринята 1 февраля 1919 г.), омские эсеры, по данным контрразведки от 30 января 1919 г., были «будто бы против выступления, находя такое несвоевременным»²¹ (и оказались правы: не будучи достаточно подготовленным, восстание было подавлено в зародыше). На фоне общей слабости появлялись, время от времени, отдельные признаки оживления. В декабре 1918 г., по сведениям контрразведки, в батальоне Ставки Верховного главнокомандующего возникла подпольная эсеровская ячейка (по тем же сведениям, единственная в это время военная ячейка эсеров в Омском гарнизоне)²². По сведениям контрразведки от 3 марта 1919 г., омские большевики вошли в соглашение с местными эсерами для переворота в городе. У объединенных заговорщиков якобы имелось 70 млн рублей. В русле данного плана по селам и деревням уезда были направлены агитаторы с целью поднять восстание

в сельской местности и тем отвлечь правительственные войска от города²³. Часть эсеров и меньшевиков работала в земствах региона (областном, уездных и волостных), но политической активности почти не проявляла. Весной 1919 г. эсеры Омска имели очень слабую связь с Всесибирским краевым комитетом ПСР, а последний располагал далеко не полными сведениями о характере и состоянии партийной работы в Акмолинской (Омской) области²⁴.

В марте 1919 г. лидер омских кадетов В.А. Жардецкий в письме к Н.И. Астрову так характеризовал ситуацию в эсеровской среде Сибири и, в первую очередь, Омска: «С.-д. меньшевики и подобные им элементы эсеров пребывают в законной оппозиции, т. е. [способны только] шипеть и умеренно злословить, принимая факт власти»²⁵. Но эсеровское движение в Сибири и Омске было шире собственно ПСР, хотя последняя и являлась самым массовым его компонентом. Наряду с официальной, преимущественно «черновской» линией (значительная часть сторонников ЦК ПСР в её рядах), в эсеровском движении Сибири и Омска действовали и другие идейно-политические элементы. Сложную ситуацию и парадоксальную гетерогенность в эсеровском движении Сибири периода колчаковщины с некоторым недоумением констатирует С.П. Мельгунов: «В Сибири позиция эсеров, за исключением той небольшой группы, которая примыкала к [Национальному] блоку, была необычайно двойственна, так как она соединяла легальность существования с нелегальностью революционной деятельности. Оттенков в этой позиции было чрезвычайно много, и поэтому всякая общая характеристика будет встречать возражения. К трем основным течениям – правому, центру, левому, со всеми их подоттенками, приводившие одних в состав «демократического союза» (Розенблюм), других к работе в Экономическом Совещании (Огановский – творческая работа, Алексеевский – оппозиция), третьих в ряды формально легальной оппозиции власти (земство), четвертых в подполье для революционной работы, пятых в негласный союз с большевиками во всякого рода восстаниях. Не говорим уже о тех, которые пошли в открытый союз с коммунистической властью во имя борьбы с “реставрацией”»²⁶. Этот разноречивый фракций и тактик в эсеровском движении Сибири не в последнюю очередь коснулся и Омска.

Очень негативно и разлагающе на имидж Омской организации ПСР действовало то, что часть, пусть и небольшая (чуть более 10 активистов и несколько десятков их сторонников) бывших членов ПСР, выделившихся в начале ноября 1917 г. в самостоятельную Омскую группу правых эсеров-оборонцев-воленаародцев, в течение всего последующего времени блокировалась с кадетами, политически поддерживала «от лица социалистов» колчаковский переворот и в первые месяцы существования режима активно поддерживала Колчака. Наиболее активные члены Омской группы правых эсеров-оборонцев «Воля народа»: В.В. Куликов, Г.М. Котляров, В.Е. Парунин; осенью 1918 г. к ней примыкали приехавшие в Омск эсеры-воленаародцы: А.А. Аргунов, Б.В. Савинков,

Е. К. Брешко-Брешковская, Н. П. Огановский, В. С. Панкратов; к группе в начале ее существования примыкал, а затем неизменно симпатизировал премьер колчаковского правительства П. В. Вологодский. Омская группа эсеров «Воля народа» была практически единственной оформленной организацией воленародцев в Сибири: в других городах действовали отдельные сторонники и, в лучшем случае, крохотные неформальные группы сторонников линии воленародцев.

Правда, поддержка режима эсерами-воленародцами была своеобразной и отличалась от кадетской и монархической: они представляли себе военную диктатуру несколько иначе. 12 декабря 1918 г. газета сибирских социал-либералов «Заря», которую возглавлял воленародец В. Е. Парунин, напечатала передовую статью с интригующим заголовком «Наполеон или Вашингтон?». Для того чтобы Верховный правитель мог наилучшим образом осуществить свою историческую миссию, доказывала газета, — покончить с большевизмом в России, — он должен идти не по пути диктатора и тирана Наполеона, а по пути «истинного демократа» — американского президента Дж. Вашингтона. «Да будет Вашингтон!» — заклинала «Заря»²⁷. После трагических декабрьских событий 1918 г. в Омске эсеры-воленародцы начали немного фрондировать. Несмотря на свою относительную малочисленность, сибирские социал-либералы (народные социалисты, правые эсеры-воленародцы, правые меньшевики группы «Единство», кооператорские верхи) сыграли ключевую и очень важную роль связующего звена, соединив в ответственный для антисоветских сил момент осени 1918 г. правосоциалистическую и монархическую буржуазно-помещичью контрреволюцию на Востоке страны, а в дальнейшем, когда установилась диктатура, социал-либералы взяли на себя еще и роль «подставных социалистов», обеспечивая, по мере сил, «демократический» имидж режиму Колчака. Выполнив это политически самоубийственное для деятелей, именующих себя социалистами, предназначение, сибирские и омские социал-либералы, в том числе эсеры-воленародцы, в конце 1919 г. канули в политическое небытие.

Весной — летом 1919 г. деятельность членов ПСР в регионе стала постепенно оживляться. Это было вызвано нарастанием рабочего и крестьянского сопротивления режиму, что так или иначе отразилось на позиции эсеров. Выступая в 1923 г. на Омской губернской конференции бывших эсеров, делегат от эсеров Славгородского уезда (порвавших с ПСР) Коростелев, излагая в прениях сибирскую историю эсерства, говорил, что «с воцарением Колчака изменилась психология рядовых эсеров. Уже с этого момента появляется мысль о едином социалистическом фронте». Коростелев рассказал, как во время колчаковщины «в Славгороде начали организовываться ячейки, ставившие себе целью свержение Колчака. Состав этих ячеек был самый разнородный. Так, в славгородскую ячейку входили три коммуниста, шесть эсеров, народный социалист»²⁸. Весной — летом оппозиционность омских эсеров медленно нарастала, однако при этом активность оставалась крайне слабой. Организация

действовала, сочетая полулегальные и нелегальные формы работы. Эсеры группы «Воля народа» и часть эсеров Всесибирского краевого объединения ПСР (Омская организация ПСР в него входила) вели полулегальную политическую работу в земствах и гордумах, надеясь на дальнейшее её развёртывание в случае легализации Всероссийского Союза земств и городов (Союзземгор) и его важной сибирской региональной структуры (Сибземгор).

Вопрос о легализации Союза земств и городов на подконтрольной колчаковцам территории особенно остро встал в конце весны – начале лета 1919 г. Земства (губернские, областные, уездные, волостные), восстановленные в Сибири летом 1918 г., а также городские самоуправления – думы, являлись одной из опор белогвардейских режимов на местах, но в то же время несли в себе черты пусть слабой и лояльной, но всё же оппозиции. Основным состав гордум и земств уровня губернии – области и уезда составляли эсеры (правые и центристы), меньшевики, а также близкий к ним беспартийный актив. Сибирский союз земств и городов (Сибземгор) возник ещё осенью 1918 г., но в период колчаковщины действовал нелегально или же, местами, полулегально. Руководством Сибземгора неоднократно ставился вопрос о его легализации, но власть с настороженностью, а то и враждебно встречала такие предложения.

24 июня 1919 г. этот вопрос обсуждался в Совете министров. П. В. Вологодский назвал это «большим парламентским днем из жизни нашего правительства», а министр земледелия Н. И. Петров «назвал это заседание по важности своей равным заседанию, посвящённому обсуждению факта свержения Директории и избрания адмирала Колчака Верховным правителем»²⁹. Но после долгих и бурных прений большинство членов правительства высказалось против легализации данной организации как потенциально опасной для государственного строя³⁰. Нуждаясь в органах местного самоуправления и в целом принимая и одобряя их деятельность, правительство опасалось объединения земских деятелей (прежде всего эсеров, меньшевиков и левых либералов) под эгидой Союзземгора, не без основания полагая, что это усилит политическую (и в том числе оппозиционную) составляющую в их работе.

Отказ от легализации Союзземгора побудил сибирских и омских эсеров ориентации ПСР к еще большей активизации оппозиционной деятельности, а омских эсеров «Воли народа» и их сторонников в Сибири заставил несколько дистанцироваться от режима. По мнению С. П. Мельгунова, в период колчаковского режима «легальная оппозиция с.-д. и с.-р. отступает на задний план перед подпольной работой»³¹. Соглашаясь с этим положением в целом, уточним: данная перемена в поведении большинства эсеров и меньшевиков Сибири становится заметной лишь к концу лета – началу осени 1919 г. Интересный факт, относящийся к началу осени 1919 г. и практически невозможный в первой половине 1919 г., – участие в партизанско-повстанческом движении ряда эсеров земского направления в Степном Алтае (район, сопредельный с юго-восточной

частью Среднего Прииртышья), Горном Алтае, а также в Шиткинском районе (на стыке Енисейской и Иркутской губерний), – как в союзе с большевиками (Степной Алтай, Шиткинский район), так и самостоятельно (Горный Алтай). Что касается Омского Прииртышья, то, несмотря на попытки деятельности эсеров в сельской местности, их влияния на партизанское движение в данном регионе, в том числе в крупнейшем Урманском восстании (Тарский, Татарский и Каинский уезды, июль 1919 г.), практически не наблюдалось.

Отдельно следует сказать о местных левых эсерах и эсерах-максималистах. После падения советской власти они организационно растворились в большевистском подполье города и региона и активно в нём работали (как правило, не на партийной – левоэсеровской и эсеромаксималистской, а на индивидуальной основе). Некоторые из них стали жертвами колчаковского террора. В сельской местности региона кое-где отдельные левые эсеры в контакте с большевиками являлись организаторами местного антиколчаковского подполья и партизанского движения (например, в Тюкалинском уезде – И.И. Кабанцев, расстрелянный колчаковцами в начале ноября 1919 г.).

Летом 1919 г. неожиданная организационная и морально-политическая поддержка омским и сибирским эсерам ориентации ЦК ПСР и Всесибирского краевого комитета пришла из Сибирской армии, в которой на офицерских и унтер-офицерских должностях было немало эсеров, в том числе выходцев из Омска и Прииртышья, влившихся в неё, причем частью добровольно, на начальном этапе формирования этой армии в начале лета 1918 г. Окончательно убедившись к лету 1919 г., что А.В. Колчак не способен пойти по пути демократизации режима, эсеры попытались активизироваться и усилить оппозиционную деятельность. К лету 1919 г. в Сибирской армии (одной из самых боеспособных колчаковских армий) эсеры сумели создать небольшую сеть подпольных групп, состоящих главным образом из демократически настроенных офицеров-разночинцев. Во главе «военной оппозиции» стал начальник информационного отдела Сибирской армии, активный участник свержения советской власти в Сибири, сподвижник и помощник командующего армией Р. Гайды эсер штабс-капитан Н.С. Калашников. Именно в этой среде летом 1919 г. возникла довольно сомнительная идея замены Колчака Гайдой и начал готовиться военный переворот против Колчака³².

В довершение всего IX Совет ПСР, проходивший в Москве 18–20 июня 1919 г., подтвердив линию ЦК о борьбе на «два фронта» – против белогвардейской реакции и советской власти, принимает назревавшее уже несколько месяцев решение временно приостановить вооружённую борьбу с большевиками и бросить все силы против деникинщины и колчаковщины³³.

Летом 1919 г. под эгидой Р. Гайды и руководством Н.С. Калашникова было организовано Центральное бюро военных организаций, а Всесибирский краевой комитет ПСР начал создавать ячейки Военно-Социалистического союза.

Боевые группы стали создаваться и Сибирским союзом социалистов-революционеров – самостоятельной левоцентристской организацией партийного типа, отколовшейся от Всесибирского объединения ПСР весной 1919 г. Однако вооруженная часть эсеровского антиколчаковского подполья летом и осенью 1919 г. была ещё довольно слаба.

В июле – августе 1919 г. коммунисты, эсеры и меньшевики Сибири совместно готовили всеобщую политическую забастовку по линии Транссибирской железной дороги. Остаточные силы омского большевистского подполья, обескровленного весенними провалами, действовали в это время иногда в контакте с омским эсеровским подпольем, изначально слабым, но все же реальным, к тому же сохранившим к лету 1919 г. свои силы благодаря предыдущей, длившейся более полугода тактике выживания, выжидания и бездействия. Ближайшая общая цель – устранение режима Колчака – в этот период у коммунистов и у эсеров совпадала, хотя дальше их цели почти неизбежно расходились.

В русле эсеровских планов оказалась и подготовка к теракту против Колчака. По свидетельству Е. Е. Колосова, идея покушения на Верховного правителя возникла в эсеровской среде Сибири и Омска еще в конце 1918 – начале 1919 г., однако вскоре была отложена по ряду причин, к которым можно отнести победившее на время мнение о политической нецелесообразности подобного теракта вообще, а также некоторые иллюзии эсеров в отношении демократических потенций режима и лично Колчака. Но к лету 1919 г. эти иллюзии оказались исчерпанными, а военно-политическая ситуация как на фронте, так и внутри «Колчакии» толкала эсеров к активизации оппозиционных действий. И вот тогда к идее покушения на Колчака снова вернулись. К концу лета 1919 г. в отряд почётного конвоя Верховного правителя сумела внедриться группа из десяти алтайских эсеров, которая, видимо, причастна к неудачной попытке покушения на Верховного правителя, закончившейся, в силу нежелательного и досадного для подпольщиков стечения обстоятельств, преждевременным взрывом в его омской резиденции 25 августа 1919 г. (Вскоре после отступления колчаковских войск из Омска они же организуют новое и тоже неудачное покушение на Верховного правителя – в середине ноября у Барабинска, ровно на полпути из Омска в Ново-Николаевск)³⁴.

Взрыв в резиденции интересным образом совпадает по времени с другой акцией сибирского эсеровского подполья (возможно, в контакте с коммунистами): попыткой образования в конце августа – начале сентября 1919 г. фиктивной воинской части из проэсеровски настроенных военнослужащих-ижевцев, а также партизан и подпольщиков с целью захвата Омска. «Недавно в районе Томска, – записал 20 сентября 1919 г. в своём дневнике А. П. Будберг, – организовался на наши средства какой-то ижевский отряд, оказавшийся фальшивым и предназначенный для захвата Омска при проезде через него в направлении на фронт; контрразведка успела раскрыть его за несколько часов до посадки

отряда на железную дорогу, но меры по ликвидации принять не успела, и большая часть отряда с нашими винтовками, пулемётами и отпущенными на его формирование миллионами ушла на север в тобольскую тайгу, создав угрожающее положение в тылу самого Омска». Однако осуществить в Омске перехват власти в русле эсеровской политики «третьей силы» местные эсеры не сумели и не успели: 14 ноября 1919 г. город заняли части РККА. Подобный сценарий перехвата власти сибирские эсеры вскоре, в декабре 1919 г., попытаются с разной степенью успеха осуществить в Ново-Николаевске, Красноярске, Нижнеудинске, Черемхово, Иркутске.

Добавим к этому ещё один необычный, на первый взгляд, но вполне закономерный и важный факт. Один из ведущих эсеровских деятелей Омска и Сибири и один из лидеров антисоветской демократической контрреволюции в 1918 г. П. Я. Дербер осенью 1919 г. за оппозиционные колчаковскому режиму настроения оказался в Семипалатинской тюрьме, откуда в начале декабря 1919 г. был освобождён повстанцами, и в течение декабря 1919 г. ещё успел повоевать против колчаковцев в рядах 4-го Крестьянского корпуса советской партизанско-повстанческой армии Е. М. Мамонтова в должности комиссара.

В целом же поведение основной части омских эсеров (то есть эсеров-центристов линии ЦК ПСР и Всесибирского краевого комитета ПСР) в период колчаковщины можно определить как тихую и вялую оппозицию, несколько возросшую лишь к осени 1919 г. в связи с ростом народного сопротивления режиму, успехами Красной Армии и нарастанием кризиса колчаковщины.

¹ История Гражданской войны в СССР. М., 1959. Т. 4. С. 580.

² Сахаров К. В. Белая Сибирь // Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004. С. 137–138.

³ Чернов В. М. Перед бурей. М., 2004. С. 391; Гусев К. В. Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. С. 291.

⁴ Плотникова И. Е. Колчак и эсеровская «оппозиция» // Вопросы истории Сибири. Вып. 3. Томск, 1967. С. 173.

⁵ Приказ адмирала Колчака об аресте членов Комуча // История «белой» Сибири. Кемерово. 1995. С. 177 (Приложение).

⁶ Допрос Колчака [Протоколы] // Колчак Александр Васильевич – последние дни жизни / сост. Г. В. Егоров. Барнаул, 1991. С. 249–250.

⁷ Гусев К. В. Указ. соч. С. 299.

⁸ Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 157–158.

⁹ Допрос Колчака. [Протоколы] // Указ. соч. С. 253.

¹⁰ Добровольский А. В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции (1917–1923 гг.). Ново-сибирск, 2002. С. 206, 208.

¹¹ Штырбул А. А. Омские эсеры и Временное Сибирское правительство (июль – октябрь 1918 г.) // Гражданская война в Сибири: Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции. Омск, 2013. С. 174–180.

- ¹² Лагунов К. Двадцать первый // Урал (Свердловск). 1989. № 6. С. 147.
- ¹³ Рабочий путь (Омск). 1923. 27 апреля.
- ¹⁴ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Книга вторая. М., 2004. С. 264–265.
- ¹⁵ Добровольский А. В. Указ. соч. С. 207.
- ¹⁶ Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. П-19. Оп. 1. Д. 307. Л. 1, 2 об.
- ¹⁷ Добровольский А. В. Указ. соч. С. 207.
- ¹⁸ Сибирская речь (Омск). 1919. 3 (16) января.
- ¹⁹ Цит. по: Мельгунов С. П. Указ. соч. Книга вторая. С. 264.
- ²⁰ ГИАОО. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 377. Л. 137.
- ²¹ В борьбе с контрреволюцией: сб. док. Омск, 1959. С. 74.
- ²² Там же. С. 92.
- ²³ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1052. Л. 1.
- ²⁴ Добровольский А. В. Указ. соч. С. 212.
- ²⁵ Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919 год: формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М., 2009. С. 599–600.
- ²⁶ Мельгунов С. П. Указ. соч. Книга вторая. С. 260–261.
- ²⁷ Иоффе Г. З. Указ. соч. С. 11–12.
- ²⁸ Рабочий путь (Омск). 1923. 26 августа.
- ²⁹ Вологодский П. В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925). Рязань, 2006. С. 176.
- ³⁰ Будберг А. С. Дневник. 1918–1919 годы // Гуль Р. Б. Ледяной поход; Деникин А. И. Поход и смерть генерала Корнилова; Будберг А. Дневник. 1918–1919 годы. М., 1990. С. 281–282.
- ³¹ Мельгунов С. П. Указ. соч. Книга вторая. С. 262.
- ³² Там же. С. 63.
- ³³ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. М., 2000. С. 461.
- ³⁴ Мельгунов С. П. Указ. соч. Книга вторая. С. 265–266.

В. А. ШУЛДЯКОВ (Омск),
Омский экономический институт

**К ВОПРОСУ О СЕПАРАТИЗМЕ АТАМАНА АННЕНКОВА (ПО ПОВОДУ
ПУБЛИКАЦИИ ПИСЬМА Г. М. СЕМЁНОВА Б. В. АННЕНКОВУ
от 25 МАЯ 1919 Г.)**

Такое яркое явление белого движения, как «атаманщина», продолжает привлекать внимание исследователей. Недавно известный московский историк А. В. Ганин опубликовал подлинное письмо Походного атамана Дальневосточных казачьих войск и командующего Отдельной Восточно-Сибирской армией полковника Г. М. Семёнова, свыше полугода не признававшего Верховного правителя адмирала А. В. Колчака, к атаману Партизанской дивизии колчаков-

ской армии полковнику Б. В. Анненкову, оформленное в машинописном виде и, надо полагать, подписанное Семёновым в Чите 25 мая 1919 г., выявленное в фонде штаба 5-й армии¹.

Из письма узнаём, что к Г. М. Семёнову приезжали (видимо, в разное время) командированные Б. В. Анненковым его представители: полковник Соколов и есаул Бяков. Последний от имени Анненкова передал Семёнову приветствие, которое и стало поводом к написанию рассматриваемого ответного письма. В этом письме, декларируя верность заветам генерала Л. Г. Корнилова и призывая Анненкова к совместной братской работе по возрождению России, Семёнов обвинил Омское правительство в «великодержавных тенденциях», в стремлении «к самой крайней централизации», в «неудачной финансовой политике, совершенно аннулировавшей наш рубль», и даже в «германофильском направлении в области внешней политики». Более того, сожалея, что «обстоятельства настоящего момента» не позволяют ему открыто высказать своё подлинное отношение к Омскому правительству, Семёнов обещал Анненкову: «...но в недалёком будущем такой момент наступит, и я открыто заявлю о недопустимости дальнейшего преступного толкания нашей исстрадавшейся Родины на путь авантюристической германофильской политики». В завершение письма Семёнов подчеркивал их с Анненковым общность («...я всегда с Вами и за Вас»), обещал своевременно ставить Анненкова в известность обо всех своих важных решениях, выражал надежду на получение ответа на свое письмо и желание видеть представителем Анненкова в Чите снова есаула Бякова².

В своём предисловии к документу публикатор делает важное замечание: письмо Анненкову, подписанное Семёновым всего за два дня до его признания Колчака Верховным правителем, свидетельствует в пользу неискренности этого шага Походного атамана Дальневосточных казачьих войск. С этим невозможно не согласиться.

За публикацию столь любопытного документа следовало бы сказать уважаемому А. В. Ганину одно лишь: «Спасибо». Однако вызывают возражения его выводы, содержащиеся в предисловии и выходящие далеко за рамки той информации, которая содержится собственно в письме. Быть может, Г. М. Семёнов и планировал «сколотить коалицию против Верховного правителя адмирала А. В. Колчака» и в «этих намерениях рассчитывал на поддержку Анненкова». Но вот сведений о проведении в Чите «закулисных переговоров лидеров казачества, направленных на подрыв власти адмирала А. В. Колчака»³, в данном письме абсолютно точно нет. Как нет в нем ни малейших намеков на какие бы то ни было взгляды Анненкова.

В период революции и Гражданской войны политическая элита ряда казачьих войск, несомненно, предпринимала действия сепаратистского характера: резолюции некоторых войсковых кругов о «глубокой» автономии казачества и федерализации России, курс на создание Юго-Восточного союза казачьих

войск, вынужденное самоопределение Всевеликого войска Донского, самостоятельные внешнеполитические действия Кубанской рады и т. д. Ничего подобного войсковые самоуправления казачьих войск востока России в мае 1919 г. не требовали и не делали. Войсковым атаманом Забайкальского войска в то время был полковник В. В. Зимин, Сибирского – генерал-майор П. П. Иванов-Ринов, Семиреченского – генерал-майор А. М. Ионов.

Полковники Г. М. Семёнов и Б. В. Анненков являлись «партизанскими атаманами», т. е. вождями самозародившихся в начале Гражданской войны антибольшевистских добровольческих отрядов, всесословных и многонациональных по составу, но с первоначальным казачьим ядром. То есть письмо Семёнова Анненкову позволяет рассуждать о сепаратизме не «лидеров казачества», а лишь, говоря современным языком, «полевых командиров». Причем эти два атамана-командира имели слишком разный военно-политический вес. Между тем, А. В. Ганин смело ставит Анненкова в ряд «атаманов-сепаратистов» и даже перед самим Семёновым, ведь его публикация называется «Новый документ о сепаратизме атаманов Б. В. Анненкова и Г. М. Семенова»⁴. Действительно, в период конфликта между Омском и Читой Семёнов не признавал верховной власти адмирала А. В. Колчака, с помощью японских интервентов отстраивал в Забайкалье собственный политический режим, как запасной вариант рассматривал создание Монголо-бурятского государства с отторжением в него ряда населенных бурятами российских территорий. Всё это вполне подпадает под сепаратизм, отголоском которого является и критика им Омского правительства в письме от 25 мая 1919 г. В отличие от Семёнова Анненков до конца 1919 г. так и оставался прежним партизанским атаманом или полевым командиром.

Из содержания письма совершенно не ясен характер миссий Бякова и Соколова: зачем они приезжали в Читу и каков был круг их полномочий. Имели ли они право вести какие-либо переговоры? Ведь нельзя исключать и того, что эти анненковцы самовольно превышали свои полномочия или вообще являлись самозванцами. Во время следствия (протокол допроса от 12 мая 1926 г.) Б. В. Анненков упоминал о двух таких самозванцах: «полковниках» Соколове и Рожневе, отряды которых были задержаны в Чите и Челябинске соответственно⁵. Версию, будто атаман постфактум пытался откреститься от бесчинств отрядов этих своих подчиненных, приходится исключить. В письме своему уполномоченному в Кульдже (бывшему помощнику атамана Партизанской дивизии) полковнику П. И. Сидорову от 28 мая 1919 г. Анненков сообщал: «Рожнев, украв всё что можно, сбежал неизвестно куда. Его разыскивают власти»⁶. Подобно войсковому старшине А. М. Рожневу, Соколов, видимо, также был бывшим анненковцем, отколовшимся в какой-то момент от атамана, но продолжавшим использовать в своих целях его имя. В сентябре 1918 г. некий поручик Соколов, командированный Анненковым, действовал в Иркутске. Он

занимался набором и перебрской добровольцев, а также добывал зарядные ящики для артиллерии отряда⁷.

Исторический факт нельзя вырывать из контекста, рассматривать вне причинно-следственных связей. Анненков осенью 1918 г. ориентировался на иного кандидата в военные диктаторы: на командующего Сибирской армией, управляющего военным ведомством Временного Сибирского правительства, войскового атамана Сибирского казачьего войска генерал-майора П.П. Иванова-Ринова⁸. Колчаковский переворот, очевидно, застал его врасплох. Поэтому после свержения Директории Анненков некоторое время колебался, признавать А.В. Колчака или нет⁹. Тем более, в это время к атаману в Семипалатинск приезжал дежурный генерал Главковерха Директории В.Г. Болдырева полковник З.Ф. Церетели «с просьбой послать один полк в Омск, чтобы поддержать правительство Болдырева». Анненков благоразумно посылать свои части не стал¹⁰, а направил «гонцов в Омск для выяснения обстановки». Те быстро разобрались, что самые значимые общественно-политические силы стоят на стороне адмирала. Омские деятели торгово-промышленного класса, которые поддерживали Анненкова «в период его подпольной работы и отчасти после свержения большевиков», категорически заявили «гонцам», что «дальнейшей поддержки отдельным отрядам больше оказываться не будет». Анненков увидел за адмиралом силу и в итоге, если сравнивать с поведением Г.М. Семенова и И.П. Калмыкова, «сдался очень легко»¹¹.

Помимо внешних причин были, вероятно, и внутренние. Таковыми являлись настроения и поведение личного состава самой Партизанской дивизии. Так, командующий 2-м Устькаменогорским партизанским казачьим полком и начальник Устькаменогорского гарнизона войсковой старшина П.И. Виноградский 30 ноября 1918 г. отправил Колчаку телеграмму: «Гарнизон города Усть-Каменогорска восторженно приветствует Вас, Ваше Высокопревосходительство, верит в спасение родины под Вашим опытным водительством, готов по первому требованию погибнуть за величие нашей страдавшей России»¹².

В первой половине декабря 1918 г. Б.В. Анненков также прислал адмиралу приветственную телеграмму: «Омск. Верховному Правителю адмиралу Колчаку. Ваше Высокопревосходительство! Ваше назначение Верховным Правителем, в руках которого сосредотачивается вся полнота государственной власти, дало мне с первого же момента глубокую уверенность в том, что, наконец, настал тот час, когда наша измученная Родина, истерзанная внутренними и внешними врагами, снова подымется, пойдет по пути возрождения и станет такой же великой, какой была когда-то. Я как атаман партизан, добровольно собравшихся отдать жизнь свою в любой час за нашу Родину, приветствую Ваше назначение и заверяю своим словом, что все мои силы и помыслы будут направлены к тому, чтобы Вы уверенно и твердо могли бы опереться на нас, и [мы] готовы в каждую минуту, по первому Вашему приказу, исполнить наш святой долг перед Отчиной. С нами Бог! Атаман Анненков»¹³.

Когда во время острой фазы конфликта между Омском и Читой к анненковцам от атамана Г.М. Семенова прибыли агитаторы (вероятно, в «тыловую группу» Партизанской дивизии), те их повыгоняли¹⁴. 22 декабря 1918 г. конвой штаба 2-го Степного корпуса от Партизанской дивизии атамана Анненкова (казачья сотня прапорщика Бородинина, состоявшая при Омском штабе пополнения Партизанской дивизии) принял деятельное участие в подавлении большевистского восстания в Омске. В частности, эта сотня «наводила порядок» в отбитой у повстанцев тюрьме¹⁵. То есть в критический для новой власти момент анненковцы реально помогли Верховному правителью.

Впрочем, весной 1919 г. между Семёновым и Анненковым уже были контакты. К 28 мая 1919 г. Г.М. Семенов выслал Партизанской дивизии полмиллиона патронов¹⁶. Это происходило на стадии «затухания» конфликта между Омском и Читой, после Чрезвычайной комиссии Г.Е. Катанаева и посреднических усилий П.П. Иванова-Ринова. Надо сказать, что на протяжении всей Гражданской войны Анненков проявлял поразительную предприимчивость и напористость в добывании ресурсов для своих партизан, причем формальности его не сдерживали. Именно поэтому его бойцы, как правило, были вооружены, одеты и накормлены лучше, чем в соседних, непартизанских, частях. Между тем, Ставка адмирала А.В. Колчака считала Семиреченский фронт второстепенным, поэтому на все просьбы о помощи людскими и материальными ресурсами Омск отвечал либо отказом, либо совершенно незначительными поставками. Зона дислокации Партизанской дивизии, в плане продовольствия и фуража, была предыдущими боевыми действиями истощена. Тыл же (Семипалатинск), по словам Анненкова, «не давал ничего»¹⁷. Поэтому трудно упрекать атамана в том, что он пытался прежними партизанскими методами, в обход Омска, добывать в Чите боеприпасы и пр.

Миссии в Читу полковника Соколова и есаула Бякова могли иметь исключительно утилитарный характер, без какого-либо политического содержания. И в приветствии, переданном Бяковым, Анненков мог благодарить Семёнова за те же вышеупомянутые патроны. Само содержание письма, опубликованного А.В. Ганиным, свидетельствует, скорее, в пользу того, что Семёнов лишь пытался зондировать почву на предмет установления с Анненковым устойчивой связи с перспективой предания их контактам политического характера, оппозиционного Омску. Да, он обещал «в недалёком будущем» выступить, но, заметим, не против Колчака и его режима, а лишь против их мнимой германской внешней ориентации. Смакование надуманного германофильства Омского правительства – это, на наш взгляд, своего рода пробный шар, запущенный с целью посмотреть на реакцию Анненкова и оценить степень его оппозиционности Колчаку. Прямые контакты с еще фрондировавшим на тот момент Семёновым, минуя Омск и непосредственное начальство, со стороны Анненкова – это, несомненно, нарушение субординации, дисциплины и проявление неуважения

к центральной власти, неверие в её способность решать насущные задачи. Однако это не сепаратизм, а всего лишь привычная на любой гражданской войне партизанщина. Признаков анненковского сепаратизма в тексте письма нет.

При сравнении «анненковщины» с дальневосточными вариантами «атаманщины» прежде всего бросается в глаза то, что у Анненкова не было внешнеполитической ориентации, собственных источников финансирования и вооружения от иностранных организаций и государств. Его ориентация чисто русская. Еще С.П. Мельгунов обратил внимание на одну особенность частей атаманов Б.В. Анненкова и И.Н. Красильникова: «При всей своей распушенности эти атаманские отряды не проявляли стремления захватить власть, чем отличались дальневосточные атаманы»¹⁸. По этому поводу начштаба 1-й Отдельной партизанской кавбригады штабс-капитан А.А. Добкевич писал матери в Харбин (май – июнь 1919 г.): «Анненков – это не Семёнов. Семёнов – просто жулик, а Анненков делает свое дело и без всяких семёновских претензий»¹⁹.

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 185. Оп. 6. Д. 62. Л. 126–126 об.

² Ганин А. В. Новый документ о сепаратизме атаманов Б.В. Анненкова и Г.М. Семёнова // Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв. Вып. 4. Хабаровск, 2014. С. 133–134.

³ Там же. С. 131.

⁴ Там же.

⁵ Марковчин В.В. Одиссея атамана Анненкова. Курск, 2010. С. 60.

⁶ Центральный архив ФСБ России (далее – ЦА ФСБ). Д. Н-4498. Т. 3. Л. 327.

⁷ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 61. Л. 77–79.

⁸ Дроков С.В. Адмирал Колчак и суд истории. М., 2009. С. 241.

⁹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 2. С. 377.

¹⁰ Марковчин В.В. Указ. соч. С. 57.

¹¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. 2. С. 15, 377.

¹² Приветственные послания Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г. СПб., 2012. С. 52.

¹³ Там же. С. 92–93; Иртыш (Омск). 1918. № 42. С. 12.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10143. Оп. 21. Катущка 1. Кадр 1.3–10.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 5. Л. 153; Сибирская жизнь (Томск). 1919. 11 января. С. 2; Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 162–165.

¹⁶ ЦА ФСБ. Д. Н-4498. Т. 3. Л. 327.

¹⁷ Марковчин В.В. Указ. соч. С. 131–132, 279.

¹⁸ Мельгунов С.П. Трагедия Адмирала Колчака. Ч. III. Т. 1. Белград, 1930. С. 236.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катущка 1. Кадр 1.3–9 об.–1.3–10.

ФОТОДОКУМЕНТЫ

Эмигрант генерал А. П. Бакшеев – начальник Союза казаков на Дальнем Востоке. Предположительная идентификация наград (А. Н. Тимофеев): медаль-орден БРЭМ «За усердие» (на груди), медаль БРЭМ «За усердную 5-летнюю службу в БРЭМ» (фрачная, на воротнике).

Харбин. Не ранее 8 июня 1941 г.
Из семейного архива М. А. Шараповой

Дочери А. П. Бакшеева.

Слева направо: Валентина, Анна,
Мария, Ольга.

Чита. Ок. 1921 г.

Из семейного архива М. А. Шараповой

**Полковой знак 14-го уланского
Ямбургского Великого княгини
Марии Александровны полка,
послуживший прототипом**

Белой эмали Мальтийский крест с золотым узким ободком и шариками на концах лучей, в центре – розетка красной эмали с вензелем Николая II под императорской короной, обрамленная зеленой эмали лавровым венком. На горизонтальных лучах – юбилейные даты: «1806» и «1906». Между лучами – накладные золотые вензеля Александра I, Николая I, Александра II, Александра III под императорскими коронами).

**«Крест Ачинского конно-
партизанского отряда» («Крест
Ачинского конного эскадрона»)**

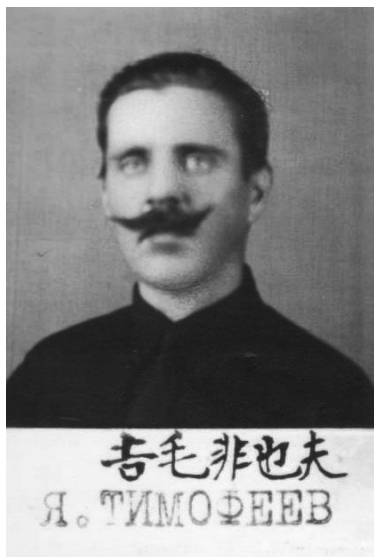

Серебряный Мальтийский крест белой эмали, лежащий на серебряном терновом венке. В середине креста положен поднятый серебряный меч с золотой рукоятью. На поперечных сторонах креста памятная дата: «3. III. /1918» – день первого боя с большевистскими войсками.

**К истории создания боевой награды
«Крест Ачинского конно-партизанского отряда».**
Сравнительный анализ А. Н. Тимофеева

Юнкер Яков Яковлевич Тимофеев. Чита. 10 декабря 1919 г.
Из семейного архива Тимофеевых

Эмигрант Яков Яковлевич Тимофеев.
Харбин. 1935 г. *Из фондов ГАХК*

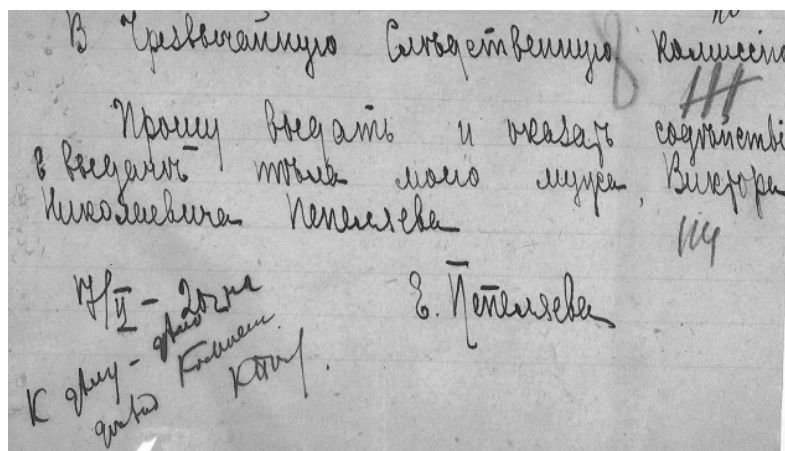
**Старший унтер-офицер на должности фельдфебеля Сергей Николаевич
Ликаонский во время учебы в Иркутском военном училище.**
Томск. 1917 г. Из личного архива В. Федорова

Сергей и Варвара Ликаонские с дочерью Людмилой.
Томск. 1914 г. Из личного архива В. Федорова

Билет для бесплатного проезда на железнодорожном транспорте,
 выданный В. Н. Пепеляеву канцелярией МПС. Лицевая сторона.
 Омск. 9 мая 1919 г. Из личной коллекции М. Селиванова

Прошение жены В. Н. Пепеляева в Чрезвычайную следственную комиссию
 о выдаче ей тела её супруга. Иркутск. 17 февраля 1920 г. Из фондов ГАИО

Николай Капитонович Батюшкин.
Омск. Ок. 1918 г. *Из фондов ГИАОО*

Эмигрант Николай Капитонович Батюшкин.
Харбин. Ок. 1935 г. *Из фондов ГАХК*

Георгий Константинович Чукреев. 20-е гг. XX в. Из фондов ГИАОО

Вступление Чехословацкого корпуса в Омск.
Середина июня 1918 г. *Предоставлено Е. Диденко*

Радол Гайда со штабом. Петропавловск. Лето 1918 г.
Из фондов Государственного архива Северо-Казахстанской области

Члены Тарского уездного революционного комитета.
Тара. 1919 г. Из фондов ГИАОО

Красногвардейцы, направленные из Омска на Тобольский фронт, (в 1918–1919 гг. – партизаны). Слева направо: 1-й ряд: 1) И. С. Белкин, комиссар ЧОН; 2) Г. Ф. Захаренко, комиссар; 3) К. Щадов; 4) Д. Д. Поварнин, партизан из Тары; 2-й ряд: мадьяры – партизаны из Тары. Омск. 1918 г. Из фондов ГИАОО

Пантюхин Ю. П. Марьяновский бой.

80-е гг. XX в. Из фондов Марьяновского краеведческого музея

Писатель Всеволод Иванов. 20-е гг. XX в.
Из семейного архива Е. А. Папковой

СВЕДЕНИЯ ОБ УЧАСТНИКАХ КОНФЕРЕНЦИИ

Алексеева Оксана Алексеевна (Санкт-Петербург), заместитель заведующего филиалом Государственного музея политической истории России, кандидат исторических наук.

Бородина Галина Юрьевна (Омск), руководитель Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области.

Величко Светлана Анатольевна (Омск), доцент кафедры теории и истории государства и права Омской юридической академии, кандидат исторических наук, доцент.

Гайкин Виктор Алексеевич (Владивосток), старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Демаков Илья Николаевич (Екатеринбург), заведующий отделом использования и публикации документов Государственного архива административных органов Свердловской области.

Дроботушенко Евгений Викторович (Чита), декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии Забайкальского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

Ермакова Анна Александровна (Исилькуль), ведущий специалист архивного сектора Администрации Исилькульского муниципального района Омской области.

Журавлёв Евгений Николаевич (Омск), сотрудник Управления ФСБ России по Омской области.

Зверев Станислав Викторович (Красноярск), независимый исследователь.

Звягин Сергей Павлович (Кемерово), профессор кафедры новейшей отечественной истории Кемеровского государственного университета, доктор исторических наук, профессор.

Каиндина Татьяна Викторовна (Омск), главный архивист отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области.

Калашников Евгений Николаевич (Марьяновка), управляющий делами Администрации Марьяновского муниципального района Омской области.

Капустин Леонид Геннадьевич (Муром), независимый исследователь.

Кобылецкий Михаил Александрович (Омск), учитель истории средней общеобразовательной школы № 51 г. Омска, магистр истории.

Коломбет Ирина Викторовна (Исилькуль), начальник архивного сектора Администрации Исилькульского муниципального района Омской области.

Коновалова Наталья Александровна (Омск), главный архивист отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области, магистр истории.

Кривченко Любовь Анатольевна (Хабаровск), главный специалист отдела использования и публикаций Государственного архива Хабаровского края.

Кротова Мария Владимировна (Санкт-Петербург), доцент кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат исторических наук, доцент.

Лосунов Александр Матвеевич (Омск), преподаватель Сибирского казачьего юридического колледжа, краевед.

Махнанова Ирина Алексеевна (Омск), научный сотрудник Омского государственного литературного музея им. Ф. М. Достоевского.

Новиков Сергей Валентинович (Омск), заведующий кафедрой управления развитием образования Омского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор.

Огородникова Людмила Ивановна (Омск), начальник отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области.

Папкова Елена Алексеевна (Москва), старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН, кандидат филологических наук.

Паришуков Владимир Александрович (Ульяновск), независимый исследователь.

Петин Дмитрий Игоревич (Омск), главный архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области; старший преподаватель кафедры «Отечественная история» Омского государственного технического университета, кандидат исторических наук.

Помыткина Вера Леонидовна (Тара), архивист 1-й категории филиала Исторического архива Омской области в городе Таре.

Растягаева Галина Ивановна (Омск), начальник архивного управления Министерства культуры Омской области, кандидат исторических наук.

Стельмак Максим Максимович (Омск), аспирант кафедры «Отечественная история» Омского государственного технического университета; главный архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области.

Сумина Ирина Николаевна (Тара), начальник архивного отдела Администрации Тарского муниципального района Омской области.

Сушко Алексей Владимирович (Омск), профессор кафедры «Отечественная история» Омского государственного технического университета, доктор исторических наук, доцент.

Тетерин Вадим Игоревич (Пермь), старший преподаватель кафедры истории, социологии и права Пермской государственной сельскохозяйственной академии.

Тимофеев Александр Николаевич (Красноярск), независимый исследователь.

Тимченко Юлия Валерьевна (Омск), архивист 1-й категории отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области.

Тихонов Александр Александрович (Тара), заведующий научно-краеведческим центром им. А. А. Жирова Тарской центральной районной библиотеки.

Храпова Наталья Святославовна (Омск), главный архивист отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области.

Царегородцева Татьяна Ивановна (Тара), директор Тарской центральной районной библиотеки, кандидат филологических наук.

Шепелева Валентина Борисовна (Омск), доцент кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, доктор исторических наук, доцент.

Шиловский Михаил Викторович (Новосибирск), заведующий кафедрой истории России Новосибирского государственного университета, доктор исторических наук, профессор.

Штырбул Анатолий Алексеевич (Омск), профессор кафедры всеобщей истории, социологии и политологии Омского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор.

Шулдяков Владимир Александрович (Омск), профессор кафедры истории и философии Омского экономического института, кандидат исторических наук, доцент.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКПО	– Ачинский конно-партизанский отряд
БРЭМ	– Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии
ВОХР	– войска внутренней охраны республики НКВД СССР
ВМН	– высшая мера наказания
ВФП	– Всероссийская фашистская партия
ВЦИК	– Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК	– Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ГААОСО	– Государственный архив административных органов Свердловской области
ГАЗК	– Государственный архив Забайкальского края
ГАКК	– Государственный архив Красноярского края
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАУ	– Главное архивное управление
ГАХК	– Государственный архив Хабаровского края
ГИАОО (ГАОО)	– (Государственный) Исторический архив Омской области
ГМЗ	– государственный музей-заповедник
губком	– губернский комитет
ДВО РАН	– Дальневосточное отделение Российской Академии Наук
ЕКВ	– Енисейское казачье войско
ЗАГС	– запись актов гражданского состояния
ЗКВ	– Забайкальское казачье войско
ЗСОРГО	– Западносибирский отдел Русского географического общества
ИМА	– Исилькульский муниципальный архив
истпарт	– Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)
ИТЛ	– исправительно-трудовой лагерь
КВЖД	– Китайско-Восточная железная дорога
КГБ	– Комитет государственной безопасности
Комуч	– Комитет членов Учредительного собрания
ЛИТО	– литературный отдел
МВД	– министерство внутренних дел
МХАТ	– Малый художественный академический театр
НАТО (North Atlantic Treaty Organization)	– Североатлантический Альянс
НКГБ	– Народный комиссариат государственной безопасности
облпарта́рхив	– областной партийный архив
(О)ГПУ	– (Объединённое) Главное политическое управление

ОЛМ	– Омский литературный музей им. Ф. М. Достоевского
ПСЗРИ	– Полное собрание законов Российской империи
ПСР	– партия социалистов-революционеров
РВО	– Российская Восточная Окраина
РВСР	– Революционный военный совет Республики
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства
РГВА	– Российский государственный военный архив
РКСМ	– Российский коммунистический союз молодёжи
РККА	– Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РККФ	– Рабоче-Крестьянский Красный Флот
РКП (б)	– Российская коммунистическая партия большевиков
РОВС	– Российский общевоинский союз
РСФСР	– Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ	– Российская Федерация
САСШ	– Северо-Американские Соединённые Штаты
Сиббюро	– Сибирское бюро
Сибземгор	– Сибирский союз земств и городов
Сибкрайком	– Сибирский краевой комитет
СМЕРШ	– «Смерть шпионам!» (название советских военных контрразведывательных органов в период Великой Отечественной войны)
СМИ	– средства массовой информации
СНК	– Совет народных комиссаров
Союзземгор	– Всероссийский Союз земств и городов
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
уздрав	– уездный отдел здравоохранения
УК	– уголовный кодекс
УНКВД	– Управление Народного комиссариата внутренних дел
ФСБ	– Федеральная служба безопасности
ХПИ	– Харбинский политехнический институт
ЦГАОР	– Центральный государственный архив Октябрьской революции
ЦГАРК	– Центральный государственный архив Республики Казахстан
ЦДННАО	– Центр документации новейшей истории Омской области
ЦИК	– Центральный исполнительный комитет
ЦК	– Центральный комитет
ЧВУ	– Читинское военное училище
ЧОН	– часть особого назначения

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ВОСТОКЕ РОССИИ:
ОБЪЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
(Омск, 12–13 ноября 2014 года)

Верстка – О. Князева
Формат 60×84 1/16.
Тираж 100 экз.
Подписано в печать 10.06.2015.
Заказ № 88.

Издательство «Амфора»
644046, Омск, ул. Почтовая, 38
Тел./факс (3812) 53-12-78
e-mail: amfora2002@inbox.ru